ПИОНЕР 6

1985

Елена БЛАГИНИНА

БАЛЛАДА О МИРЕ

Шумели нивы:
— Не хотим войны!
Войною были мы опалены.
Тугие зерна сыпались, текли
В утробу развороченной земли.
Народ терпел великую беду —
Он корни ел, кору и лебеду,
Сиротский плач стоял по всей земле
Над нивами, лежащими в золе.
Мы рождены, чтобы растить зерно,
Чтоб из колхозов ливнями оно
По всем углам, во все концы страны...
Могучие — мы не хотим войны.

Звенели воды:
— Не хотим войны!
Войною были мы осквернены:
Врагов убитых на себе влекли,
Качали вражеские корабли,
Мы рождены, чтобы поить сады,
Чтоб наполнять каналы и пруды,
Чтобы держать суда родной страны...
Могучие — мы не хотим войны.

Леса гудели:
— Не хотим войны!
Войною были мы разорены.
Рубцы и раны все еще свежи,
Хоть заросли травою блиндажи,
Осколки мин скрывает мягкий мох
И визг снарядов в памяти заглох.
Мы рождены хранить истоки вод,
Стволы лелеять, радовать народ
Разливом листьев, света, тишины...
Могучие — мы не хотим войны.

Народ сказал:
— Я не хочу войны!
Войной мои сыны истомлены,
От слез ослепли матери мои,
И жены молодые — без семьи...
Могущественный — я хочу труда,
Покоя, мира, счастья навсегда,
Чтобы моих лесов полей и рек
Рука врага не тронула вовек!
Но если все ж кровавую пургу
Раздует враг, не устоять врагу —
Сведу его со света, изведу,
Змею-беду от сердца отведу.

Голубое небо, ласковое солнце, прекрасный „Артек"...

«Артеку» — шестьдесят!
На день рождения
самого главного
пионерского лагеря страны
съедутся тысячи ребят
со всех концов земли.
Вот это будет
настоящий праздник!
Захотят на него попасть и те,
кто был в «Артеке»
в прошлом году,
десять лет назад,
тридцать, шестьдесят.
Но это, к сожалению,
невозможно.
Такое количество гостей
не разместить даже
на огромной артековской земле.
Но можно «Артек» поздравить —
открыткой, письмом,
телеграммой,
теплым, дружеским словом.
Вот таким, например.

Я артековка 1982 года. Наш отряд был отрядом барабанщиков. Никогда я не думала, что это так здорово — стучать на барабане! Вожатые научили нас выбивать разные марши. Особенно мне понравился «Артековский марш» — четкий и в то же время озорной... Я и мои друзья всегда первыми встречали зарубежных гостей. Какие у них были удивленные, радостные лица, когда они слышали наши веселые дроби на барабанах... Я стала на всю жизнь артековкой. Я горжусь тобой, «Артек». Я люблю тебя, «Артек».

Лена Веретко, с. Советское, МССР.

В «Артеке» все дни чудесные. Но особенно мне запомнился день, когда мы поднимались на вершину горы Аю-Даг. Путь, конечно, предстоял трудный — ведь высота горы 573 метра, — но от радости, что идем первой гайдаровской тропой, мы не чувствовали усталости. Гайдар — наш любимый писатель, мы хорошо знаем его книги, и поэтому ощущение, что мы в тех местах, где ходил Аркадий Петрович, было ни с чем не сравнимо. На вершине

1 ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ИЮНЬ 6

Москва 1985 г.
Издательство «Правда»

горы нам вручили значки гайдаровцев. Затаив дыхание, мы ступали на горячий камень... А внизу плескалось море, шумели кипарисы, жил прекрасный «Артек».

Алла Шумилина, п. Вал, Сахалинская область.

Я член пионерской организации СВАПО. Через два года мне исполнится шестнадцать лет и встанет вопрос: кем быть? Я хотела бы стать пионервожатой. Эта мечта появилась у меня еще в Ньянго, замбийской школе-интернате, где живут и учатся дети беженцев из Намибии и где меня приняли в пионеры. Эта мечта окрепла в 1984 году в «Артеке», когда я увидела, сколько интересного и полезного может организовать для детей вожатый, чтобы

жизнь их сделать счастливой. С восторгом наблюдала я за артековскими вожатыми. Своей неистощимой выдумкой, умением и энтузиазмом они казались мне чародеями. Я буду счастлива, если когда-нибудь и мои воспитанники назовут меня чародейкой!

Анна Лиабану, 14 лет, Намибия.

Когда мы уезжали из «Артека», меня спросили: «Оксана, были ли у тебя здесь настоящие друзья?» Я ответила, что все мы были хорошими, добрыми друзьями, но настоящих, наверное, не было. А вожатая Ира сказала: «Мы начинаем по-настоящему ценить друзей, когда их нет уже рядом». Это оказалось правдой. Когда я начала вспоминать дома все подробности жизни в «Артеке», то поняла, что у меня были настоящие друзья, каких не было раньше.

Оксана Моисеева, г. Медногорск, Оренбургская область.

Я часто спрашиваю себя, почему нам так хорошо было в «Артеке»? Почему мы не обижали друг друга, почему улыбки и песни сопутствовали нам, где бы мы ни появлялись? Я думаю, дело здесь в той необыкновенно красивой природе, какая окружала нас в «Артеке»... Никогда прежде не видел я места более удивительного, необычного, великолепного, чем Аю-Даг!

У каждого из нас есть свое хобби. Я, например, люблю сочинять стихи о природе. В июле 1984 года не было дня, чтобы я не записал в свою поэтическую тетрадь новые стихотворения об Аю-Даге...

Людовик Мартин, 13 лет, Франция.

Я артековец 1938 года. Родился и вырос в семье беднейшего крестьянина-якута. Жил с семьей в глухом месте. Ни один человек из нашего поселка не ездил в то время в Москву, не говоря уже о Крыме или Кавказе. Поэтому моя поездка в «Артек» превратилась в огромное событие. В поселке все только и говорили об этом, давали советы, как вести себя в пути, и вообще искренне волновались.

До «Артека» я добирался больше двух недель.

Первое, что поразило меня,— это природа. Горы, море, высокие душистые деревья, яркие цветы, как самоцветные камни. У меня прямо дух захватило от всей этой красоты... Я быстро подружился с ребятами: мы жили как одна семья. В «Артеке» вообще отношения с людьми складываются легко и просто, я заметил. Такое бывает только в хорошем месте.

Однажды по извилистой тропинке поднимались на вершину горы Аю-Даг и там ночевали. Незаметно прошла ночь, а утром увидели восход солнца. Какое это было красивое зрелище, когда огромный огненный шар поднимался из-за тихого моря. Я стоял несколько минут в восхищенном оцепенении... На обратном пути нас по очереди везли на ослах. На перевале проводник, старик-татарин, рассказывал легенды про Аю-Даг.

Отдых в «Артеке» навечно остался в моей памяти как один из прекрасных эпизодов жизни. Я закрываю глаза и вспоминаю: огненный шар солнца над морем, коричневые морщины татарина-сказочника, радостные улыбки друзей-артековцев...

Т. Данилов, персональный пенсионер, пос. Хандыга, Якутская АССР.

В моем родном квартале в Осло меня зовут «Колючкой», потому что я ни с кем не дружу. Вернее, со мной не дружат, считают меня зазнайкой. А мне просто неинтересно с теми мальчишками и девчонками. Наверно, потому, что они младше меня. А в «Артеке» со мной случилось что-то невероятное. В «Артеке» у меня появилось столько друзей, что хватило бы на всех детей Осло! Среди них: пятнадцатилетний Олег из Ленинграда и десятилетняя француженка Моника, девятилетний афганец Ахмат и шестнадцатилетняя американка Илла... Ребята разных национальностей и возрастов. И со всеми из них мне было интересно. В «Артеке» я поняла: скучно нам или весело — зависит от нас самих. А возраст твоих друзей ни при чем!

Шаннет Кристансен, Норвегия.

Двадцать четыре дня в «Артеке» останутся в моей памяти как прекрасный сон... У нас есть поверье: если человеку приснился хороший сон, то он

должен сделать доброе дело! Вот и я теперь мечтаю сделать много добрых дел у себя на родине.

«Артек» многому меня научил. Пионерская организация на Островах Зеленого Мыса еще очень молода, и нам предстоит многое узнать, чтобы сделать жизнь наших пионеров интересной. В «Артеке» мне понравились детские праздники, которые устраивали все делегации. Я обязательно расскажу об этих праздниках. У меня даже есть задумка провести детский праздник вроде артековского в нашем пионерском отряде в городе Прая. А еще я много занималась в «Артеке» спортом. «Пионер — значит спортсмен» — этот артековский лозунг я тоже увезу к себе на родину.

Рут Ноели, Республика Острова Зеленого Мыса.

Я была в «Артеке» в то время, когда война уже стучалась в наши двери. Шел 1936 год. Конечно, в чудесном пионерском лагере было и весело, и интересно. Но главное, что мне запомнилось, это то, что мы с ребятами занимались в кружках, где учились стрелять, оказывать первую медицинскую помощь, прыгать с парашютом. Запомнились мне встречи с героями-пограничниками, участниками гражданской войны. Так нам хотелось хоть чуточку быть похожими на них! Мы еще не знали, не догадывались, какой ценой завоевываются рассказы ветеранов о подвигах.

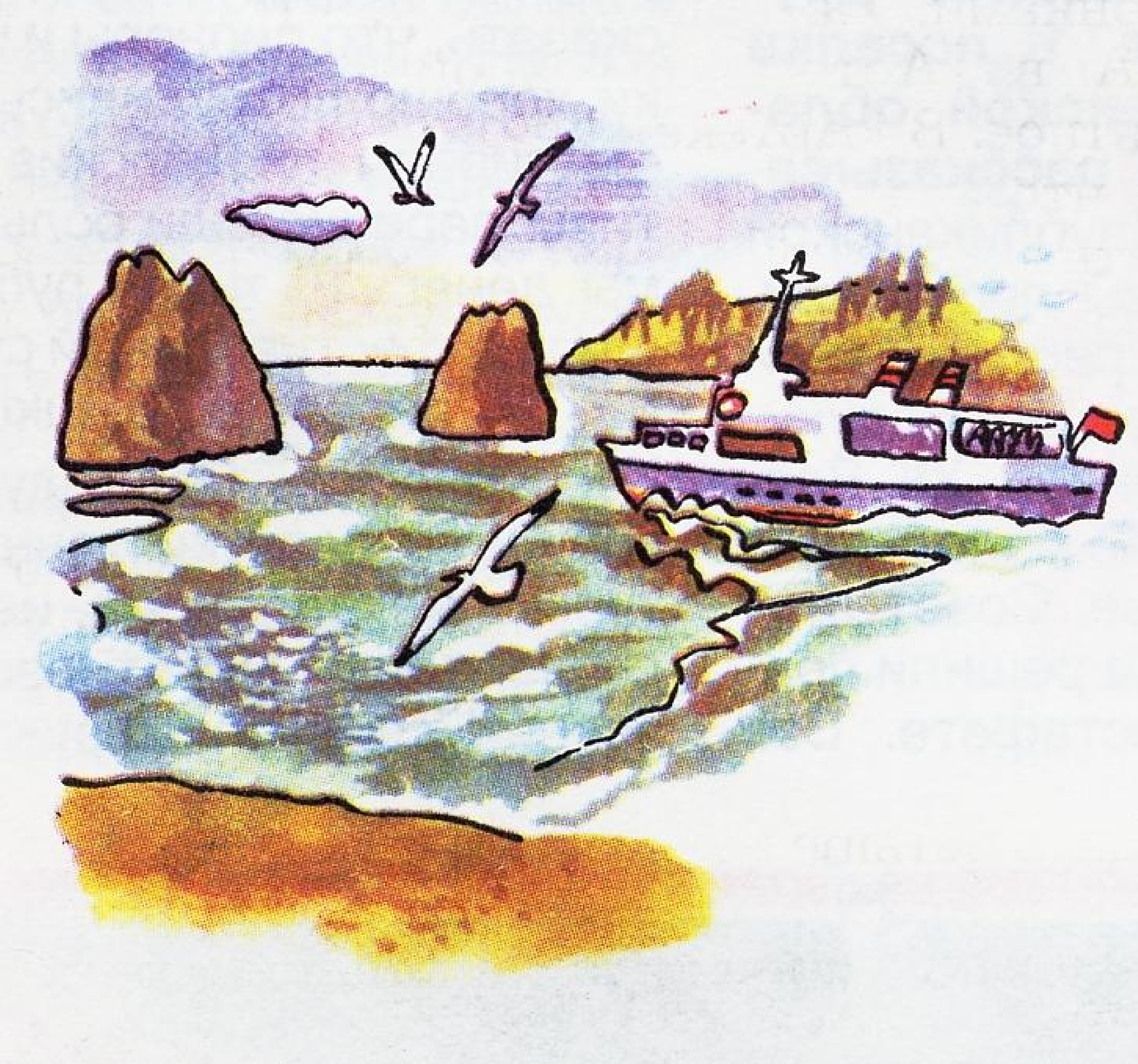
Как нам пригодились знания, полученные в «Артеке»!

В годы войны я добровольно ушла на фронт, окончила школу радистов, прыгала с парашютом. В глубоком тылу, на оккупированной территории, самым светлым воспоминанием нашей мирной жизни был «Артек»: голубое небо, ласковое море.

Вера Дмитриевна Бабурина, г. Москва.

«Артек» научил меня любить мир и бороться за него... Мы жили в «Артеке» как одна дружная семья. Нам было весело. Мы были счастливы. Но вот закончилась смена, и настало время возвращаться на родину. У многих из нас «Артек» останется в памяти, как сказка, потому что на родине у нас льется кровь, гибнут дети, рвутся бомбы... Никарагуа, Ливан, Кампучия, Сальвадор, Афганистан... Сколько еще мест на земле, где дети живут в страхе перед гибелью от пули душмана, карателя, недобитого полпотовца или сомосовца. Я не хочу, чтобы мои новые артековские друзья стали жертвами империализма. Я хочу мира всем детям планеты! Я верю, когда-нибудь вся наша планета станет одним «Артеком»!

Мария Лурдес Вега, Эквадор.



НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ

XII·МОСКВА·1985

Бухарест, 2—16 августа 1953 года,
IV Всемирный фестиваль молодежи и студентов

Политические заключенные тюрьмы Эгины (Греция) направили приветствие фестивалю. «...Мы, борцы национального сопротивления, борцы за демократию и мир,— писали молодые политзаключенные,— желаем молодежи всего мира успехов в борьбе против новой мировой войны... Мы просим молодежь мира оказать содействие в борьбе за предотвращение расстрела греческого заключенного Андрею Бодлоти и за проведение в жизнь всеобщей амнистии...»

Делегаты фестиваля откликнулись на призыв греческих политзаключенных. В адрес правительства Греции полетели сотни телеграмм протеста. «Свободу патриотам Греции! — требовали юноши и девушки, посланцы молодежи всей планеты.— Мир и демократию — на землю Эллады!»

* * *

Большой популярностью на фестивале пользуется чехословацкий театр кукол. «Маленькие куклы — большие борцы за мир» — под таким лозунгом выступают артисты чехословацкого театра «Спейбл и Гурвинек». Театр возник тридцать лет назад. Он продолжает славные традиции кукольного театра, созданного еще в начале XIX века Матеем Копецким.

* * *

Тысячи разноцветных огней и ярких прожекторов вспыхнули на аллеях центрального парка Бухареста. Участники фестиваля, молодежь Бухареста собрались на грандиозный карнавал. Забавные маски, конфетти, серпантин, звон оркестров — вот что такое карнавальное шествие. Здесь можно было встретить костюмы всех времен и народов. Вот проскакали на взмыленных лошадях Дон Кихот и Санчо Панса, проплыл на корабле пустыни, верблюде, восточный волшебник. А вот закружилась в хороводе группа голландских юношей и девушек в национальных костюмах... Яркие, пестрые, ежеминутно меняющиеся, подобно картинам в калейдоскопе, краски карнавала создают неповторимую картину праздника дружбы, радости жизни.

* * *

Советские спортсмены на фестивале в Бухаресте завоевали 333 медали: 202 золотых, 72 серебряных и 59 бронзовых. Они установили семь всесоюзных, два европейских и два мировых рекорда.

Отряд говорит

ВСЕ СТРАНЫ В ГОСТИ БУДУТ К НАМ

Чем меньше времени остается до XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, тем больше писем мы получаем от пионерских отрядов и дружин с рассказом о том, как готовятся к фестивалю юные ленинцы.

От имени КИДа 7-й средней школы города Кривого Рога пишет Татьяна БАТАНИНА: Мы самые счастливые дети планеты — мы не знаем войны. Мы благодарны старшим за это. Мы хорошо понимаем, что не должны стоять в стороне от больших и малых дел нашего народа. Мы должны так жить и так учиться, чтобы суметь приумножать успехи взрослых. Сейчас вся наша страна готовится принимать делегатов и гостей XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Мы тоже хотим внести свой вклад в эту работу. Мы решили сделать сувениры для участников фестиваля. Устроили конкурс рисунков на тему «Дружат дети на планете!», конкурс политических плакатов. Лучшие рисунки и плакаты украсили наш актовый зал, когда мы давали концерт для родителей, учителей, знакомых в Фонд фестиваля. Ребята так старались. Кто пел, кто играл на скрипке, кто на трубе, были исполнители народных и современных танцев... Столько выступающих собралось, что пришлось повторить концерт и на другой день. Мы собрали 191 рубль 40 копеек. И все это отправили в Фонд фестиваля. А самые лучшие поделки-сувениры — в Москву для участников фестиваля. По дружным аплодисментам и улыбкам на лицах взрослых мы видели, что концерт им нравится. С удовольствием они приобретали и сувениры. Но больше всего, кажется, они одобряли то, что мы не остаемся в стороне от общей борьбы за мир, против войны.

По поручению октябрятской звездочки 3-го класса «Б» Стахановской средней школы Ворошиловградской области написала Оксана ДИДЕНКО: Мы живем и учимся в городе Теплогорске. Недавно у нас проходил праздник солидарности «Мы за мир!». Я поняла, что и мы, октябрята, своими делами вносим вклад в борьбу за мир. Я знаю о войне только из книг и кинофильмов. И еще дедушка мне рассказывает о войне, вспоминает своих фронтовых друзей, которые с войны не вернулись. Я вижу, как дедушка не хочет, чтобы повторилась война, и вся наша семья не хочет, и я не хочу войны. Пусть наша земля всегда будет счастливой. Мы рады, что XII Всемирный фестиваль будет проходить в нашей стране. Фестиваль еще крепче сдружит молодежь разных стран. А мы пошлем фестивалю привет в своих рисунках, поделках, письмах!

Председатель совета дружины школы № 1 поселка Свислочь Гродненской области Лена ЛОСКОТ рассказывает: В нашей республиканской газете «Зорька» мы прочитали, что начинается фестивальная эстафета «Возьмемся за руки, друзья!», посвященная XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве. Совет дружины и совет КИДа решили принять участие в эстафете. Все отряды дружно взялись за дело. Провели викторину «От фестиваля к фестивалю», включились в операцию «Белорусский сувенир». В октябрятские группы пионерские вожатые пошли с беседами о фестивале. На сборе «Все фестивали — в гости к нам» каждый отряд рассказал об одном из фестивалей, нарисовал его эмблему.

Наш корреспондент Алексей Чертихин** показал «фестивальную почту» заместителю председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина **Сергею Владимировичу ТУПИЧЕНКОВУ** и спросил у него: **«Как вы оцениваете работу пионерских отрядов, дружин, КИДов по подготовке к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов?»

— Всесоюзная акция «Дети Страны Советов — участникам фестиваля!» стартовала 1 сентября 1984 года, и теперь, когда учебный год уже позади, можно сказать, что пионеры и школьники хорошо потрудились. В Фонд фестиваля пионерские коллективы перечислили большие суммы денег. 10 тысяч рублей пришло на фестивальный счет только от пионеров и школьников Красноярска. Повсюду ребята собирали десятки тонн макулатуры и металлолома, на фермах создавали животноводческие звенья, собирали фрукты и яго-

с отрядом

ды в колхозных и совхозных садах, на полях занимались прополкой, сбором овощей. В январе во Всесоюзном пионерском лагере «Артек» прошла смена ударников пятилетки трудовых пионерских дел. Ребята рассказывали о своих трудовых делах, о трудовых десантах, и это был своеобразный рапорт старшим.

Руками ребят сделано много искусных сувениров. В Армении — красивые сумки в форме фестивальной ромашки, в Литве — тканые ленты со словами «Участнику XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов», в Таджикистане и Туркмении — небольшие коврики с национальным орнаментом. Особенно хочется мне сказать о ребятах из КИДа Мурманского Дома пионеров. Они предложили провести операцию «Каждому участнику фестиваля — пионерский сувенир!», и целый год готовили подарки. Свои поделки они украшали орнаментами народов Севера, оленьим мехом и бисером. Красивые вещи получились у них из полудрагоценных камней: аметиста, астроферита, озокерита, — которые мурманские пионеры находили в походах по родному краю.

Участвуя в акции «Дети Страны Советов — участникам фестиваля!», пионерские коллективы изучали нашу Программу мира, миролюбивые предложения Советского правительства, историю фестивального движения, деятельность ВФДМ, СИМЕА, ЮНИСЕФ. Узнавали о жизни и работе пионерских и детских демократических организаций стран мира. Встречались с участниками прошлых фестивалей и ветеранами Великой Отечественной войны. Нельзя забывать о том, что подготовка к фестивалю — часть нашей общей программы в борьбе за мир.

В дни, когда в Москве будет проходить XII Всемирный фестиваль, во Всесоюзном пионерском лагере «Артек» начнется международная смена, девиз которой «Салют, мир! Салют, фестиваль!». Лучшие пионерские художественные коллективы покажут свои новые программы на Всесоюзном фестивале детского художественного творчества.

Наш корреспондент спросил у Сергея Владимировича Тупиченкова: «Как всем остальным ребятам в пионерских загородных и городских лагерях, на отдыхе в селах и деревнях и повсюду строить свою жизнь в дни фестиваля?»

Ответ мы получили такой:

— Советы отрядов, советы КИДов должны дать своим пионерам задания. Каждому в отдельности. Кидовцы пусть наладят с первых дней лета встречи с делегатами прошлых фестивалей, проведение фестивальных викторин, конкурсов политической песни и политического плаката, изготовление сувениров для участников фестиваля. Ребята из художественных коллективов могут стать запевалами в разучивании песен и танцев, в организации «Костров дружбы». Спортсмены помогут всем участвовать в олимпиадах и турнирах. Юные туристы-краеведы поведут своих товарищей в походы к участникам Великой Отечественной войны, к передовикам производства и сделают стенды с рассказом о трудовых и боевых подвигах. Юннаты станут во главе ребят, которые помогут колхозам и совхозам, будут выращивать цветы для фестиваля. Семена и рассаду, выращенную в самых разных уголках нашей страны, пионеры и школьники с помощью своих вожатых и комитетов комсомола могут отправлять в города и села, по которым проедут участники фестиваля, следуя в Москву. И, конечно же, цветы очень нужны будут Москве — городу фестиваля.

В каждом пионерском лагере и повсюду, где соберется пионерский отряд, в дни фестиваля ребята должны провести «Фестивальную неделю». Она пойдет под девизом «Фестиваль в Москве, фестиваль везде!». Как ее построить? День памяти жертв фашизма. День антиимпериалистической солидарности. День Советского Союза. День труда. Праздник искусств. Фестивальная спартакиада. Встречи и беседы с делегатами фестивалей, активистами местных отделений Советского комитета защиты мира. Конкурсы политического плаката и политической песни. Трудовые десанты. Костры дружбы.

Когда пионеры вернутся в школу, они расскажут, как действовали фестивальным летом, чему научились, что смогут использовать в дальнейшей работе. Таково задание Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина всем пионерам и пионерским коллективам. Остается только пожелать всем успеха!

XII·МОСКВА·1985

Сувенир — делегату фестиваля

Дорогие ребята! В № 7 за 1984 год наш журнал объявил конкурс на лучший сувенир для зарубежных делегатов фестиваля. Сегодня мы рассказываем о некоторых наиболее интересных работах, поступивших на конкурс.

Пионеры лагеря «Чайка» Ленинского района Тульской области летом занимались в кружке «Мягкая игрушка». Лучшие свои поделки они прислали нам. «Пусть эти сувениры будут нашим маленьким вкладом в борьбе за мир»,— написали ребята. Интересные мягкие игрушки для зарубежных делегатов фестиваля прислали Наташа Горюнкова, Оля Коренькова, Лена Шиманова, Света Воеводина, Лена Павловская, Оля Переплетина.

«XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов — это новый вклад молодежи в борьбе за мир и дружбу между народами. Пусть планета больше никогда не увидит ужасов войны. Давайте же своими делами превратим ее в цветущий сад!» — такое письмо вместе с игрушками прислали ученики 9-го класса средней школы № 4 г. Рубежного Ворошиловградской области. Ребята направили на конкурс вязаные салфетки, эстампы и аппликации на ткани.

Ученики восьмилетней школы поселка Октябрьский Архангельской области провели конкурс. Лучшие поделки они прислали нам. Среди них подставка для спичек Павлика Зарубина, оригинальная ваза для цветов Наташи Микишиной.

Многие ребята, работая над сувенирами для зарубежных делегатов фестиваля, обратились к персонажам русских народных сказок и сказочным сюжетам. Интересными получились эстампы Лены Лукашевой, Леры Ивановой, Людмилы Матияш, Саши Пашко, Люды Сергиенко. Думаем, понравятся гостям фестиваля игрушки Светы Гашевой, Марины Силантьевой, Оксаны Яременко, пятиклассниц школы № 113 города Омска.

Конкурс на лучший сувенир для зарубежного делегата фестиваля продолжается. Ждем от вас новых интересных работ!

С. ТЕЛЯТНИКОВА

Фотографии М. ГОСТЮЖЕВА.

Сергей ИВАНОВ

ЕГО СРЕДИ НАС НЕТ...

ПОВЕСТЬ*

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

Сверкающие пули

Поздним утром в июльском лесу эхо разносится особенно далеко и прозрачно. Кукушки отмеряют года тебе щедро — остановись и считай. Один, два, три, четыре...

И вдруг замолчала.

Он, конечно, знал, что все это просто так, верить не надо. А сердце, однако, замерло. Так он стоял — словно притаился: не от кого-нибудь, а только чтобы тревога ушла. Поискала бы, поискала его — нету нигде... И ушла.

Но оказалось на сей раз, притаиться пришлось недаром. Вслед за кукушкой не успело пролететь и полной минуты, как появилась та, из-за кого предсказательница спела такую короткую жизнь.

Это была девчонка, довольно рослая, в коротком платье, энергичная, босая. И в левой руке ее была рогатка!

А он был напротив — человек нерешительный, склонный к всевозможным там размышлениям (недаром занимался таким сомнительным делом, как слушание кукушек) и босиком по большей части ходить опасался.

Он бы ни за что в жизни не должен был красться и следить за этой девчонкой: и девчонка была не та, и сам он был не тот, и занятие совсем не для него...

Но что-то вдруг заставило его решиться, пригнувшись за кустом.

А девчонка откуда-то из березовых шелестящих объятий вынула... сачок, только на более длинной палке. А вместо марли на нем была натянута какая-то плотная материя.

Девчонка воткнула сачок в землю, отошла шагов на пятнадцать... Зарядила свою рогатку! Пум! Сверкнула в воздухе какая-то бледная искра, не то молния, вздрогнул сачок.

Стреляла она быстро, будто на особых каких-то соревнованиях. И, кажется, ни разу не промахнулась. А лицо ее все время оставалось строгим и решительным.

Ни одна птица в этот момент не пела. И казалось, ни одна бабочка не пропорхнула через огромный аквариум лесной поляны. Так все были удивлены и напуганы тем, что происходило.

Вдруг девчонка повернулась прямо к той заросли, где он стоял пригнувшись, и сказала:

— Вот для чего мне оружие, понятно?.. А вовсе не для того, чтобы охотиться на твоих милых птичек!

И снова стрельнула — быстро, почти не целясь. И снова попала, потому что сачок вздрогнул и, видно, сильно отяжелевший от шариков, стал крениться. И вдруг упал навзничь, словно убитый...

Однако он — человек, пригнувшийся среди молодых колючих елок, человек, проживший весьма осторожную одиннадцатилетнюю жизнь,— стоял, не шевелясь. Не потому, конечно, что думал еще спрятаться, но потому, что он был растерян.

— Иди, не бойся,— сказала девчонка,— хочешь попробовать разок?— И махнула в сторону его убежища рукой, в которой была рогатка.

Тогда он вышел, и она насмешливо, но без презрения осмотрела его. Протянула свое оружие:

— Бей в березу.

Молча он приметился... Странно все это получилось... Шарик был холодный и гладкий — лучшая пуля для рогаточной стрельбы.

Свистнул шарик. Девчонка посмотрела подозрительно:

— Тренировался?

Он покачал головой. Где уж там было при его родителях тренироваться в стрельбе из рогатки!

— Значит, есть способности! — сказала девчонка, словно она ему эти способности и подарила.— Кстати, такие люди могут мне пригодиться.

Он хотел спросить, зачем ей могут пригодиться **такие** люди. И как вообще какой-то девчонке могут **пригодиться** люди. Но не сумел произнести ни звука.

— В общем, так,— сказала она, видя, что от него немного услышишь.— Речь идет о сыске, который начнется примерно через два месяца. Возможно, я задействую и тебя. Но для этого ты должен разбираться в нашей работе... В сыщицкой, я имею в виду!

Впервые он решился что-то промычать... вернее всего, спросить.

Тут же она его перебила. Как видно, ей не особенно требовалось, чтобы кто-то говорил в ее присутствии.

— Подумай сам,— сказала она.— Подумай и поймешь, что должен уметь сыщик. Мазурку, наверно, танцевать не обязательно. А десять — двенадцать

---

* Журнальный вариант.

приемов самбо будет в самый раз... Ну и так далее. Через два месяца я тебя проверю!

Он опять попытался было вымолвить удивление.

— Не волнуйся, я тебя сама найду. А в данный момент у меня работа по другой линии. Здесь и сейчас ты мне не нужен.

Тут она бросила ему шарик:

— На память... Но учти: очень многое будет зависеть от тебя!

И все. И будто окончился сеанс радиосвязи — она перестала его замечать. Сунула рогатку в сачок, сачок на плечо и пошла себе — «юная любительница насекомых».

А он остался стоять, сжимая в руке холодный шарик.

Это пароль

Когда о таких вещах читаешь в книжке, им просто не веришь. Но даже, когда такие вещи происходят с тобой самим, ты все равно остаешься в каком-то полусомнительном состоянии. И хочется на манер жителей прошлых веков воскликнуть: «Уж не сон ли это? Прошу вас, друг мой, ущипните меня!»

Однако не надо щипаться. В любой момент можно положить на стол блестящий шарик и увидеть, как он медленно начинает перекатываться, нащупывая круглыми боками невидимые для человеческого глаза неровности...

Сережа (он же Крамс), можно сказать, ни на минуту не забывал о той встрече...

Хотя, конечно, забывал — это ведь только так говорится: «Ни на минуту». И чем дальше, тем воспоминание и волнение делались смутнее. И даже иной раз он думал: да неправда это все. Девчонки ведь любят быть артистками — не откажется ни одна... Да, артистками. А проще говоря, вруньями.

Но эта была совсем не похожа на врунью!

Значит, все правда? Значит, что-то еще произойдет с ним?..

И продолжал упорно делать зарядку! Уже почти

два месяца он ее делал и не знал, на пользу это идет или впустую.

Вдруг однажды он додумался, что не будет толку от такой зарядки! Ведь если считается, что все болезни от нервов, то и здоровье должно быть от нервов — только от хороших нервов... Так-то! Недаром у него вся родня были научные работники.

И приказал себе успокоиться.

Оказывается, он теперь умел это — держать себя в руках. А может быть, просто он раньше не знал, что умеет. Ведь она ему не требовалась в его прежней осторожной жизни — такая сила воли.

До первого сентября оставалось лишь несколько дней — таких пустых и в то же время... наполненных суетными делами. Таких и радостных и тревожных — томительных, как в очереди на укол.

Первые дни и даже недели шестого класса мало чем могли отличаться от последних дней пятого. Это когда-то казалось, что, мол, первый и второй — это одно, а третий класс — совсем иное!

Ничего не иное — то же самое. Привыкаешь...

Несомненно, ему хотелось в школу, как и всем. Интересно всех увидеть, как бы заново признавая свой класс в этих загорелых незнакомцах и... незнакомках. Ну и вообще хотелось жизненных перемен — каникулы к концу всегда успевают поднадоесть!

Странно! Всегда мы чего-то ищем, каких-то перемен. И это, кстати, не только в школьной, а и во всей нашей дальнейшей жизни. И сколько ни уверяем себя, что остановись, мол, — от добра добра не ищут! А сами все ищем, ищем... Впрочем, это к делу не относится!

Итак, он дожил до первого сентября... А, извините, почему и что это, кстати говоря, за Крамс такой?

Крамской Сережа — вот и весь Крамс. К знаменитому художнику Крамскому отношения их фамилия, к сожалению, не имела. Хотя... хотя, говорило семейное поверье, слишком уж редкая и необычная фамилия, чтобы совсем ничего!

Крамса этого придумал отец. Как раз, чтобы Сережа всегда помнил про... «совпадение». И был достоин его! Сам Сережа не любил, когда его звали Крамсом, не любил этого тайного намека...

В школе, к слову сказать, на его фамилию обращали внимания очень мало. И прозвище у него было вовсе не художественное и с художниками никак не связанное, хотя и имело некоторое созвучие с его знаменитой фамилией.

В школе его звали Корма. Потому что и на физкультуре, и в буфете, и везде «более подвижные мальчики» (как выражалась Сережина бабушка) да и «более подвижные девочки» оттесняли уступчивого Крамса назад — на корму. Вот он и получился Крамской-Корма...

Сейчас, отжавшись от пола семнадцать раз, он подумал, что, может, и перестал уже быть Кормой?.. Но неужели из-за этой девчонки?..

На завтрак бабушка ждала его в белой торжественной кофте и такая особо аккуратно причесанная. Строго и приветливо она смотрела на внука, чтобы и он проникся ответственными задачами, которые ждут его, шестиклассника, практически взрослого человека.

А Сережа катал по столу шарик — холодный, он всегда был холодный. И в этом, если задуматься, все-таки пряталась какая-то тайна!

— Да что там у тебя? — спросила бабушка, чуть разочарованная тем, что Крамс не замечает ее особого настроя.

Впрочем, она давно привыкла, что у внука всегда что-то свое. А ее чувства обычно оказываются некстати... Она привыкла терпеть и молчать, как это привыкают делать все бабушки на свете... Вернее, все хорошие бабушки.

А ведь когда-то и они были девочками!..

— Что у тебя, Крамс?

Ему хотелось говорить про свое волнение... И не хотелось! Потому что говорить бы это пришлось бабушке. А Сережа ни на секунду не верил, что ей можно растолковать подобные вещи. И чтобы прекратить все дальнейшие вопросы, чтобы она поняла наконец, как бесконечно далека от его тайны, Сережа сказал:

— Это, видишь ли, пароль!

А потом вдруг:

— И возможно, он сегодня мне пригодится...

Пригодится?.. Ни предчувствия, ни тем более уверенности никакой в нем не было. Получилось, что словно кто-то внутри его... ну, как бы проговорился. После завтрака Сережа положил шарик в карман школьных штанов, хотя прежде намеревался снова сослать его в сухую чернильницу.

Два стальных шарика

Прозвенел звонок, раскрылись школьные двери. Пошел народ, мгновенно заполнив вестибюль, запрудив теснотой лестницу. А стены кругом новенькие, ярко-салатовые, пахучие. И запах этот, как обычно, продержится до октября, до первых больших дождей, а там завянет, перемешается со всеми прочими запахами школы.

Шестой «А» продвигался вверх по лестнице, и Сережа, сам почти не заметив того, оказался одним из первых. Через спины главных мальчишек класса он хорошо видел спортивную опрятную прическу их классной руководительницы.

Алены Робертовны...

Странное имя, не так ли? Но тут дело в том, что к отчеству «Робертовна» какое имя ни приставь, все будет странно... А в остальном она была, как говорится, вполне молодая, симпатичная и во всех случаях жизни старалась «своих детей понять», а проще говоря — защитить. Класс ее за это ценил!

Алена энергично раскрыла дверь класса, вошла... Но как-то не вошла, и народ, толкнувшись в ее спину, запрудился на пороге. По инерции Сережа еще немного продвинулся вперед.

И увидел ту самую девчонку. Из леса!

Конечно, Сережа вздрогнул и покраснел. Глаза их встретились... Как же она смогла его найти? А главное, зачем?

Она была одета в тапочки с тоненькой перепонкой, белые носки, короткую юбку и приветливую рубашечку в клетку. А стояла она совершенно спокойно и чуть-чуть ожидающе, как стоят хозяйки у себя дома, когда встречают гостей.

Лица ее было не разглядеть, потому что она стояла спиной к окну, в которое лился ослепляющий солнечный ветер. Сережа теперь хорошо понимал такие вещи. Когда детективу надо провести беседу, он всегда старается, чтобы свет падал на лицо его собеседника (противника!), а сам он оставался в тени.

Не один Сережа растерялся, между прочим. Алена Робертовна тоже:

— А это, ребята, наша новенькая, Таня Садовничья. — Вряд ли кто ее мог слышать, ведь все продолжали толпиться в коридоре. — Таня, а как ты сюда попала? — Голос ее наконец приобрел уверенность и обычную учительскую хрипотцу.

Ответила девчонка спокойно, как само собой, как знакомая знакомой:

— Я пришла раньше.

Мол, не расстраивайтесь, все в порядке, страшного ничего не произошло.

Учительница промолчала... Учителя теперь ко всему привыкли. Считается, что современные школьники все такие своеобразные. И класс не очень обратил внимание на слова новенькой — может, лишь несколько девочек, которые почувствовали в этой Тане конкурентку.

Но Сережа-то обратил! Он-то знал, что это за человек на самом деле.

И просто до ужаса странно: как все-таки она сумела проникнуть в ученики их класса!

Глазами она приказала ему никуда не рыпаться, просто ждать.

— Рассаживайтесь, ребята! — сказала Алена Робертовна, подойдя к своему столу.— Кто где хочет!

В прошлом году Сережа сидел один. Он ведь был Корма. В начале, правда, с ним сидел один мальчик, Савицкий, но потом он заболел. И придя, пересел на другое место. Его было учителя стали выгонять обратно к Сереже, а он взял да и совсем из школы ушел... Куда-то переехали в другой район.

С ним и теперь «по старой памяти» тоже не собирались садиться. Никому даже в мыслях не пришло сказать, что, де, греби ко мне, Корма... Ну, и с новенькой, с этой Таней... тоже никто садиться не собирался. Больше всего, конечно, из-за того, что просто стеснялись.

И тогда вдруг эта новенькая, с таким слишком простым для себя именем Таня, тогда эта девчонка улыбнулась Сереже спокойными глазами, кивнула на заднюю парту, в самом углу, у окна и пошла туда сама... За ней плелся Сережа. Корма!

Странная подробность. Незаметная, а все же странная... Алена Робертовна, уже готовая начать свою тронную речь, даже выпустила из легких воздух.

И ей пришлось его вдыхать заново!

— Здравствуйте, дорогие мои мальчишки и девчонки!

К этому своему вступительному слову она готовилась сегодня целое утро. И во время отпуска, лежа на песочке около моря, Алена мыслями не раз пролетала над этим мгновением — когда она говорит своим ребятам «тронную речь».

Она, может быть, и загорала только для них — чтобы выглядеть, чтобы они ею любовались и... гордились. И синее платье с белой отделкой специально надела.

Но, к сожалению, эта милая Алена Робертовна не очень-то знала школу, хотя и преподавала уже третий год. Она вообще не очень знала жизнь. А может, лучше будет сказать: не очень ее... замечала, как и все восторженные люди. И жила она не в настоящем мире, а в том, что сама себе придумала.

— Дорогие мальчишки и девчонки! Вот и пришел наш веселый праздник!

Эти фразы она услышала когда-то от Чуковского или, может быть, от другого такого же древнего писателя. И фразы эти очень понравились ей. Но то, что позволено знаменитому Корнею Ивановичу, никак не годится молоденькой учительнице. Она ведь не бабушка... и тем более не дедушка. И никогда «Мухи-цокотухи» не писала.

Класс, услышав такое вступление, сразу вспомнил, что Алена — известная витальщица в облаках. И тихо каждый занялся своим делом, то есть разговорами: не видались-то целую пропасть времени... глубиной в девяносто два дня.

Но именно тихо, потому что относились к Алене снисходительно и знали ее доброту.

Некто Игорь Тренин, человек в классе не очень уважаемый, аккуратно повернулся к Сереже, не торопясь осмотрел его соседку... Есть такие люди — они скрывают свою слабость тем, что угнетают других.

— Не теряешься, Корма,— сказал он наконец и хмыкнул... Он не старался к этому разговору привлечь чье-то внимание да и не привлек. Он лишь хотел напомнить Сереже, кто среди них «Главный».

И чтоб эта новенькая тоже знала!

К сожалению, Сережа не нашелся сразу, как ему ответить, а потому покраснел и растерялся... Вернее, был готов покраснеть и растеряться. Но его неожиданно выручила Таня... эта девчонка. И опять довольно неожиданным способом. Она спросила:

— Как его зовут, а?

Она спросила совершенно нормальным тоном, но так, словно Тренина здесь вообще не было.

— Его? Тренер...

Сережа вовсе не хотел унизить Тренина прозвищем. Просто вырвалось от неожиданности.

Таня посмотрела на Тренина спокойными стальными глазами:

— Хочешь, я тебе, Тренер, фокус покажу?

И вдруг вынула... шарик! Положила на край стола. Затем повернула голову, наставила глаза на Сережу — смотрела требовательно. И Сережа, буквально замерев от ужаса — ведь он, в сущности, захватил свой шарик совершенно случайно,— сунул руку в карман...

У Тренина буквально челюсть отпала. Очень дурацкая получилась физиономия и совершенно беспомощная от полного ничегонепонимания.

— Привет! — Таня показала головой, что теперь он может отвернуться, поскольку больше ей не нужен.

И Тренер отвернулся, совершенно бессловесно! Уши его от смущения горели, как два заката, и казалось, немножко подросли.

— Ты драться умеешь? — шепотом спросила Таня.

Сережа сразу понял, что врать бесполезно.

— Научишься! — Это она сказала так, словно бы давала ему задание на будущее.

Алена между тем продолжала свою речь...

— Ты будешь ее слушать? — спросила Таня. Опять ее вопрос застал Сережу врасплох: он не любил себе признаваться в том, что частенько не слушает учителей, а занят более интересными делами. Да в этом и никто не любит признаваться!

— Я лично послушаю,— сказала Таня.— Мне надо ее понять... А ты мне пока составь схему класса по партам: имена и прозвища.

Говорила Алена Робертовна. Говорила она, в сущности, умные и полезные вещи. Но почти никто ее не слушал — из-за «витательной» манеры выражаться. И только синие глаза с задней парты смотрели на Алену внимательно и спокойно.

И без всякой любви.

Стрелять в преступников

В тот день ничего больше примечательного не случилось с Таней Садовничьей... Нет, пожалуй, было. На шестом уроке, на физкультуре, им устро-

или прикидку на шестьдесят метров: кто как отдохнул за лето, кто сколько сил набрался, кого, может быть, стоит рекомендовать в легкоатлетическую секцию.

И здесь Садовничья вдруг заявила:

— Побегу только с самым сильным. Иначе мне неинтересно.

Степан Семеныч усмехнулся, чтобы скрыть растерянность.

— Ну... Удовлетворим твою просьбу...

И сначала все пробежали шестьдесят на время. А потом Таня побежала с самым сильным, с Огаровым.

Степан Семеныч надеялся после забега ей сказать, что вот, мол, никогда не надо задаваться.

Но она отстала совсем ненамного! И физкультурнику пришлось промолчать. Потом она объяснила стоящему рядом Сереже:

— Просто я хотела, чтоб меня сразу запомнили. Это будет нужно...

И ее действительно запомнили. А поскольку она контактировала только с Сережей, его телефон стал даже своеобразным дефицитом... Все бывает дефицитом, и даже номер телефона!.. Ведь в классе мало кто знал эти никому, казалось бы, не нужные семь цифр. И один человек, между прочим, даже продал их. Причем с заметной выгодой для себя.

— Ты можешь сказать-то, кто она такая?— спрашивали Сережу. А он отвечал:

— Пока не могу!

Его пытались подкупить, взять лестью и обещаниями лестной дружбы, клялись преследовать, он молчал... А что ему оставалось делать, когда он сам ничего не знал!

И вдруг словно гром среди ясного неба раздался ее звонок:

— Надеюсь, ты не удивляешься, что я знаю твой телефон?

— Удивляюсь,— честно ответил Сережа.

— Неужели ты думаешь, так трудно найти способ узнать телефон?.. Ну, в общем, дело-то не в этом. Приходи ко мне. Будешь заниматься боксом... Бокс мне от тебя нужен в первую очередь...

То был новый, известный всему кварталу домшестнадцатиэтажка... Через темный предбанничек его провели в слишком просторную, слишком светлую комнату, какие всегда бывают в новых домах, куда еще не успела заселиться мебель.

— Форму принес?—спросила Таня. Тут же увидела, что ничего он не принес, крикнула куда-то в закрытую дверь:—Дай ему что-нибудь.—А потом указала глазами, что Сереже туда надо войти.

Парень явно старше его сидел на стуле и зашнуровывал настоящие боксерские перчатки.

Из стоящего рядом раскрытого чемоданчика он вынул трусы, майку, посмотрел на Сережины (а в сущности, купленные бабушкой) сандалии:

— Сегодня босиком побудешь. В следующий раз свое принеси.

Сережа стал неловко раздеваться. Парень рассматривал его без всякого дружелюбия, но и без всякой вражды. Примерно так на вас смотрит в свое зеркальце, например, шофер автобуса: можно наконец закрывать двери или еще кто-то там телепается.

Как человек воспитанный, Сережа попробовал завести разговор. Спросил:

— А родители нам ничего?..

Видно, по его тону парень догадался, что Сережа был бы не против, если б родители вдруг помешали поединку.

— Не волнуйся,— ответил он с заметной усмешкой.—Родители в Африке.

Сереже представилась саванна из «Клуба кинопутешествий».

— Они исследуют?..

— Они токари, понял?—И добавил уже с неприязнью:— Что ж, одним профессорам быть?

Сережа миролюбиво пожал плечами: мол, ничего такого он не собирался думать.

— Вот я, например, в ПТУ учусь... А что ж, по-твоему, одним десятиклассникам быть?

Странная такая беседа...

Сережа никогда еще не надевал боксерских перчаток. Они были тяжелые и мягкие и в то же время внушительные. Сережа поднял их к лицу, как не раз видел в телевизоре, и стал коротко прыгать влево-вправо, влево-вправо.

— Давай делай, как я,— сказал мальчишка из ПТУ,— замах левой, удар правой, замах левой, удар правой... Не, ты как следует замахивайся, чтоб я поверил, чтобы я тебе челюсть открыл... А теперь смотри: делай вид, что ты в нос лупишь, а сам в живот... Оп-па!—Сережа почувствовал, как мальчишкина перчатка ударила его в самое солнечное сплетение. Но не очень больно, учебно.— Давай это двадцать раз!

Когда уже пот с Сережи лил, как дождь из июльской тучи, мальчишка остановил его и стал показывать упражнения, которые надо делать боксеру на зарядке: для брюшного пресса, для плеч, для шеи... Потом сказал Тане, которая все так же молча и внимательно следила за ними:

— Ничего, способный малый. Не курит—сразу видно.

Сережа сидел, положив на диван руки в тяжелых боксерских варежках и совершенно забыв, что он при женщине совершенно голый и босый. Да еще в чужом доме!

Но Таня Садовничья была для него не «женщина», не девчонка то есть, а... у взрослых это называется «начальство». У ребят же на сей счет имеется несколько названий. И поэтому, как говорится в учебнике по русскому языку, «вместо точек подставь нужное слово»...

Нельзя сказать, что ему понравилась эта тренировка. И нельзя сказать, что ему понравилось быть способным учеником боксера. Нет, ему, конечно, было приятно, что похвалили. Да только неприятно, что хвалили за умение бить. Он сказал, скрывая и довольство свое и недовольство:

— А зачем это вообще нужно?

— Пригодится!— Мальчишка усмехнулся.

— Ну для чего?

— Да для всего! Для уверенности... И потом... что ж ты не замечал—чем здоровей, тем спокойней.

— Не всегда. Америка, например, какая сильная, а совсем не «спокойная»!

Сережа спорил, по существу, не с мальчишкой этим. Он спорил с самим боксом, с умением драться, с умением бить.

Мальчишка не ответил ему ни слова, лишь посмотрел на Таню да пожал плечами:

— Я же не Америка...

— Его зовут Борис.—Таня кивнула, как бы подтверждая, что он действительно не Америка. И потом сама улыбнулась своей шутке.

И вдруг сказала:

— У меня хлеба нет. И купи чего-нибудь к чаю.

Борис спокойно кивнул и поднялся. Взял сумку и ушел.

— Он почему тебя так слушается?— спросил Сережа.

Таня в ответ пожала плечами:

— Ну... я опытней, умней... И он это отлично знает!

Сережа буквально рот раскрыл от удивления... Раскрыл бы, но он не мог себе такого позволить.

— Кто-то ведь должен быть главней, а кто-то должен подчиняться... Так везде.

Через несколько дней, когда они возвращались из школы, Сережа опять завел разговор про эту драку... про умение бить... И еще ему хотелось что-нибудь про нее узнать, про загадочную девчонку, которая стреляет из рогатки стальными шариками, для которой настоящие боксеры ходят в магазин...

Кстати, она и в Москве тренировалась в той своей расчетливой и спокойной стрельбе вешала фанерку с толстым пластилиновым кругом, чтобы шарики не разлетались.

И вот однажды Сережа спросил, зачем ей это надо.

— Учусь стрелять!

Сережа опять хотел спросить, зачем. Но неожиданно у него вырвалось:

— В кого?

— Я ж тебе, кажется, объясняла... еще тогда: я собираюсь работать инспектором уголовного розыска. Значит, надо уметь стрелять... Не из рогатки, конечно!— перебила она сама себя.— Но глаз тренирует хорошо. Я узнавала.

— Что ж ты будешь... в людей стрелять?

Она ответила, спокойно сверкнув на него синими глазами:

— Я буду стрелять в преступников.

На том разговор и окончился.

Учебные драки

Таня, конечно, видела, как он относится к ее планам, и к ее стрельбе, и ко многому другому из того, что она считала правильным. Обычно в таких случаях люди говорят тебе: «Ну, значит... как хочешь. Найду себе других».

Таня продолжала с ним, как это назвать? Дружбой по крайней мере не назовешь!.. Продолжала их отношения. И это было тоже необычно в ней... Как и все остальное.

И оставалось совершенно неясным, как она воспиталась такой. Словно прилетела с Марса и стала тут устанавливать свои законы и правила.

Собственно, ее законам подчинялся один только Сережа... Вот уже месяц, как он занимался боксом. А за месяц, оказывается, многому можно научиться. И ко многому можно привыкнуть.

Он научился наносить удары, и это уже не казалось ему чем-то непоправимым. Может быть, потому, что он научился принимать удары: не теряться, не умирать от первой оплеухи или тычка в нос. И он знал теперь: чем решительней и больше он нанесет ударов, тем меньше получит сам.

Два раза в неделю они ходили с Таней на тренировку по раскрытию преступлений. У кино, прямо перед входом в кассу, продавали мороженое. Ну и кто-нибудь непременно бросал бумажку на тротуар. Сережа обязан был определить, чья это бумага.

— Кого подозреваешь?— тихо спрашивала Таня. Стоя у стены, они внимательно оглядывали очередь.

Сережа успел уже заметить, что чаще бумагу бросали мальчишки. На них и стоило обращать особое внимание.

— Думаю, в синей куртке.

— Почему?

— Ест противно, толкается. Сорт мороженого совпадает: у него эскимо за двадцать и на бумаге эскимо.

Особо строгих доказательств тут быть не могло. Таня и Сережа к ним, пожалуй, и не стремились. Потому что развивали в себе такое чувство, которое у работников угрозыска называется интуиция.

— Ладно, принимаем этого типа как рабочую версию,— говорила Таня.— Действуй!

О, как он боялся в первые разы! Но и к страху можно привыкнуть! И даже довольно легко. Тут главное помнить, что, если даже тебя стукнут, например, по челюсти, ты от этого не умрешь, а сумеешь ответить ударом на удар.

Сережа подходил к «преступнику»:

— Подними бумажку, которую ты бросил!

Чаще всего ему отвечал недоуменный взгляд. Это удивительно, но люди даже не замечают, как они мусорят.

— Тебе сказали поднять!

— «Сказали»?.. А тебя тут сколько?

Если даже противник был выше и плечистей, он обязательно поначалу терялся — пугала Сережина уверенность.

— А ну поднимай... Как миленький поднимешь!

— Шо ты тянешь, мальчик? Шо ты понт собираешь?!

И наступал главный момент.

— Подними. Иначе морду набью!

Умение драться и не на боксерском ринге, а в настоящей жизни тоже входило в программу.

— Но ведь ты сама это умеешь! — сказал как-то Сережа. — Зачем я тебе нужен?

— А ты сам сообразить никак не можешь?.. — Она замолчала с ей одной доступной холодностью. — Я ведь все-таки женщина!

— Ясно... И кем же я тебе довожусь? Телохранителем?

— Ты мне доводишься доктором Ватсоном,— ответила она.

Словно жук на булавке?

Таня изучала класс. Она знала всех (конечно, с помощью... Ватсона).

Ее — никто. Ее, вернее всего, просто считали серой личностью: за месяц к ней попривыкли. О странном появлении скоро забыли. Таня сама так устроила, ограничиваясь короткими ответами, ограничиваясь отношениями с Сережей, который в классе все-таки котировался в основном на тройку.

Она говорила:

— Это все тренировка, а не жизнь. И потом сыщику совсем необязательно, чтобы его знали в лицо. Чем меньше народу меня понимает, тем лучше!

И еще она говорила:

— Я знаю. Ты думаешь, мы в пустые игрушки играем...

Говоря по правде, Сережа действительно во многом сомневался.

— А я на твоем месте лучше бы упорно готовилась!— говорила она с суровой укоризной.

— Да к чему?!

— К тому!.. К тому, что преступление зреет!

— Да с чего ты взяла?

— Логический расчет. Первый месяц все к школе относятся шаляй-валяй. Но дальше уже надо думать про четвертные... понимаешь?.. А честно думать по силам далеко не всем!

Сережа в таких случаях не умел ни возразить, ни поддакнуть.

— Для начала я расследую чисто школьное дело. К этому и готовься. Думай о школе, о классе. Все замечай.

И Сережа старался замечать.

И тем заметнее становились перемены в нем самом. Со страхом и волнением их замечала и Сережина бабушка.

Дело в том, что его родители уехали в сибирский Академгородок — участвовать в каких-то там экспериментах. Таня, узнав об этом, усмехнулась:

— Тоже на восток? Поближе к моим...— А закончила так: — Раньше дети хотели быть свободными от родителей, а теперь родители хотят быть свободными от детей.

— Да ты откуда это знаешь?

— Я же их не осуждаю!— Таня усмехнулась... И оставалось неясным, то ли она это сама придумала, то ли где-то вычитала... А где можно такое вычитать?..

Но речь сейчас не об этом и вообще не о Тане. Речь о Сережиной бабушке, о Елизавете Петровне. Каждый день, а особенно каждый вечер она собиралась поговорить с внуком и... не могла. Она сама установила в доме эти отношения вольности, свободы личности. Ведь когда-то она была тут вовсе не бабушкой, а главой семьи... Когда еще жив был ее муж и сын только готовился поступать на химфак в Московский университет... Н-да...

И все-таки однажды, когда Сережа пришел домой с синяком под глазом... И при этом вовсе не подавленный... И при этом глаза — и подбитый, и неподбитый — чуть ли не веселые, чуть ли не победные. (А они, наверное, и были победные, только бабушка того представить себе не могла!)

В общем, именно в такой вечер она решилась наконец. Всего, впрочем, на одну фразу:

— Ты думаешь, это хорошо — так измениться вдруг?— Она подала внуку холодную серебряную

ложку, чтобы он приложил ее к синяку.— Ты уже стал не ты, понимаешь? Какой-то другой!

Это были, как ей казалось, сильные слова. На Сережу, однако, они не произвели впечатления.

— Ну ладно. Давай пить чай!— сказала бабушка. И это была тоже не простая фраза в их семье. Она как бы значила: разговор вслух окончен. Но разговор про себя — безмолвный разговор и даже более важный — продолжается!

...Елизавета Петровна думала сейчас о довольно странном — о многих смертях, через которые приходится пройти человеку, пока он не доберется до последней и главной своей смерти.

Вот Сережа ее... Потерял такую чудесную наивность, детскость, доброту. Стал вдруг внимательнее, расчетливей. Стал другой! И значит, тот прежний Крамс больше не существует...

Так ужасно было это думать.

Но это была правда... Елизавета Петровна вдруг невольно вспомнила, как внук ее ожесточенно дышит, делая свою физзарядку... Конечно, это абсолютно в духе времени — увлечение спортом и так далее. Но господи, как же это непохоже на Крамса. На прежнего Крамса! Теперь уж его так и не назовешь!

Не в силах более сдерживать себя, Елизавета Петровна порывисто встала... То есть порывисто, насколько ей позволили шестьдесят шесть лет... И ушла к себе!

Она ошиблась. Те слова произвели на Сережу впечатление. Он, конечно, не мог знать о взрослой бабушкиной теории «многих смертей». А все же чувствовал эти перемены. И тревожно ему становилось. Хотя он и делал вид, что ничего, все в порядке. На самом деле было ему тревожно. Ведь он тоже принадлежал к этой семье, которую когда-то основала бабушка, и наследственная закваска в нем сидела крепко.

Машинально Сережа прижимал тяжелую серебряную ложку к подбитому глазу. Ложка была старая, с неудобной квадратной ручкой, на которой были вырезаны виноград, яблоки, груши, колосья, еще что-то пышно-растительное и четыре буквы: «ВСХВ». Так раньше, задолго до его рождения,

называлась Выставка достижений народного хозяйства.

Был бы сейчас поблизости человек, который умеет выражаться языком стенных газет и пионерских сборов, он сразу бы определил, что Сережа «идет на поводу»... Это вообще очень удобное выражение: если нужно обругать какую-нибудь дружбу или какую-нибудь привязанность (неважно, хорошую или плохую), то сразу можно сказать: а ты, братец, идешь на поводу!

Быть может, и Сережа шел?.. Не хотелось ему так думать, и глупыми казались эти слова. Получается, что про человека говорят, как про лошадь или как про корову!

Так что же — уйти, уйти от Тани?

И сразу отвечал себе нет, этого я не сделаю... Идти на поводу, может, и плохо, но и предавать тоже... не очень хорошо.

И все-таки странные это были... взаимоотношения! Попадись сейчас Сережа на язык сплетнице (а в любом шестом классе таких больше чем хватает), она точно определила бы: влюбился!

А ведь на самом деле Сережа и не думал влюбляться... Куда там!

Вообще-то бывает, что некоторые отчаянные десятиклассники действительно влюбляются иногда в своих учительниц. Подобные случаи, кажется, даже описаны в литературе и показаны по телевидению.

Но чтобы воспитанник группы детсада влюбился в свою воспитательницу — такого уж быть не может! А Сережа относился к Тане Садовничьей как раз именно так.

Неправильно было бы сказать, что он ее, например, боялся. Но и возражать не пробовал никогда...

Однажды он пришел к Тане для какого-то там их дела... Между прочим, она никогда не ходила к нему, а только он к ней. Сережина бабушка даже, наверное, и не подозревала о существовании такой Садовничьей Татьяны...

Он пришел к ней. Таня открыла дверь, молча и спокойно приложила палец к губам, провела в маленькую комнатку. И здесь из-за полуприкрытой двери он услышал разговор, который происходил в большой.

— Кто там пришел?

— Мой брат! — твердо ответила Таня.

А первый голос был нервный отчего-то. Мальчишеский.

— Ты ведь мне обещала. Разве не так?.. А теперь предаешь!

— Ну ты же видишь, я переехала в другой район, — спокойно отвечала Таня. — Другая школа...

— Что ж, если школа другая, значит, можно спокойно предавать?

— Мне это неинтересно больше! — опять очень твердо произнесла она. — И я не обязана притворяться.

На этом месте Сережа сильно прикрыл дверь, чтобы не подслушивать и чтобы напомнить о себе.

Через короткое время невидимый мальчишка ушел.

— Выходи! — сказала Таня. И потом: — Почему ж ты ничего не спрашиваешь?

А он и правда ничего не спрашивал... Как солдат, что ли?.. Ему прикажут, он и выполняет — вопросы никакие не нужны... Действительно странно!

— Рассказать, как я тебя в лесу узнала?

А он уж будто и забыл, будто у него Таня командиром всю сознательную жизнь... Надо же, гипноз!

— Мы когда эту квартиру купили, я решила сходить в школу... где буду учиться. А тут перемена — выходит ваш пятый «А». И ты в том числе.

— А почему именно пятый «А»?

— А это у меня семейная традиция. У меня отец все восемь лет в классе «А» учился. И я тоже!

Сережа кивнул... Все до того просто оказалось, что буквально лучше бы и не узнавать. Таня живо разобралась в этом его скучном кивке:

— Когда фокусы объясняют, всегда неинтересно!.. А сами только что хлопали! — Потом пригвоздила его взглядом: — Как же ты не оценил, что я тебя запомнила! И потом узнала! Через три месяца! Среди леса! Когда ты был в одних шортах!

Увидев, что Сережа чувствует себя пристыженным, она смягчилась:

— Это приходил один мой... в общем, человек из той школы. — Вдруг раскрыла нижнюю часть книжного шкафа. А там, как известно, книги обычно не лежат, там разные бумаги или же постельное белье.

Таня вынула несколько больших застекленных коробок. Сережа глянул и буквально замер от удивления. За стеклом оказались картонки, к которым сплошь, рядами были приколоты жуки.

— Мы вот чем занимались, — сказала Таня. — Дурацкое занятие! Каждый жук шевелит лапами чуть ли не по неделе.

Сережа еще раз посмотрел на ряды высохших на этих булавках жуков, и ему стало не по себе.

— А я подумала: зачем изучать насекомых, когда сразу можно изучать людей!

Не то сомнение, не то испуг шевельнулся в его душе: так, может, ей скоро и людей надоест изучать? И, как тот мальчишка, он окажется в совершенно безвоздушном пространстве... Спросил:

— А ты, кроме жуков, еще чем-нибудь увлекалась?

Она ответила:

— Конечно!

— А почему больше Борис не появляется?

— А он больше не нужен... Понадобится, позову.

Вот о чем вспоминал, о чем думал Сережа Крамской, когда сидел один за кухонным столом перед стаканом остывшего чая, прижимая к подбитому глазу тяжелую серебряную ложку...

А поделать ничего не мог!

Скоро кое-что случится

— Хотела бы я знать, кто же это сделает, — сказала Таня.

— Что сделает?

— Преступление.

Сережа собрался было удивиться, почему она так уверена: пять лет их класс спокойно обходился без преступлений, а как пришла Садовничья, так сразу должны... преступаться!

Таня между тем продолжала свои «мечты»:

— Да нет, не хочу я знать, кто его совершит!

— Почему?!

— Потому! Думаешь, Шерлок Холмс хотел знать, кто кого убил?.. Он хотел до этого докопаться!

Помолчали... Алена Робертовна произносила речь — шел, между прочим, классный час.

— Слушай, Тань, а почему?.. — Далее Сережа изложил ей свою мысль про пять лет спокойной жизни их класса.

Недослушав (ей и так все было ясно), Таня улыбнулась таинственно и покачала головой:

— А как ты думаешь, закон Архимеда существовал до... Архимеда? Или, может, не существовал?.. Точно так же и преступления! Вы их не замечали, вот и все: думали, это совпадение, это несчастливый случай... А чаще как бывает: подозрение есть, да разбираться неохота, ну и замнем для ясности! А каждое нераскрытое преступление рождает пять или шесть новых.

— Ты откуда знаешь?

— Знаю. Это моя теория... Самый опасный преступник знаешь какой? Который остался безнаказанным!

И, видя, с каким вниманием Сережа ее слушает, сказала:

— Надо мне было с тобой еще теорией подзаняться. А я это совсем упустила из виду... Теперь уж некогда...

— Почему?

— Предчувствие есть, что начинается моя работа. Теперь смотри и слушай, чтоб...— она поискала слова посильнее,— чтоб ни один микроб не проскочил!

И они стали слушать Алену Робертовну, наверстывая пропущенное.

Классные часы, как известно, происходят по субботам. Но сейчас была обычная среда, третий урок, по расписанию русский. Алена Робертовна решила: ничего, если надо, она всегда нагонит. Поговорить с классом по душам — вот что сейчас важно.

Сегодня было тридцатое сентября — день подведения итогов за месяц и день вручения золотой медали лучшему ученику...

То было чисто ее изобретение. И надо сказать, не лучшее изобретение. Медаль назначалась всего одна. Алена думала, в классе разгорится так называемая здоровая конкуренция. Но ничего подобного не разгорелось, увы! Несмотря на то, что медаль хотелось иметь всем: она была настоящая, золотая, какие дают ученикам за отличную успеваемость и примерное поведение.

Алена Робертовна пожертвовала ради такого случая своей собственной школьной медалью: просверлила в ней дырочку, продела цепочку... получился прекрасный переходящий приз.

И все-таки успеха эта затея не имела. Март, апрель и май прошлого года (а именно столько существовал необычный приз) медаль получала Лида Самсонова. Именно она была круглой отличницей, а стало быть, ничего тут не поделаешь!

И хотя Алена очень верила в свою идею, старалась все обставлять поторжественней и даже брала у Самсоновой интервью для стенгазеты, медаль уже в апреле была переименована в лидаль. А это, конечно, несомненный признак того, что народ настроен иронически, а совсем не вдохновенно.

Выходит, что-то надо было делать. Самое простое — отказаться от этой... «Лидали»... Алена Робертовна считала, что так поступить она не имеет права — авторитет. И потом вдруг, не дай бог, кто-то из учеников решит, что она просто зажалела свое золотишко!

Тогда придумала Алена Робертовна (а придумывала она, как мы помним, лежа у самой сине-белой каймы Черного моря), придумала Алена создать конкуренцию. Сперва, быть может, несколько искусственную. Но потом, говорила она себе, борьба все-таки разгорится! Обязательно должна разгореться!

Алена решила присудить медаль не совсем справедливо — не лучшей ученице Самсоновой, а комунибудь другому.

— Сегодня я хочу отметить особую старательность и большой прогресс нашего нового лауреата. Хочу заметить, что она большой молодец, добилась своего, обошла Лиду. Значит, я полагаю, это могут сделать и другие?..

Класс замер в ожидании сенсации. А вернее будет сказать: в ожидании непонятного. Ведь Самсонова как была лучшей, так и осталась.

— Медаль присуждается Лене Серовой!

Загремели аплодисменты — это со стороны одной половины шестого «А». И вытянулись физиономии — это со стороны другой половины шестого «А».

Были в шестом «А» две девчонки, вокруг которых так или иначе крутилась вся жизнь,— Самсонова и Серова. И когда произносятся слова, что «Серова обошла Самсонову...» (да еще произносятся кем!), и когда у Самсоновой медаль отбирают, а Серовой отдают, это знаете ли...

Здесь сто́ит, между прочим, заметить, что Сережа был в той половине класса, у которой вытянулись физиономии.

Пожалуй, лишь одна Таня сохраняла нейтралитет. Но ведь она была новенькая.

Сережа почувствовал, что кто-то дергает его за рукав... Кто-то... да это же была, естественно, его соседка по парте. Спокойными своими синими глазами погасила Сережин все еще досадливый и негодующий взгляд:

— Запомни мои слова. Скоро что-то случится!

Три пункта

На следующий день первый урок был русский... Уже прозвенел звонок. Они все сидели за партами, переговариваясь вполголоса, и многие — увы! — радовались, что минутки от урока уходят, тают. Вовсе не думая о том, что это тают минутки их собственной жизни!

Звуки в коридоре исчезли, выметенные школьной тишиной,— Алены все не было. И они уж начали надеяться, что учительница вовсе не придет, мало ли — заболела или еще что-нибудь. И, значит, им сейчас надо сидеть тихо, чтоб завуч ничего не заметила. И так, бог даст, они просидят целый урок.

Но здесь влетела Алена Робертовна — запыханная, улыбающаяся, словно они были не ученики ей, а соучастники ее преступления-опоздания.

Алена села к себе за стол, чуть растерянно оглядела его абсолютную пустоту:

— Лида Самсонова, сходи, пожалуйста, за журналом!

Через три с половинкой минуты, интеллигентно постучавшись, вошла Самсонова... С пустыми руками!

Алена удивленно повернулась к Лиде:

— Что-нибудь?..

— Просто его там нет.

— Хм... А я его там видела сегодня!

— А я...— Лида выдержала трагическую паузу.— А я смотрела вместе с Розой Григорьевной!

Алена сделала несколько растерянных шагов к Лиде. Так раненый тореадор идет в полубессознательном состоянии навстречу смертоносным рогам быка.

— Лида... Зачем это?

— А вы мне будто не верите... последнее время...

Это был отыгрыш за отданную Серовой золотую медаль.

Алена порывисто положила ей руку на плечо:

— Что ты, девочка!

Она себе иногда казалась очень старым и опытным педагогом. «Тебя с седыми прядками над нашими тетрадками...», как пелось в одной популярной когда-то песне.

— Продолжим урок, ребята.— Тут Алена глянула на часы.— А впрочем... запишите домашнее задание!

Полетел звонок! Сережа, как и почти весь шестой «А», сразу встал — после такого напряжения совершенно непроизвольно хотелось подвигаться... Лишь Таня Садовничья осталась сидеть за партой, продолжая быстро писать.

И только трубки ей не хватало да квартиры на Бейкер-стрит. А Ватсон вон он, стоял здесь, глядя на шефа глазами, полными внимания и усердия... Таня поймала этот взгляд. И ох, как трудно было ей не улыбнуться:

— Сядь-ка на минуту!

Пододвинула листок, который был озаглавлен: «Узнать, решить». И дальше в столбик:

1. Была ли в учительской Роза Григорьевна?
2. Заходила ли Алена Р. перед уроком в учительскую?
3. Кому выгодно, чтобы пропал журнал?

Сережа пробежал листок, и в первую секунду ему показалось, что он все понял, но...

— Вопросы потом,— сказала Таня.— Сейчас я проведу разведку по пункту первому, второй и третий исследуем дедуктивным методом.

«Дедуктивным» — это, конечно, здорово. За дедуктивный Сережа мог перенести и ее руководящий тон, и насмешливый взгляд.

— Слова Самсоновой подтвердились: Роза действительно целый урок сидела в учительской.

— Как же ты узнала?

Уже был следующий урок. Они торопливо перешептывались, доставая тетради.

— Да никак. Подошла и спросила. Роза: это тебе для чего? А я: если не трудно, ответьте, пожалуйста. Она засмеялась и ответила — она же такая, да?

Следствие должны вести знатоки!

— Знаешь ты, что такое мимикрия?— спросила Таня. Они встретились в ее квартире, чтобы разработать дальнейший план действий.

Мимикрия, мимикрия... А, вспомнил! Это как бы маскировка для выживания. Мама рассказывала: «Заяц белый, куда бегал... Ну, про какого зайца говорится — про зимнего или про летнего?» Сережа подумал и говорит: «Про зимнего». «Верно. А почему?» Сережа подумал и опять ответил. Тогда мама и рассказала ему про мимикрию.

— Я вот что поняла,— продолжала Таня.— Мимикрия устроена только для глупых, для недоразвитых хищников. Недоразвитый пройдет в двух шагах от еды и ничего не заметит, останется голодный, а там потихонечку и вымрет.

Сережу прямо жуть взяла от жестокости законов природы. В диком мире плохо быть слабым...

— Потому и жизнь продолжается,— спокойно говорила Таня,— что слабые вымирают, а сильные остаются... А теперь слушай главное. Преступник тоже использует разную мимикрию — путает улики, заметает следы... Он думает: во я какой хитрый, а это у него просто инстинкт работает... Ему-то надо бы совсем другое делать...

— А что ему надо делать?— тихо спросил Сережа.

— Да этого, слава богу, никто не знает!— Таня улыбнулась.— И потому умный сыщик поймает даже самого-самого гениального преступника. Просто такой уж закон природы!

— Тань, ты это все сама придумала?

Таня улыбнулась в ответ. Глазами, однако, она изо всей силы постаралась остаться спокойной:

— Завтра придешь за двадцать пять минут до звонка. Я кое-что тебе проясню...

— Почему завтра, а не сегодня?..

По пути домой и дома Сережа думал о Танином рассказе. Он вдруг вспомнил третий вопрос: «Заходила ли Алена в учительскую перед уроком?»

Странно... заходила, не заходила — какое имеет значение?

На следующее утро, волнуясь, он вошел в класс... И застал за партами чуть не половину народа. Что особенно поразило Сережу — именно за партами!

Таня стояла перед учительским столом.

— Я им сказала, что мы знаем, кто украл журнал!— тихо сказала она.

— Как это сказала?

— Позвонила...

И Сережа проглотил следующий вопрос — узнать телефоны всего шестого «А» была для Тани Садовничьей не задача!

— Ты сядь пока, я тебя вызову.

Сережа послушно сел... А Таня, между прочим, так его к себе и не приблизила, на почетное место...

Народ собирался удивительно дружно. Еще минут пять и — «полна горница людей». История с журналом, оказывается, всех трясла и раздирала!

Ну, само собой, не приплелось три-четыре скучницы, которых ничем, кроме тряпок, не заинтересуешь.

— Тихо!— сказала Таня, хотя и так было тихо.— Я начинаю!

И тут действительно наступило полное безветрие. Как в майский вечер над прудом.

— Я не знаю, кто украл журнал. Но заявляю, что наша группа будет вести расследование!

Вы думаете, они стали метать в Садовничью громы, молнии, столы и стулья? Увы, нет! Теперь ведь никого и ничем не удивишь. Теперь удивление вообще стало считаться чуть ли не позором... Да, их обманули. Обещали сказать интересное, а предлагают детскую игру. Однако что же делать? Хотел сесть в кресло, а сел в лужу... Остается только сидеть... где сидишь и слушать. Ну и острить по возможности.

— И предлагаю нам помогать!— твердо продолжала Таня. Она все еще стояла за учительским столом, и никому как-то не приходило в голову прогнать ее оттуда к свиньям!

— С какой это стати вам должны помогать?.. Помогите помо-гадам!

Многие надменно и с презрением оборачивались на Сережу, и он, кажется, впервые испытал на себе справедливость выражения: «не знал, куда девать глаза».

— Будете слушать, не перебивая, и я вам все объясню!

Хотя ее никто и не думал перебивать, как не перебивают громкоговоритель, хрипящий на столбе. Ее вообще не собирались слушать!

Однако они не на того напали.

— Известно вам, что такое мимикрия?

И тут же стала рассказывать то, что рассказала

вчера Сереже. А потом про закон природы, по которому преступник обязательно должен быть пойман.

И шестой «А» снова превратился в майский вечерний пруд. Рады бы чего-нибудь съязвить, да онемели от интересности.

— А теперь я хочу задать вопрос: как вы думаете, Алена Робертовна была перед тем уроком в учительской?.. Или нет?

Что-то мелькнуло по лицам шестого «А», какое-то сомнение, не то даже страх. Ведь Садовничья не для «здорово живешь» спросила... Она, видно, ничего просто так не делает! Такой компьютер!

— Была... Она же сама сказала, что была...— с трудом вспомнил кто-то... Огаров это был — лучший бегун, но по сообразительности далеко не чемпион мира.

Другие предпочли из осторожности промолчать. И правильно сделали!

Таня холодно улыбнулась Огарову:

— Да, Алена Робертовна так сказала... И это особенно странно! Все помнят, что она в тот день опоздала?

С удивлением, даже с огромным удивлением Сережа заметил, что многие этого вовсе не помнят: ну, было и было — подумаешь!

Потом, конечно, вспомнили.

— Опоздала минут на пять... Так зачем же ей было бежать в учительскую?

— За журналом!— крикнул Тренер и сам на себя удивился, как бывает, когда приходишь в комнату смеха, где кривые зеркала. Иным смешно, а ты глядишь, и странно видеть себя с такой дикой рожей. Вот и Тренеру-Гарьке стало странно, что он сморозил такую глупость.

Но Садовничья для наглядности не стала издеваться над ним. А сказала опять всему классу:

— А ведь за журналом специально была послана Самсонова. Так зачем же она в учительскую бегала?.. Представьте: сперва на четвертый этаж, потом обратно на третий... А время урока идет. И любой ее может спросить: вы почему не с классом?

Ух, как она говорила! Вы заметили?!. Словно Алена была уже не учительницей, а простой подследственной — как любой из них...

— Но ведь она же сказала: «Я видела журнал в учительской»,— растерянно произнесла Серова.

— Прибежала, посмотрела на журнал и опять бегом в класс?— Таня засмеялась. И смех этот прозвучал не хуже того молотка, который забивает гвозди в крышку гроба. Наступила тишина.

Вдруг поднялась Самсонова. Сережа обратил внимание на то, как она бледна:

— Ты чего хочешь сказать-то?!

— Тебе? Ничего!

Так эти двое почему-то и остались у Сережи в памяти. Весь класс сидит. А эти двое стоят — прямые, каменные — и смотрят друг другу в глаза. Самсонова здоровенная, почти настоящая тетя. А Таня хотя и поменьше, но зато решительность — как у летящей в цель пули...

— Здесь никакой самодеятельности быть не может! Расследование должна вести наша группа,— сказала Таня очень спокойно.

— Чушь!

— Нет, не чушь. Из-за журнала пострадают очень многие: раз отметки пропали, значит, опять будут спрашивать — всех подряд, по всем предметам!

Может быть, впервые до класса дошла эта ужасающая перспектива...

Сережа обратил внимание, как Самсонова, которая до того времени все продолжала стоять, вынула из парты щетку для волос, несколько раз провела ею по затылку, чего-то там приглаживая. Совершенно дурацкие действия! Сережа объяснил их себе довольно просто: ее-то отметки все учителя помнят — куда ни чихни, везде пятерки. Так что лично Самсоновой Лиде это ничем не грозит.

Затем Самсонова села и почти тут же раскрыла какую-то книжку — ее происходящее не касалось...

Но странно! Во всей ее излишне спокойной позе слышалось какое-то напряжение. Словно она только маскировалась под спокойствие... Или это лишь казалось Сереже в его излишней бдительности...

— Я считаю, что требования у Садовничьей Тани законные!— крикнула Серова.

Какие там еще требования?.. Но вернее всего, она так и крикнула просто для необычности, чтобы выделиться, чтобы всем показать, что Самсонова не интересуется делами своих подданных, а вот она интересуется... Артистка!

— Пусть они ведут свое расследование,— продолжала театрализованная Лена.— Но под контролем общественности. Пусть они дают нам отчеты. Хотя бы в неделю раз. Или два!

В ответ общественность одобрительно загудела. А чем ей было плохо, общественности: самой делать ничего не надо, только сиди, раскрымши рот, да жди, когда на тебя прольется ананасово-абрикосовое ассорти — в смысле очередная серия детектива про твой собственный класс. И в то же время ты вроде при деле, ты общественность — контролируешь!

В ту минуту многие и многие из самсоновского лагеря решили перебраться в лагерь Серовой.

— Мы согласны на такие условия!— сказала Таня. И потом, может быть, специально для Серовой, потому что... что просто с начальством надо ладить:— Мы согласны и даже считаем такие условия совершенно справедливыми!

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ

XII · МОСКВА · 1985

Вена, 26 июля — 4 августа 1959 года, VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов

Большая группа гостей фестиваля собралась перед домом «Карл Маркс-Хоф». Здесь в 1934 году венский пролетариат героически сражался против сил реакции.

Художественные коллективы фестиваля дали здесь для рабочих с венских окраин большой концерт. «Фриден! Фройндшафт! Эйнхейт!» — «Мир! Дружба! Единство!» — скандировали после концерта артисты и зрители.

* * *

«Вена и Иоганн Штраус» — так назывался концерт австрийской делегации в большом концертном зале Вены «Мюзикферейн». Венским симфоническим оркестром дирижировал потомок знаменитого австрийского композитора Иоганна Штрауса — Эдуард Штраус.

* * *

Два самых больших выставочных зала Вены распахнули свои двери перед гостями фестиваля и жителями австрийской столицы. На выставке экспонируется свыше 1 500 произведений живописи, скульптуры, графики, керамики более чем из 45 стран. Делегаты фестиваля привезли с собой также изделия прикладного искусства, вышивки, посуду, обувь, различные предметы домашнего обихода, выполненные руками молодых мастеров.

* * *

Скорбным молчанием почтили делегаты фестиваля память погибших узников Маутхаузена. Представители пяти континентов посадили на площади перед входом в лагерь молодые деревья. Они будут расти как символ единства, как клятва верности делу мира.

Хельсинки, 28 июля — 6 августа 1962 года, VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов

Интересные состязания проводились в Международном клубе фестиваля. Оркестр играл, а участникам конкурса «Что вы знаете о музыкальном фольклоре других стран?» надо было отгадать, музыку какой страны исполняет оркестр.

* * *

Демократическая печать Финляндии пишет, что антифестивальные провокации в Хельсинки вызвали всеобщее возмущение в стране. Провокациями против участников фестиваля руководят империалистические спецслужбы. Простые люди горячо поддерживают фестиваль и осуждают провокаторов.

* * *

В ответ на провокации против участников фестиваля советский поэт Евгений Евтушенко написал стихотворение «Сопливый фашизм», в котором заклеймил позором провокаторов и их хозяев.

* * *

4 августа. По Центральному телевидению передан репортаж из Хельсинки о встрече участников фестиваля с советским космонавтом Юрием Гагариным. Свидетелями этой встречи стали миллионы телезрителей СССР, Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии и других стран.

Владимир ПРИХОДЬКО

Скажем лету

Лучше лета
Приятеля нету.
Очень жалко,
Что завтра
Чуть свет
В дальний путь
Собирается лето,
Покупает на поезд билет.
Скажем лету,
Как доброму другу:
— Отложи свой отъезд
Поутру.
Погуляй еще с нами
По лугу
И побегай с мячом
По двору!
Может быть,
Уезжаешь не в пору?
Ты оставь
На вокзале багаж.
Поброди еще с нами
По бору
И сходи
Хоть разочек
На пляж!

Лес

Полюбуйтесь — маскарад!
Лес меняет свой наряд.
Снял зеленый — мерит новый:
Желтый, красный и лиловый,
Затевает карнавал!..
Закружился клен с осиной,
Утки крячут над лозиной,
Лес танцует...

Вдруг — устал...

Дни бегут за днями
следом.
Лес утих и поредел,
Притворился дряхлым
дедом...

Поседел...
Похолодел...

Но меня ты не обманешь
Белой шапкой снеговой.
Ты по-прежнему живой!
Ты опять зеленым станешь
И опять меня притянешь
Клейкой почкой
И травой,
Птичьей песней хоровой!

Бабушка вяжет

Вяжет бабушка, бабушка вяжет.
Пока свяжет, мне сказку
расскажет.
Вот,
орудуя длинною спицей,
Говорит
И про чары Жар-птицы,
И про лес, где живет
под листочком
Человечек
с наперсток росточком,
И про Змея,
И про великана,
И про остров среди океана,
Где веселый Иванушка княжит...

Засыпаю...
А бабушка вяжет.

Полдень у речки

Красива
Грива
Коня-рысака.
— Дай,— говорит,— напиться,
Река!
Мучает жажда,
Не пил с утра...
— Много ли выпьешь?
— Два ведра.

Корова...
Стоит, переводит дух.
Корова
Хвостом отгоняет мух.
Хочет водицы...
Эх, жара...
— Много ли дать?
— Полтора ведра.

С пасеки
Бурый мишка бредет.
В сладком меду
У мишеньки рот.
Просит у речки:
— Будь добра,
Дай сладкоежке
Полведра!

С миской идет собака.
— Ну и жара, однако!

Выпила блюдце
Кошка.
Просит еще немножко.

Два голубка
Опустились на кочку.
— Сколько вам,
Голубочки?
— Бочку!

Речка
Волну изумленную катит.
— Бочку!
Может, и капельки хватит?

Тут пришлось голубкам
Признаться:
— Мы ведь не пить хотим,
А купаться!

Поздравляем поэта
Владимира Приходько
с пятидесятилетием!

В. ПОРУДОМИНСКИЙ

«Мой друг! Весь день я с ними...»

Тот, кому уже выпало счастье познакомиться с «Евгением Онегиным», должен был заметить, что герои романа в стихах много читают. У каждого из них есть любимые книги: у Онегина свои, у Татьяны свои, у Ленского свои. Когда Онегин, убив на поединке друга, уезжает из деревни, Татьяна приходит в его опустевший дом и перелистывает книги, которые читал Евгений.

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы
Устремлены на них живей...
....
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

«И ей открылся мир иной»,— говорит Пушкин о своей Татьяне.

Ей открылся внутренний мир Онегина; она начала понимать человека, который прежде был для нее загадкой.

Книги помогают нам выработать свой взгляд на все, что происходит в мире, дарят нам знания, воспитывают наш ум и наши чувства. Книги во многом создают человека. Недаром говорится: скажи мне, какие книги ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты.

Для того, чтобы рассказать о книгах, которые помогают нам, как и Татьяне, открыть мир каждого из главных героев романа, Пушкин, конечно, должен был сам прочитать эти книги, составить свое суждение о них.

«Евгений Онегин» открывает нам мир Пушкина-читателя. Кроме любимых авторов самого Евгения, Татьяны, Ленского, на страницах романа названы десятки писателей, творивших в разное время и в разных странах, и не просто названы — многим даны точные, сжатые и выразительные поэтические характеристики. «Сатиры смелый властелин», «друг свободы» — представляет Пушкин читателям Фонвизина, замечательного драматурга, автора «Недоросля». «Гордости поэт»,— говорит он о Бай-

роне. А вот друг Пушкина, поэт Евгений Баратынский: «Певец Пиров и грусти томной» («Пиры» — название поэмы Баратынского).

Пушкин читал очень много. «Книг, ради бога книг»,— требует он, запертый в Михайловском. Потом он будет весело подсчитывать: в деревне за два года ссылки прочитал «двенадцать телег книг».

Много лет спустя михайловский кучер Петр Парфенов подтвердит: для деревенской библиотеки поэта понадобилось 24 ящика, их уложили на 12 подвод.

Читает Пушкин, читают его герои. Глагол «читать» в произведениях Пушкина и его письмах встречается впятеро чаще, чем глагол «есть» (принимать пищу), существительное «книга» впятеро чаще, чем «хлеб».

Пушкин не раз принимался составлять записки о своей жизни. Сохранился план таких записок. Там, где поэт собирался написать о раннем своем детстве, о «первых впечатлениях», он особым разделом пометил: «охота к чтению».

Эта охота никогда его не оставляла. Близкий друг поэта Павел Воинович Нащокин вспоминает, что Пушкин почти постоянно держал при себе в карманах одну или две книги и в свободное время — затихнет ли разговор, разойдется ли общество, после обеда — тотчас принимался за чтение.

Еще ребенком, до поступления в Лицей, он проводил долгие часы, иногда бессонные ночи у книжных шкафов своего отца или в библиотеке дяди, Василия Львовича, и (по словам брата поэта) «пожирал книги одну за другой». Обладая замечательной памятью, он знал их наизусть целыми страницами.

В большом стихотворении «Городок», написанном в лицейские годы, Пушкин рассказывает об этой своей страсти к чтению:

Укрывшись в кабинете,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю...

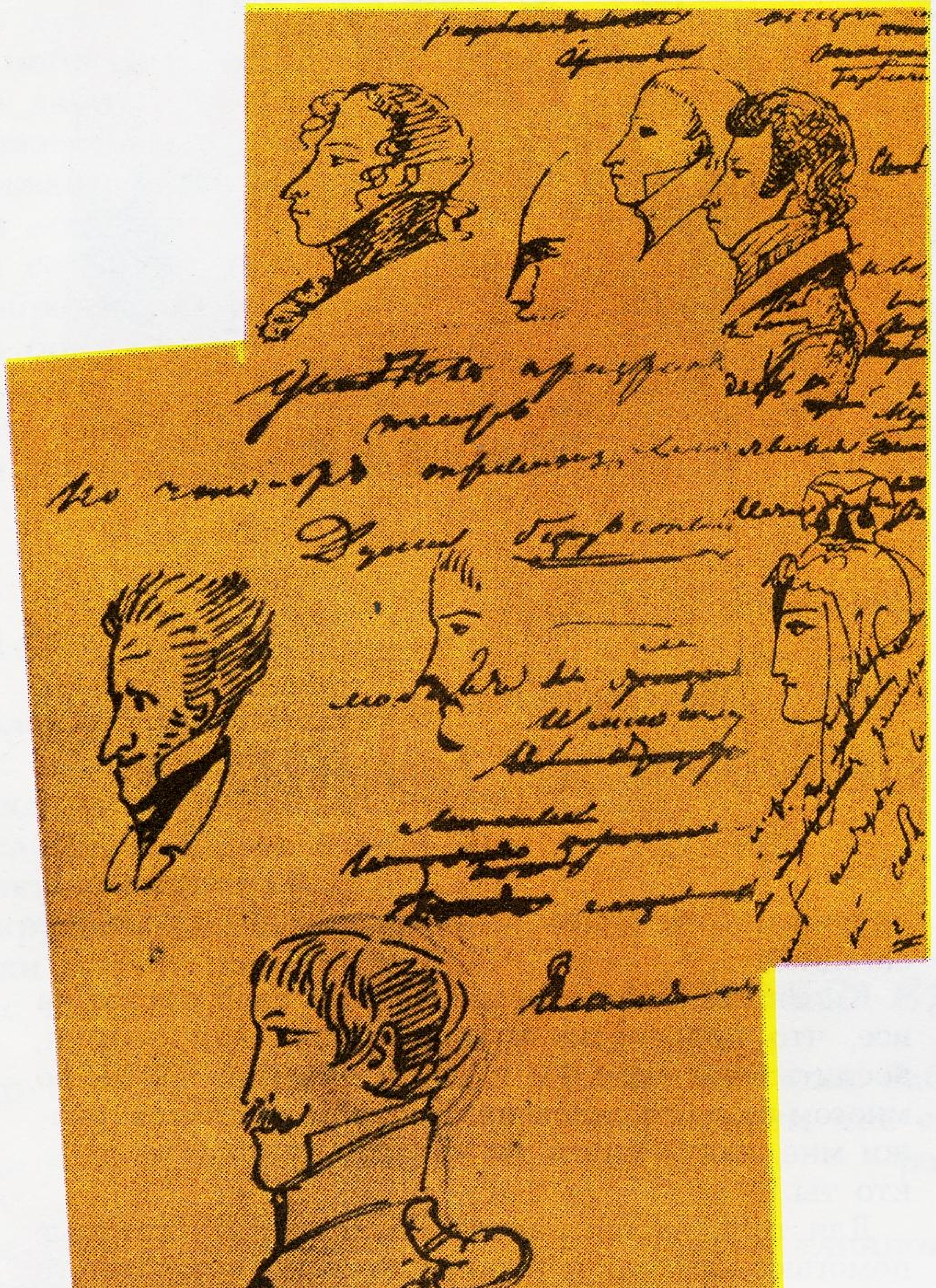
В стихотворении на наших глазах вырастает — «над полкою простою под тонкою тафтою» — книжный городок, населенный любимыми авторами юного поэта, его дорогими собеседниками. Здесь Гомер и Вергилий, Мольер и Расин, Вольтер и Руссо. Здесь и свои, русские: Фонвизин, Державин, Крылов, Карамзин, Батюшков. «Мой друг! весь день я с ними...»

Через восемнадцать лет, осенью 1833 года, Пушкин в письме к жене рассказывает, как проводит время в селе Болдино: «Просыпаюсь в семь часов, пью кофей и лежу до трех часов...» (Он любил работать лежа, «в постеле».) «Недавно расписался, и уже написал пропасть. В три часа сажусь верхом, в пять в ванну и потом обедаю картофелем, да грешневой кашей. До девяти часов — читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лицо».

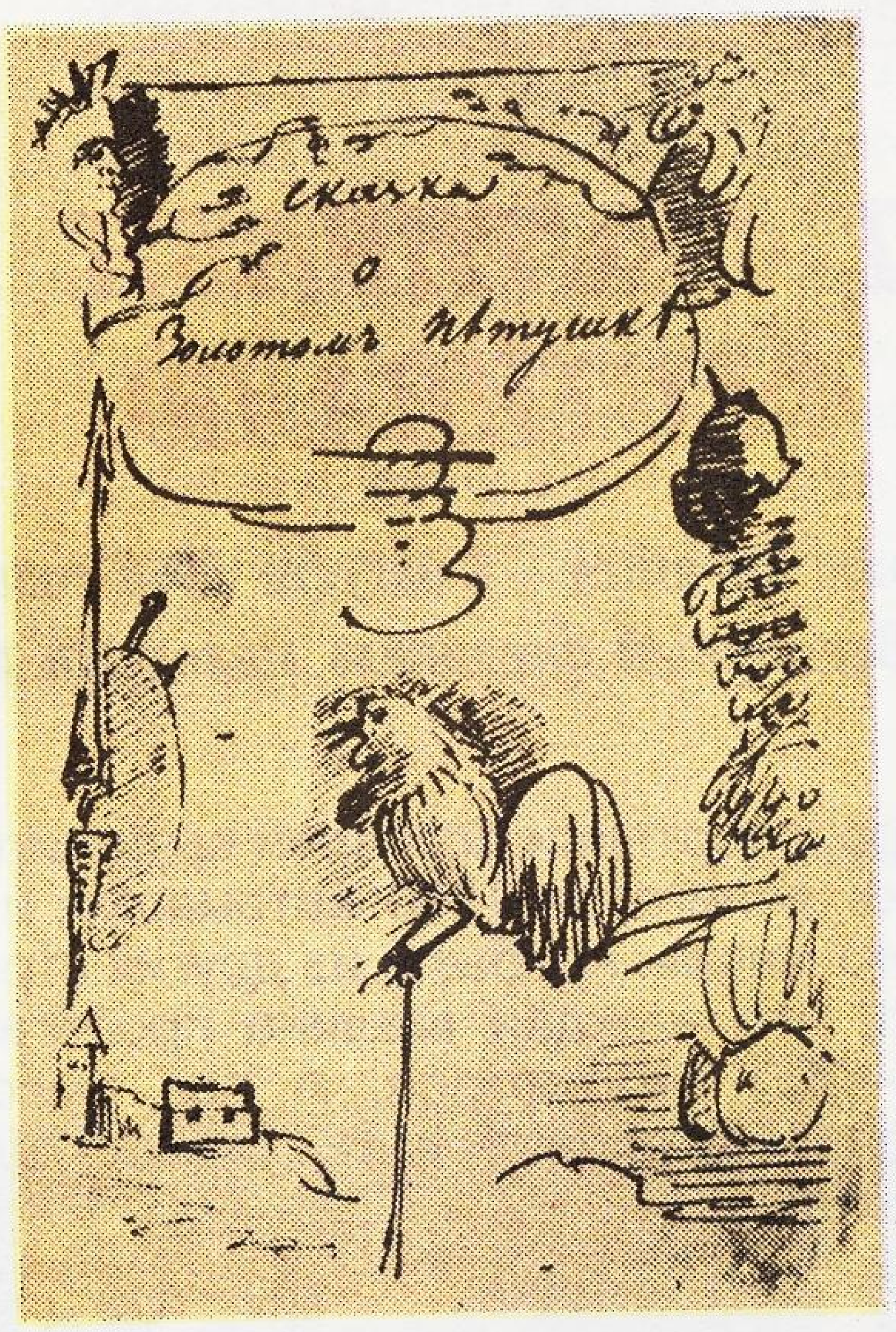
Село Болдино — глухая пушкинская «вотчина», где, шутил поэт, «водятся курицы, петухи и медведи»,— стало одним из самых славных мест на литературной карте нашего Отечества. «Болдинская осень» — так называем мы происшедшее в этом селе, прежде никому не ведомом, величайшее творческое чудо. В осенние месяцы 1830 и 1833 годов, оказавшись в Болдине, Пушкин, по собственному его признанию, «писал, как давно уже не писал»: что ни день из-под пера его являлись творения, каждое из которых могло бы навсегда его прославить. Тут написаны все пять «Повестей Белкина» и все четыре маленькие трагедии, последние главы «Евгения Онегина», «Домик в Коломне» и «Медный всадник», «Пиковая дама» и «Анджело», «История Пугачева», многие замечательные стихотворения, сказки о попе и о работнике его Балде, о рыбаке и рыбке, о мертвой царевне и о семи богатырях.

Была еще третья Болдинская осень, 1834 года, не такая плодоносная; но она подарила нам «Сказку о золотом петушке».

И вот оказывается, в дни и часы необыкновенного творческого напряжения, творческого подъема Пушкин не только сочиняет сам, но непременно читает. Собственная работа и чтение всякий день соседствуют. В стихотворении «Осень», которое



На полях своих рукописей Пушкин делал рисунки, которые уже столько лет внимательно разглядывают и читатели, и исследователи творчества поэта. Темы многих из этих рисунков навеяны сюжетами и образами любимых пушкинских книг.



создается в те же дни, что и приведенное письмо к жене, Пушкин пишет о тихих вечерах у «камелька забытого» —

...а я пред ним читаю,
Иль думы долгие в душе моей питаю...

Люди, встречаясь с Пушкиным, поражались его начитанности. Однако знания, почерпнутые из книг, не оставались в памяти поэта ценным, но неподвижным грузом. Пушкин употреблял их «в дело»: они питали его думы, становились необходимой частью его творчества.

«Плывет. Куда ж нам плыть?..» — так заканчивается это знаменитое стихотворение «Осень» («Октябрь уж наступил...»).

Куда плыть кораблю Поэзии?..

В черновой рукописи Пушкин пытался продолжать: «теперь мы посетим» — Древнюю Грецию, Рим, «Египет колоссальный», «где дремлют вечные за Нилом пирамиды», «скалы дикие Шотландии», Италию, Лапландию, Швейцарию... Наверное, каждое названное имя рождало в воображении поэта картины, образы, темы будущих творений.

Действие произведений Пушкина, написанных и незавершенных, лишь задуманных, разворачивается в античном мире, и в средневековой Европе, и на Востоке, и в недавнем для поэта восемнадцатом столетии. Меняются века и страны, века, в которых Пушкин не жил, страны, которых никогда не видал,— Франция, Германия, Англия, Испания, Италия,— но читателя не покидает чувство необычайной достоверности характеров, описаний, подробностей. Другой великий писатель, Достоевский, говорил о «всемирной отзывчивости» Пушкина, об изумляющей его способности «перевоплощения своего духа в дух чужих народов, перевоплощения почти совершенного, а потому и чудесного».

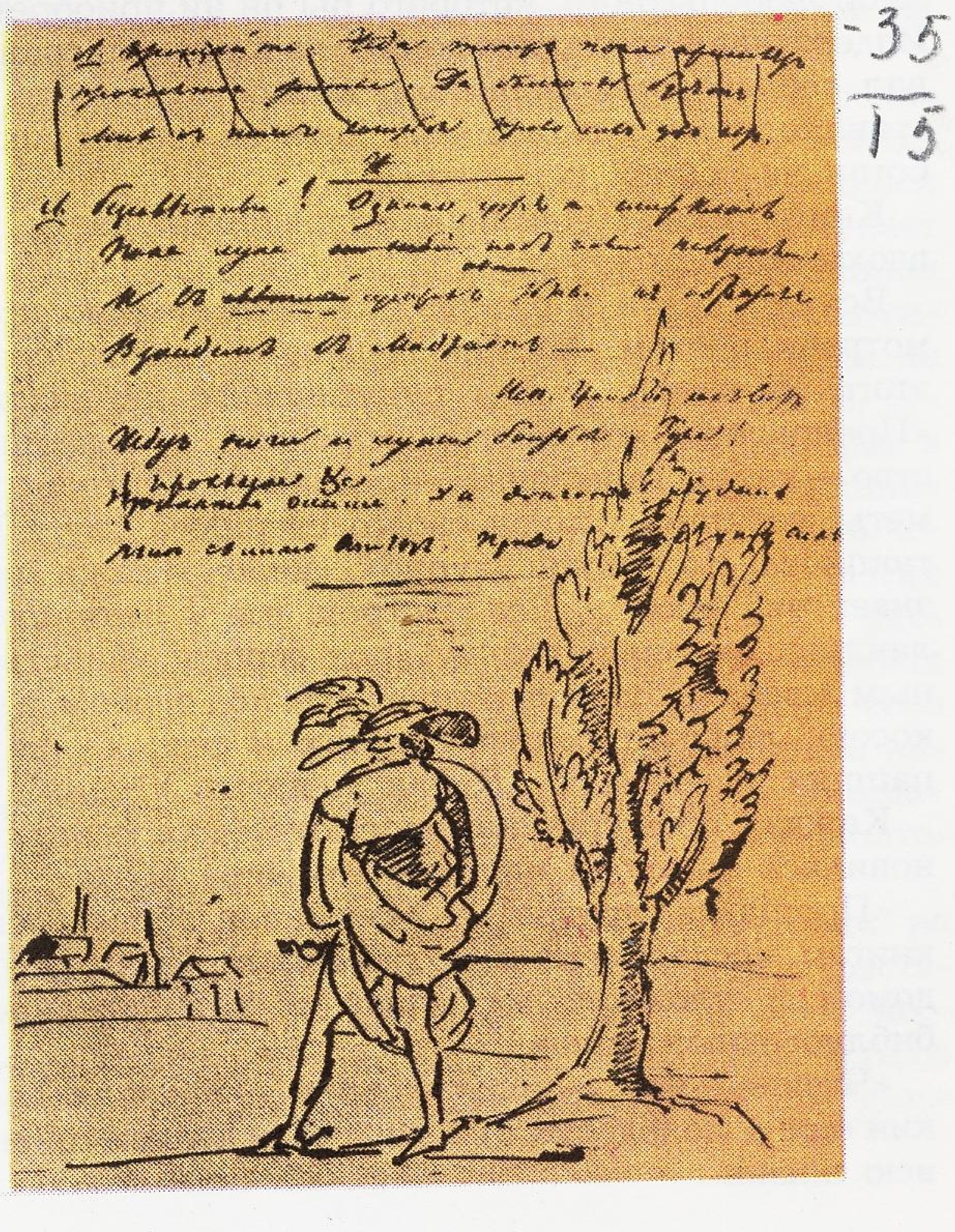
Чтение творческое, когда читатель не глазами скользит по строчкам, а умом и чувством вбирает в себя всякое слово автора, когда книга пробуждает его к глубочайшим размышлениям, рождает в его воображении яркие картины,— только такое чтение вместе с удивительным природным дарованием могло воспитать в Пушкине эту способность перевоплощения.

А произведения из отечественной истории — «Борис Годунов», «Полтава», «Арап Петра Великого»?.. И здесь творческую мысль Пушкина питали книги. Одни и те же литературные и архивные материалы о крестьянской войне 1773—1775 годов вызвали появление на свет «Истории Пугачева» и повести «Капитанская дочка». «История Государства Российского» Карамзина помогла Пушкину погрузиться во времена царя Бориса и Лжедмитрия. Но не только. «Нельзя ли мне доставить или жизнь *Железного Колпака*, или житие какого-нибудь юродивого... Мне бы очень нужно»,— просит он из Михайловского, увлеченный работой над своей трагедией. А как много дали Пушкину в этой работе драматические произведения Шекспира! Великий англичанин не писал о Годунове, но глубокое изучение его творчества помогало Пушкину постигать законы создания трагедии.

Иногда у Пушкина являлось желание пересказать прочитанное. Но всякий раз он далеко уходил от книги, которой намеревался следовать. «Чужой ум меня стесняет»,— говорил он. Рассказ другого автора вызывал у него собственные мысли и образы, в итоге рождалось произведение ни в чем не подражательное, непременно самобытное, ни на какое иное не похожее.

В основу «Каменного гостя» Пушкин положил старинную легенду. На эту тему до него писали замечательные поэты и драматурги: Пушкин великолепно знал и комедию Мольера «Дон Жуан» и стихотворный роман Байрона с тем же названием. Но маленькая трагедия Пушкина не похожа ни на комедию, ни на роман его предшественников.

Другая маленькая трагедия, «Пир во время чумы»,— перевод драматической поэмы англичанина Вильсона «Чумной город», которая повествует о «великой чуме» 1665 года, унесшей в могилу



68 тысяч человек. Но это пушкинский перевод! Из тринадцати сцен английского поэта Пушкин взял лишь одну, да и то не полностью. Он сократил число персонажей, отбросил прочь ненужные ему реплики. Зато совершенно по-новому, по-своему написал нежную песню Мери и мужественный гимн Председателя пира. Под пером Пушкина решительно изменился весь смысл подлинника. В маленькой трагедии прославлены величие и сила человеческого духа.

Случалось, что размышления над книгой толкали Пушкина к созданию собственного произведения, очень далекого от того, что читал поэт. Замысел «Графа Нулина» родился во время чтения поэмы Шекспира «Лукреция». Если бы не признание самого Пушкина, что он не устоял против соблазна «пародировать» поэму, то есть в насмешливой форме подражать ей, мы вряд ли бы догадались об этом. В самом деле: Древний Рим — и русская деревня пушкинского времени; события исторические, сильные страсти — и шутливое происшествие, «грязь, ненастье, осенний ветер, мелкий снег», «драка козла с дворовою собакой» на дворе... Но признание Пушкина вдруг позволяет крепко связать два произведения, на первый взгляд такие далекие друг от друга.

Пройдут годы, Лев Николаевич Толстой расскажет: однажды он взял том прозы Пушкина и «перечел всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читал»: «И там есть отрывок «Гости собирались на дачу». Я невольно, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг все завязалось так красиво и круто, что вышел роман...» Вышла «Анна Каренина»...

Пушкин радовался всякой новой книге, которую ему удавалось приобрести. Постоянно стесненный в средствах, на книги он не жалел денег. Друг поэта Петр Александрович Плетнев рассказывает: «Едва ли кто из наших литераторов успел собрать такую библиотеку, как он. Не выходило издания почему-либо любопытного, которого бы он ни приобретал. Издерживая последние деньги на книги, он сравнивал себя со стекольщиком, которого ремесло заставляет покупать алмазы, хотя на их покупку и богач не всякий решится».

Книга для Пушкина — важнейшая часть его вдохновенного труда.

Всякая книга в библиотеке внимательно просмотрена поэтом. Многие страницы хранят следы этого изучения, черты пушкинского карандаша. «Прекрасно», «прелесть», «прелесть и совершенство — какая гармония!» — оставляет Пушкин пометы на книге стихов своего старшего друга Батюшкова. Но тут же: «дурно», «вяло» и даже «черт знает что такое!». Возле строк, где у Батюшкова ландыш склоняет голову «под серпом убийственным жнеца», Пушкин пишет: «Не под серпом, а под косою: ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных». Какая точность чтения!

Каждая прочитанная, просмотренная книга становилась частицей внутреннего мира поэта.

«Прощайте, друзья!» — сказал он, обращаясь к книгам, когда, смертельно раненного, его принесли домой и уложили на диван в кабинете среди библиотечных полок.

«Чтение — вот лучшее учение»,— написал Пушкин еще в молодости. И с этим убеждением прожил всю жизнь.

НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ

XII · МОСКВА · 1985

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ

София, 28 июля — 6 августа 1968 года, IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов

Транспортники Болгарии выделили для перевозки делегатов 1250 автомашин и автобусов. Много машин прибыло из других стран. Подсчитано, что каждая машина пробегает за день 150—200 километров. А все вместе за сутки они совершают путь, равный длине шести экваторов.

* * *

2 августа. Заметными событиями дня стали пионерский «галаконцерт», выставка детского творчества и конкурс рисунков на асфальте, в которых приняли участие сотни софийских мальчишек и девчонок.

* * *

...Сквозь заросли джунглей просачивается свет солнца. По горной тропинке идут бойцы, несут раненых. Бойцы устали: бой был трудным, и дорога нелегкая.

Цепочка бойцов уходит все глубже в джунгли. До партизанской базы еще далеко. И вдруг раздается песня. Воины словно ожили. Удивительный голос у санитарки отряда Тьонг Ван — нежный, как у птицы слао, и чистый, как горный ручей...

Сейчас Тьонг Ван среди делегатов фестиваля в Софии. Прекрасный ее голос звучит на концертах вьетнамских артистов.

* * *

3 августа. Это был самый лирический день фестиваля — День девушек. Утром галантные юноши преподнесли своим подругам цветы и сувениры. На фабриках, в колхозах делегаты знакомились с жизнью болгарских девушек. Открылась выставка цветов, а вечером в зале «Универсиада» прошел бал-конкурс «Мисс фестиваль».

Главной героиней Дня девушек была прославленная Валентина Терешкова, первая в мире летчица-космонавт.

* * *

В Софии, как и на прошлых всемирных встречах молодежи, не протолкнуться было к концертным залам и театрам, где выступали молодые певцы и танцоры. На конкурсе политической песни три советских молодых артиста — Эдита Пьеха, Джильда Мажекайте и Петер Тоомас — завоевали золотые медали.

* * *

«Что больше всего запомнилось на фестивале?» — такой вопрос задала газета «Народна младеж» делегатам. «Политическая программа»,— ответили большинство из них.

Лето — пора путешествий. Пора знакомства с родным краем, его историей, природой — растительным и животным миром, полезными ископаемыми. Еще в 30-х годах по заданию В. В. Куйбышева пионеры отправлялись в геологические экспедиции, изучали богатства родных земель. А сейчас все пионеры и комсомольцы страны участвуют в туристической экспедиции «Моя Родина — СССР», выполняют задания народных и школьных музеев, станций юных натуралистов, заповедников...

Сегодня ты прочтешь заметки ученого о его поездке на Командорские острова, о том, что нового за время путешествия он увидел и узнал. А тебя куда привели в это лето туристские тропы? Что нового о родном крае узнал ты?

В. ИВАНОВ,
доктор физико-математических наук

ЕСТЬ ЗА КАМЧАТКОЙ ОСТРОВА

Остров командора Беринга

Холодным ноябрьским вечером 1741 года пакетбот «Святой Петр» под командованием Витуса Беринга бросил якорь у берегов неизвестной земли. Позади были пять месяцев тяжелейшего плавания в северной части Тихого океана, бесчисленные бури, цинга, косившая команду... Но, кроме того, были и десятки новых островов, нанесенных на карту, а главное — открытие северо-западной части Америки — той, что потом назовут русской Америкой.

И вот последнее испытание. Порыв шквального ветра срывает корабль с якорей и несет прямо на острые рифы. Гибель кажется неизбежной. Но огромная волна, подхватившая судно, перекинула его через каменный барьер и перенесла в спокойные воды бухты.

С надеждой вглядывались моряки в туманные очертания невысоких гор, думая, что перед ними берег Камчатки.

Однако безлесное место выглядело негостеприимным. Негде было укрыться от пронизывающего ветра со снегом. Повсюду шныряли песцы, которые, как ни странно, совсем не боялись моряков. Страшная догадка мелькнула у натуралиста экспедиции Георга Стеллера: раз птицы и животные не боятся людей, значит, это вовсе не Камчатка, а необитаемая земля, возможно, даже остров. Когда спустя несколько дней наиболее здоровые члены экипажа смогли подняться на ближайшие холмы, догадка подтвердилась: суша нигде не доходила до горизонта, кругом была вода.

Тяжелую зимовку пережили только 46 моряков — чуть больше половины экипажа. Умер от цинги и начальник экспедиции — командор Беринг. Последняя земля, на которую он ступил, была названа его именем — остров Беринга. Этот участок суши 90 километров в длину и до 30 километров в ширину вместе с расположенным поблизости вдвое меньшим островом Медный и еще двумя небольшими островками называют Командорскими островами, или просто Командорами.

Где не бывает лета

Летом каждые десять дней с Камчатки к острову Беринга отправляется пассажирское судно. Его путь от Петропавловска невелик — меньше 400 километров. Но природа Командор совсем не похожа на Камчатскую.

Мы стоим на палубе теплохода «Николаевск», дует холодный ветер, перемежающийся дождем. Впереди проступает гряда невысоких гор, вершины которых будто выровнены гигантским ножом. Этот нож не что иное, как ветер. Ветер, дующий здесь почти все дни в году. Он и превратил здешние горы из непрочного вулканического туфа в гряды пологих холмов. Правее холмов — россыпь разноцветных веселых деревянных домов. Это — село Никольское, единственный населенный пункт и «столица» Командор, здесь живут полторы тысячи человек.

Зачем же живут люди на острове, где почти не переставая дует ветер, где всего несколько солнечных дней в году, где нет ни дерева, ни даже

«Коренные жители» Командор — красноносые топорки.

Вот это раздолье — грибы почти на каждой кочке!

кустика, одни камни да трава? Где даже летом редко бывает теплее 10 градусов, хотя это широта Москвы... Где можно с месяц ждать у моря погоды, чтобы отправиться на материк,— ни судно не подойдет, ни самолет не прилетит.

Отправляясь на Командоры, мы уже знали ответ. На этих далеких островах нашли себе пристанище самые ценные и редкие морские пушные звери: котики и каланы. Разводить их здесь, охранять и добывать — вот задача людей, поселившихся на островах.

Едем на лежбище

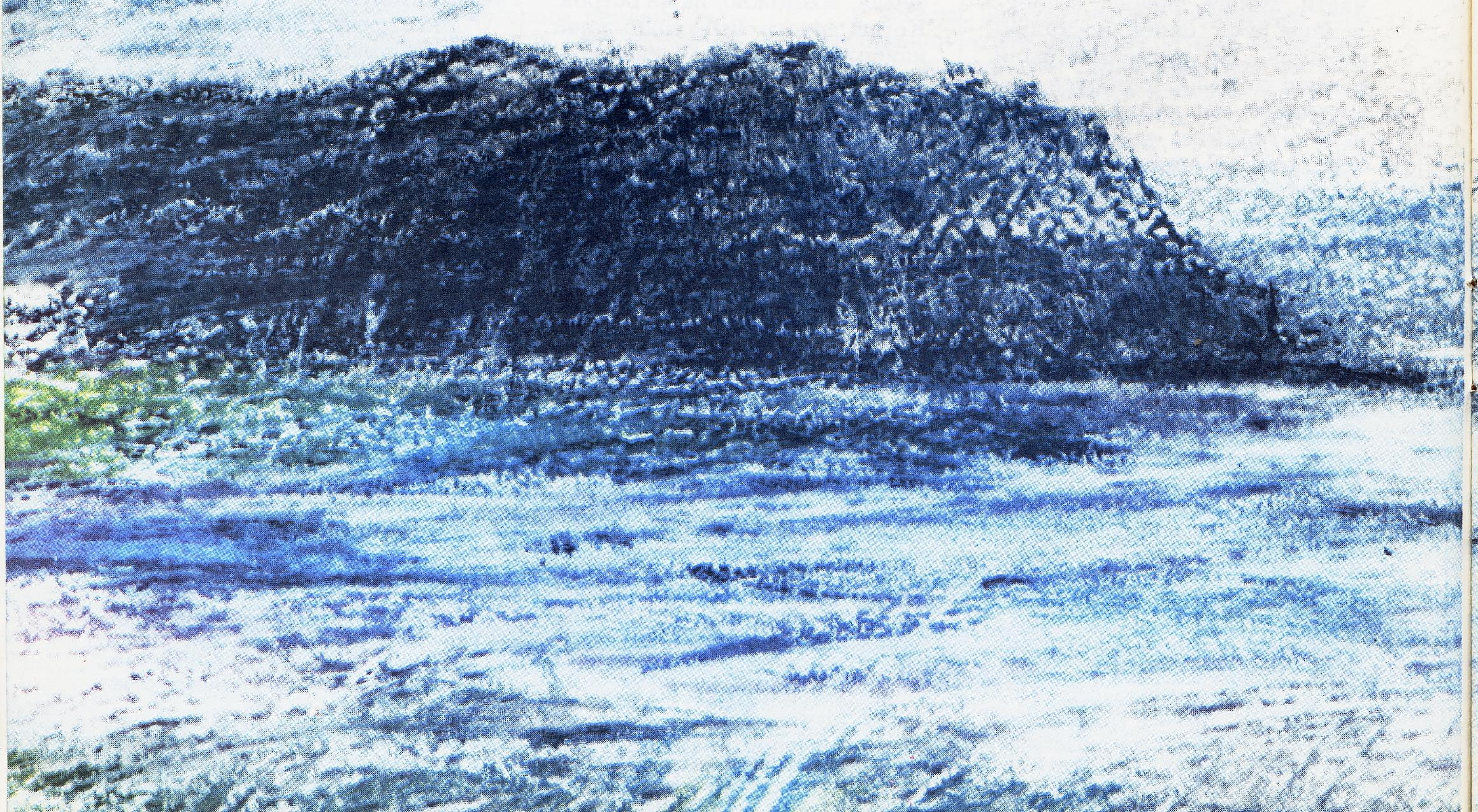
Грузовик с брезентовой крышей везет нас на лежбище котиков. Машина взбирается по наезженной колее на пологий холм. Куда ни посмотришь — везде унылая кочковатая тундра да море вдали. Но вот дорогу перебегает какой-то зверек, спустя некоторое время — еще один. Это песцы, которых, как и во времена Беринга, на острове множество, только они стали пугливее.

Вдруг машина останавливается. Впереди все та же тундра. Может быть, заглох мотор? Нет. Водитель спокойно выпрыгивает из кабины, наклоняется к ближайшим кочкам, и в руках у него оказываются грибы. Да какие! Явно благородные — подберезовики, подосиновики. Тут уж и мы вылезаем из кузова. Вот это раздолье — грибы почти на каждой кочке! И все крепкие, нечервивые. Да и откуда им взяться, червякам! Ведь грибные черви — это личинки насекомых. А постоянные сильные ветры буквально выдувают всех насекомых с безлесного острова.

Грибной азарт от обилия добычи гаснет. Но надоело собирать грибы — пожалуйста, лакомись ягодами, растущими тут же. Местная ягода шикша по вкусу напоминает ежевику. И вот уже тундра не кажется унылой, каждая ее кочка полна чудес.

Выглянувшее солнце весело заиграло в озерцах самых причудливых форм. С этого момента мы поняли, что тундра по-своему прекрасна. И это ощущение уже не покидало нас все время путешествия по острову.

Наш грузовик останавливается у маленького домика.



Здесь живут биологи, дальше мы отправляемся вместе с ними на лежбище котиков. Тропа ведет через зеленые холмы. В защищенных от ветра ложбинах растет высокая, до пояса трава. Еще не дойдя до берега моря, мы слышим странные звуки, как будто блеют тысячи овец. Несколько сот метров наверх, к вершине холма... В ушах — рокочущий рев, а перед глазами, внизу, потрясающая картина: серые скалы среди белого песчаного пляжа, ярко-синее, сверкающее на солнце море. А сам пляж и прибрежные камни усеяны тысячами и тысячами черных лоснящихся животных. Это котики.

Вниз, к пляжу, и дальше, к воде, идет деревянная галерея на высоких столбах. Галерея вместе с высокой башней на конце напоминает средневековую крепость. А предназначена она для того, чтобы защитить котиков и людей от прямого контакта друг с другом. Здесь всё как в зоопарке, только шиворот-навыворот: звери на воле, а люди в загородке. Но так и надо, главное, не испугать, не помешать зверям в месте их естественного обитания.

Мы идем по галерее прямо в гости к котикам. Сквозь узкие окошки-бойницы прекрасно видны хозяева пляжа. Вот черный малыш заковылял по песку, проворно двигая ластами, а чуткая мамаша внимательно следит за ним. Вот крупный котик грозным рыком отгоняет от своего семейства чужака. Многие звери прохлаждаются в воде, накупавшись вдоволь, отдыхают на выступающих из воды плоских скалах. Жизнь лежбища можно наблюдать часами. Зрелище никак не надоедает. С трудом отрываемся от биноклей, чтобы послушать рассказ биологов.

На Командорских островах — три лежбища, здесь собирается четверть миллиона котиков. Промысел их строго ограничен, не то что 60 лет назад, когда их почти начисто выбили добытчики. Но котикам все равно требуется забота людей. Нам рассказали, что массовую гибель котиков вызывает болезнь пищеварительно тракта животных, особенно новорожденных. Сейчас удалось подобрать лекарство от этой болезни, и биологи начали делать котикам уколы. Болезнь пошла на убыль.

Мы убедились, что люди делают все, чтобы сохранить и умножить стада котиков и еще более ценного морского зве-

Это котик.

Полевые цветы ирисы.

ря — калана. Калан, или морской бобер, совсем было исчез на островах. Только абсолютный запрет на их добычу да еще строгий режим поведения людей помогли спасти каланов. Их здесь и лечат, и машины к лежбищам не подпускают, и собак запрещено на берег выводить.

Но дело не только в сохранении животных, которые полезны человеку. Утрата любого вида — это потеря для всех нас, ибо она невосполнима. Меньше останется разных животных и растений — беднее, однообразнее станет жизнь на нашей планете.

Как не вспомнить тут грустную историю, случившуюся именно здесь, на Командорах, с морской коровой!

Стеллерова корова

Это крупное — до восьми метров в длину и около четырех тонн весом — морское млекопитающее впервые было описано Георгом Стеллером, натуралистом экспедиции Беринга. В те времена в командорских водах обитало не меньше тысячи морских коров. Вкусное, напоминающее телятину мясо этих животных пришлось очень кстати морякам, пережившим зимовку на острове.

Весть о замечательном морском звере распространилась, увы, слишком быстро. И за двадцать пять лет коровы были полностью уничтожены китобоями и заготовителями котикового меха. Последнюю корову убили в 1768 году.

Трудно смириться с тем, что нам больше не суждено увидеть этих уникальных животных. Очень хочется верить, что где-то в глухих заливах у берегов Чукотки или Аляски еще сохранились отдельные представители того вида. Время от времени появляются сообщения о встречах с морской коровой. Но, к сожалению, они потом не подтверждаются. Ученые заявляют определенно: даже единичные особи не могли бы остаться необнаруженными, учитывая нынешнее обилие самолетов и судов.

Обнаружить сейчас можно только скелеты. Да и их сохранилось мало. До недавнего времени всего три музея: в Хабаровске, Москве и Ленинграде — могли похвастаться этим редким экспонатом. Незадолго до нашего посещения на острове Беринга обнаружили четвертый скелет — на сегодня самый большой. Сотрудники музея в Никольском, школьники, учителя — все помогали откапывать огромные кости. Сейчас восьмиметровый скелет заполняет комнату небольшого музея. Впечатление он производит самое сильное... Да вот беда, что живой коровы нам так и не увидеть!

Поездка на остров

Дорога в поселке Никольском всего одна и ведет она «на материк» (чаще всего — на Камчатку) и «в остров». На материк можно добраться и морем, и самолетом; проехать в глубь острова можно только на вездеходе. Гусеничный вездеход — вроде танка. Но вместо башни с пушкой у него большой, крытый брезентом кузов с узкими длинными оконцами по бокам.

Сейчас мы едем на этом необычном транспорте в глубь острова.

Шум в кузове такой, что разговаривать невозможно. Уже почти час за окнами однообразная, плоская тундра. Но вот вездеход пошел под уклон, и слева вдали заблестела вода.

Озеро Саранное — большой водоем, наверное, с десяток километров в поперечнике. Его окружают сглаженные горы, их мягкие очертания напоминают складки зеленого бархата. Своим названием озеро обязано растущим здесь лилиям, саранкам. Клубни их вкусны и издавна употреблялись алеутами — местными жителями.

На мосту через небольшой ручеек водитель притормозил. Сверху вода в ручье кажется красного цвета. Приглядевшись, вдруг понимаем, что ручей буквально забит ярко-красными рыбинами. Это идет на нерест ценная лососевая рыба нерка. Нагулявшись в море, лососи неудержимо стремятся в те самые речки и ручьи, откуда несколькими годами раньше отправились они в море молодыми рыбешками.

Отнерестившись, рыба гибнет, чтобы дать дорогу молодому поколению. Таков уж жизненный круг нерки. Мы как раз наблюдаем этот круг в той же точке, где смыкаются два рыбьих поколения. Движущаяся вверх по ручью красная масса — наглядное проявление «инстинкта дома», загадочного свойства лососей точно помнить дорогу к месту своего рождения и месту гибели.

...Водитель гонит машину дальше. Но еще долго сквозь открытый сзади кузов видно озеро. Его строгая, мрачная красота и спокойствие являют резкий контраст той яростной драме, которая происходит сейчас в его водах.

А наша цель — попасть туда, где Витус Беринг и его команда впервые ступили на землю острова.

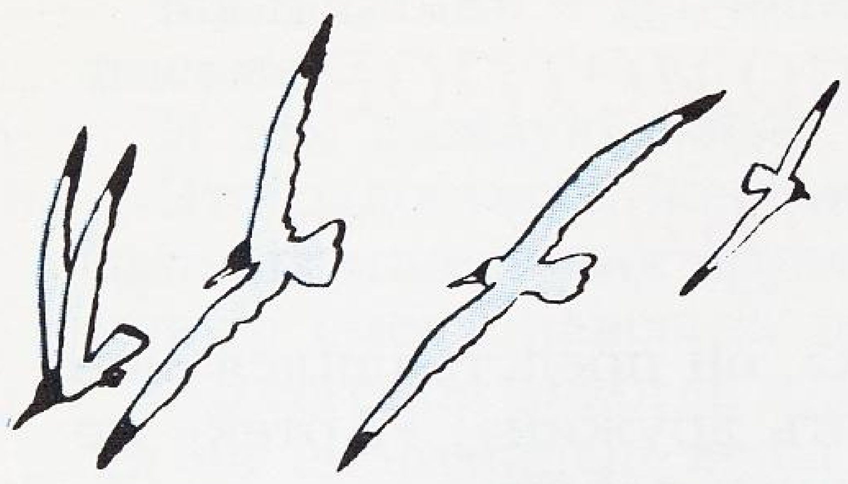
Памятник командору

Останавливаемся перед небольшой речкой. Такой, каких мы пересекли за последний час, уже несколько. Но все-таки эта речушка и бухта, в которую она впадает, особенные.

Поднимаемся по песчаному берегу в небольшие дюны, поросшие высокой травой. За дюнами — несколько ям глубиной метра в полтора. Вот в таких ямах, накрытых парусами, пережили страшную зиму 46 моряков экипажа «Святого Петра». Конечно, те ямы давно занесло песком. Но и эти имеют прямое отношение к экспедиции Беринга. Уже в наши дни велись здесь раскопки и были извлечены пушки, снаряжение и домашняя утварь команды Беринга.

Сам командор не пережил зиму. Он умер 8 декабря 1841 года от цинги. На его могиле стоит строгий трехметровый крест. С этого места хорошо видны речка, бухта и далекие мысы последней земли легендарного командора Витуса Беринга.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.



ОБ «АРТЕКЕ» И АРТЕКОВЦАХ

У «Артека» — тысячи друзей. Каждый из них побывал в этом замечательном лагере в разные годы и по-своему сказал о береге счастливого детства...

«Свободные, счастливые красные пионеры из лагеря Красного Креста в «Артеке» — это богатство Советского Союза, всего человечества. Этот лагерь — рассадник физической и моральной силы, пункт огромного культурного значения».

Клара ЦЕТКИН.

«Артек» — настоящий рай, но рай земной, реальный, где жизнь детей трудящихся проходит в оздоровлении своих физических сил, приобретении знаний и в спорте».

Анри БАРБЮС.

«Для меня дорога в «Артек» прошла через космос. Вернулся из полета и стал космическим гостем замечательной республики красных галстуков. С тех пор в «Артеке» был не раз. Я вижу, как расцветает «Артек», строится. Все больше здесь дружин, все больше советских ребят и детей разных стран. Очень рад, что в «Артеке» строится космический городок, и верю, что еще не один артековец станет разведчиком космических трасс...»

Юрий ГАГАРИН,
летчик-космонавт, Герой Советского Союза.

«Мне кажется, что я всю жизнь дружу с «Артеком», пишу для него песни. Мы часто говорим о том, что взрослые дают детям, а мне хотелось сказать, что пионеры «Артека» дают каждому из нас заряд бодрости. Не было бы моих песен об «Артеке», если бы не было замечательных пионеров-артековцев и встреч с ними».

Д. Б. КАБАЛЕВСКИЙ,
композитор, Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии.

«Артек» — это энтузиазм, молодость и надежда будущего. Здесь дети — завтрашний день народов — растут интернационалистами, борцами за мир и международную солидарность».

М. ТУОМИНЕН,
лауреат международной Ленинской премии
«За укрепление мира между народами».

«Моя первая встреча с «Артеком» состоялась более 40 лет тому назад. И вот сейчас я снова вернулся в эту удивительную страну детства, которую Родина Ленина навечно подарила детям. «Артек» — одна из ярких страниц советского образа жизни».

С. В. МИХАЛКОВ,
писатель, Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии.

«Я был бы рад привезти в «Артек» все тридцать с лишним миллионов американских детей, чтобы они узнали правду о вашей стране и своими глазами увидели все. Не знаю ни одного лагеря в США, который был бы таким красивым и благоустроенным».

Б. СПОК,
детский доктор и педагог из США.

«Родина Октября, Родина Ленина подарила ребятам этот замечательный лагерь. Если бы не было Октябрьской революции, если бы не произошли огромные изменения в вашей стране, то была бы невозможна победа на моей родине. Путь народам к миру и свободе открыла ваша страна. У себя во Вьетнаме мы хорошо помним, что наша революция тоже началась с залпа «Авроры». Я уверен, что и на нашей земле будут построены вьетнамские «Артеки», в которых будут отдыхать наши пионеры. Опыт «Артека» — бесценный опыт».

Чан Нгок ФЫОНГ,
Герой Народной армии СРВ.

«Я считаю, что мне в жизни посчастливилось дважды: первый раз, когда много лет назад приехал в «Артек», и второй, когда я снова увидел свой лагерь. Всякий раз, когда мне задавали вопрос, какое из детских впечатлений было самым сильным в моей жизни, я отвечал: «Артек»!»

Г. К. МОСОЛОВ,
летчик-испытатель,
Герой Советского Союза.

«Я люблю сочинять сказки. Но «Артек» — это сказка наяву, и ее для детей сочинили очень добрые и сильные люди — советские люди. Побольше бы на земле было таких «сказок».

Джанни РОДАРИ,
итальянский писатель-коммунист.

«Праздники в «Артеке» бывают большими и маленькими. Я видела праздники в дружинах и отрядах, когда поют задорные песни об «Артеке», и тихие, задумчивые у отрядного пионерского костра. Каждый, кто участвует в таких праздниках, увозит с собой немало замечательных песен об «Артеке» и потом дома, у себя в отряде вместе с друзьями разучивает их. И получается новый праздник, новая встреча с настоящей песней, разученной на берегу Черного моря».

А. ПАХМУТОВА,
композитор, лауреат Государственной
премии СССР и премии
Ленинского комсомола.

Оскар РЕМЕЗ

Созвездие

Семь километров счастья

«Когда я ехал в «Артек», он представлялся мне одним лагерем, а это десять дружин»; «Артек» не один, его много» — так пишут ребята.

Когда в небе загораются звезды, а на земле — пионерские костры, и гирлянды разноцветных огней опоясывают костровые площади всех лагерей, «Артек» становится похожим на созвездие.

Я побывал только на одной звезде «Артека» — той, что носит имя «Полевая». Есть еще «Лесная», «Озерная», «Речная», «Кипарисная», «Лазурная», «Хрустальная», «Алмазная», «Янтарная», «Морская»... Еще девять дружин.

«Артек» не один, его много.

Если идти вдоль берега моря — семь километров ребячьего счастья.

Сын Евгения Онегина

Он сам первым пресекает ненужные расспросы:

— Да у нас в городе половина жителей Онегины... Да у нас река Онега...

Виктор Евгеньевич служил в армии, работал на заводе, поступил в технический вуз, ушел оттуда и пришел к детям. Кажется, навсегда. Теперь он будет учиться заочно — уже в педагогическом.

«Детьми» их называют на планерках вожатые, сами они говорят о себе «люди», Виктор зовет их по-артековски «народ».

— Народ, плохо заправили койки!

— Народ, почему опаздываете на линейку?

— Народ, через пять минут собраться на палубе!

Виктор с народом на «ты», и народ с ним тоже. Он для народа не Виктор Евгеньевич, а просто Витя. Четырнадцатый отряд убежден, что лучшего вожатого в лагере нет.

Впрочем, всем отрядам «Полевой» повезло одинаково: каждому достался лучший в дружине вожатый.

Витя берет в руки гитару. Скажите, кто знает столько песен?

Витя прыгает в воду. Кто еще так умеет нырять?

А разве кто-нибудь танцует лучше Вити?

Мальчишки облепили Онегина:

— Витя, ну Витя же, расскажи историю!

А девчонки любуются им издали. И гордятся. И будут плакать, когда придет пора отъезда.

Мальчишки и девчонки станут писать вожатому письма.

И так каждую смену.

Это радостно и жестоко — находить друзей, преданных маленьких друзей на всю жизнь, и каждую новую смену навсегда расставаться с ними.

Но сегодня некогда думать об этом. Надо строиться на спортивные игры.

— Народ, считаться!

Он подставляет широкую ладонь, и по ней звонко шлепает ладошками четырнадцатый отряд.

— Раз, два... шесть... десять... восемнадцать... двадцать три!

Двадцать три ладошки отпечатались на ладони Онегина. Все на месте.

— Народ, пошли!

Пятый отряд судит фашизм

Солнце не померкло, оно светило по-прежнему, но Костровая преобразилась. На кумаче забелели слова: «Люди, я любил вас, будьте бдительны!»

В кучу были свалены гитлеровские флаги, гитлеровская свастика.

— Пионерский суд постановляет!

Фашизму был вынесен приговор. Он не подлежал обжалованию.

На Костровой площади дружины «Полевая» в тот же вечер сожжены были свастика и фашистские флаги.

Сожжены в пламени костра, зажженного от солнца, для того, чтобы никогда не пылали на земле новые пожары войны.

Четыреста имен Неизвестного матроса

Дружина спускалась к морю.

Каждый нес в руке ветку или цветок.

Шестнадцать отрядов шли к памятнику Неизвестному матросу.

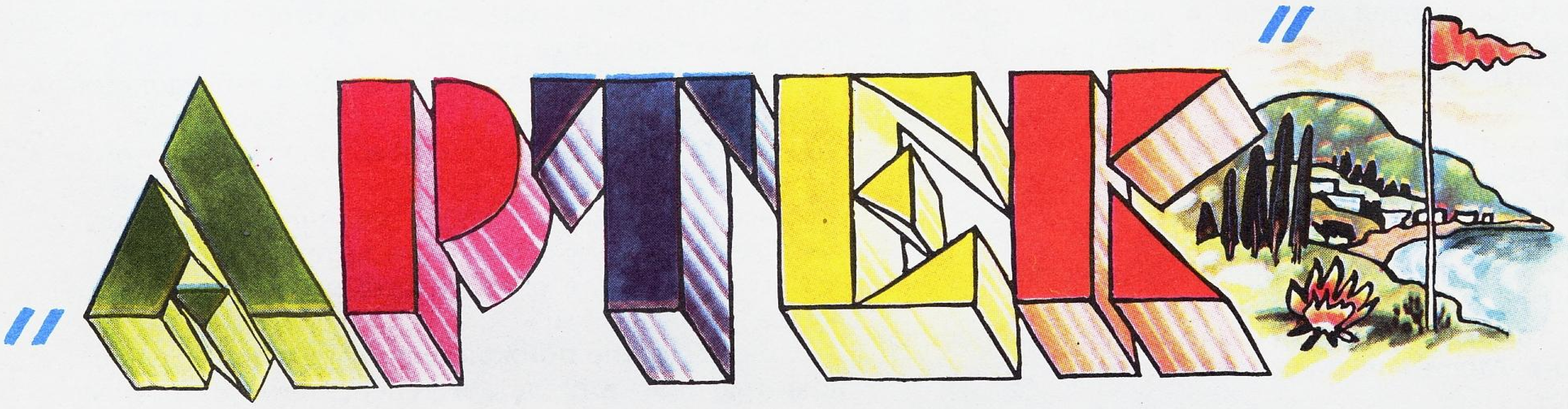
Он, матрос в камне, откинулся назад и последним своим движением приготовился к броску.

— Знамя склонить!

Он смотрел на нас невидящими глазами.

— Гирлянду славы возложить!

К памятнику на руках пионеров медленно подплывали венки, увитые широкой лентой воинской славы.



— Первый отряд!

— Здесь!

— Второй, третий, четвертый, шестой...

Шла перекличка.

На Костровую, заполненную народом, под барабанную дробь вступал пятый отряд.

В руках у отряда — папки с документами.

Целую неделю собирали пионеры факты и доказательства о зверствах фашизма.

— Суд идет!

Они зачитывали факты и приводили доказательства. Они обвиняли фашизм.

От имени всего человечества и пятого отряда.

И я вспомнил свой ленинградский отряд, мой предвоенный класс. Десять мальчиков полегли на войне, десять девочек — в блокадную зиму. Они были сегодня здесь, на Костровой площади, и они тоже судили фашизм вместе с пятым отрядом.

— Пионерский суд постановляет...

С моим ровесником «Артеком» вспомнили мы двадцать второе июня сорок четыре года назад. Солнце не меркло, оно и тогда светило по-прежнему. Мы были молоды с «Артеком» в то утро, мы были ровесниками тех, кто сегодня судил фашизм.

Начальник дружины сказала:

— Неизвестных матросов не бывает. Пусть каждый из нас подойдет к нему, заглянет в лицо и мысленно даст ему имя. Имя своего дедушки, сражавшегося за Родину, имя самого близкого своего друга или свое собственное. Я дам ему имя моего погибшего брата.

Четыреста одиннадцать человек снесли свои ветки герою.

Четыреста одиннадцать человек посмотрели матросу в лицо.

Четыреста одиннадцать человек подарили ему имя.

Я назвал того, с кем сидел когда-то за одной партой, имя смешливого мальчугана с большими ушами, кого давно уже поглотила война.

И не стало на крымской земле Неизвестного матроса.

Каждый из нас дал ему имя. Каждому стал он родным.

Дружина молча зашагала в гору, а море учило наизусть оставленные на память имена.

Отряды печатали шаг. И в ногу с дружиной шагал четырестаименный, каждому известный Матрос.

Дядя Коля и тапочки

Сколько панамок теряет дружина за лето?

А сколько рвет ботинок за смену?

— Сколько?—переспрашивает сапожник прибрежных дружин дядя Коля.— Смотря какая смена... А в среднем двадцать пар в день...

Груда обуви—кроссовки, кеды, сандалии, босоножки, тапочки...

— Когда начинается смена, туфель приносят мало, а потом... Ты из какой дружины, мальчик?—прерывает дядя Коля разговор.

— Из «Озерной».

— А почему девочкины сандалии?

— Попросила отнести,—опускает глаза паренек.

— Через час будут готовы—зайдешь... День рыцаря,—поясняет дядя Коля,—в каждом отряде проводят... А после Аю-Дага—до пятидесяти пар доходит... Руки разбегаются!

Дядя Коля работает на совесть—второй раз приходить не придется.

Красивый народ

Случилась неприятность—большой Гафур побил маленького Максуда.

Обоих вызвали к начальнику лагеря.

— Сколько детей у тебя в семье?—спросила Светлана Андреевна большого Гафура.

— Десять штук.

— Не штук, а человек,—поправила она.—Младше или старше тебя?

— И старше, и младше.

— Ты защищаешь младших?

— Да.

— Почему же ты здесь обидел маленького?

— Он на меня ругался.

— У твоего отца есть еще сыновья?—спросила Светлана Андреевна Максуда, который ругался.

— Есть.

— Они старше или младше тебя?

— Я в семье старший сын.

— По старшему сыну судят об отце. Все будут думать, что твой отец ругается. Ты опозорил отца! Разве так можно?

Максуд молчал.

— Ты любишь свою родину?—спросила Светлана Андреевна Гафура.

— Да,—ответил Гафур.

— А ты?—обернулась она к Максуду.

— Да,—кивнул Максуд.

— Вы опозорили свой край. По тому, как вы ведете себя здесь, будут судить о ваших земляках. Скажут: все туркмены—драчуны. Разве так можно?

— Нельзя,—сказал Гафур.

— Подайте друг другу руки и ступайте!

Они подали руки и вышли. Оба держались гордо, смотрели приветливо друг на друга.

И кто ни повстречался им на пути, говорили: «До чего же красивый народ эти туркмены!»

Вожатые прежние, теперешние и будущие

У этой ночи было два неба. И оба бездонны. На одном мерцало столько звезд, что только те, кто занимается в астрономическом кружке, смогли бы их сосчитать. Другое, внизу, усеяно было бесчисленными кострами—млечными путями пионерских отрядов. И если верхнее небо казалось красивым, но холодным, нижнее было веселым и жарким.

С утра весь лагерь искал сухостой, собирал ветки, сучья и хворост. Ведь костер был в честь вожатых разных поколений, прибывших в канун праздника.

Старых вожатых разобрали по отрядам.

У каждого костра начались разговоры, вспыхивали песни и воспоминания.

— Когда мы,—рассказывала прежняя вожатая,—провожали детей до Симферополя, то за дорогу в автобусе успевали спеть сто артековских песен!

— После войны здесь работали военнопленные,—вспоминала другая,—восстанавливали то, что разрушили. Мы разучили песню о нашей Родине на немецком языке, подошли к ним и спели. Те слушали и... улыбались.

— Хорошие были тогда вожатые!—вздохнула гостья из пятидесятых годов.

— А теперешние лучше нас!—задорно сказала другая.

— Кто-нибудь из вас хочет стать вожатым «Артека»?—спросила третья у пионеров.

— Я! Я! Я!—зашумели со всех сторон, а некоторые молча подняли руки.

— А как выучиться на вожатого?—забеспокоился парнишка в очках.

— Есть такая школа, где вожатые учатся,—объяснил Витя Онегин.

И все решили, как только закончат свои школы, поступят в школу вожатых «Артека».

Было жарко от огня, искры летели к высокому небу.

А рядом, тесно прижавшись друг к другу, сидели вожатые прежних лет, и теперешние, и те, кому сегодня только двенадцать.

Перед тем, как разойтись, вся дружина встала и сказала слова, которые говорили в «Артеке» давно, говорят теперь и будут говорить всегда:

Над морем ночь спускается,
«Артеку» спать пора,
Спокойной ночи, Родина,
До светлого утра!

Эхом откликнулись море, «Артек» и Родина.

Хорошо просыпаться от того, что лицо твое щекочет крымское солнце, и аромат роз, утренних, умытых ночной росой, наполняет комнату.

Хорошо с друзьями делать зарядку перед корпусом и время от времени оглядываться в сторону моря, мечтая о купании.

Хорошо здороваться дружно, громко, отрядом со встречными: «Всем! Всем! Добрый день!»

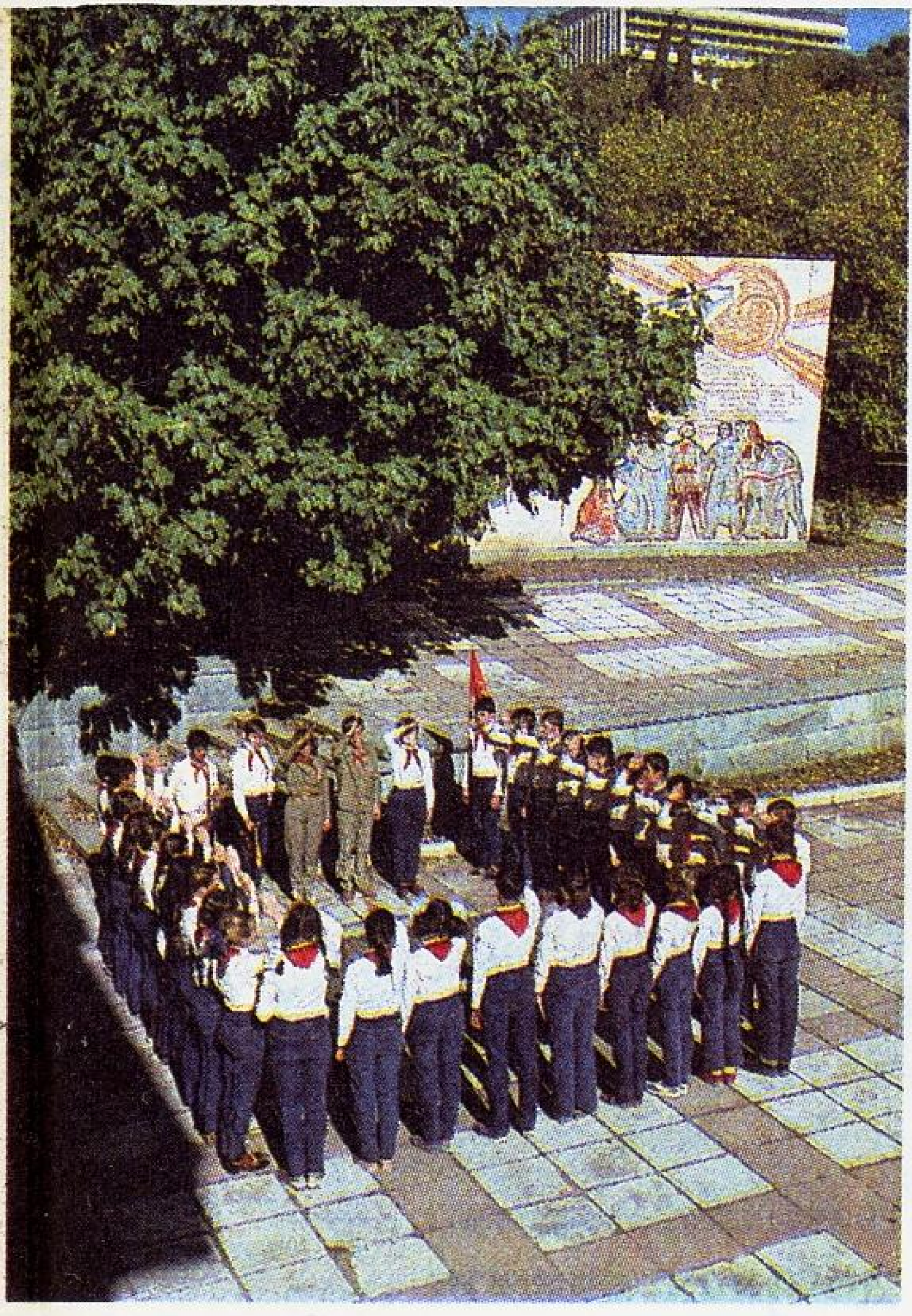
А еще хорошо—газету делать, участвовать в сборах и праздниках, весело, вкусно обедать в солнечной приветливой столовой.

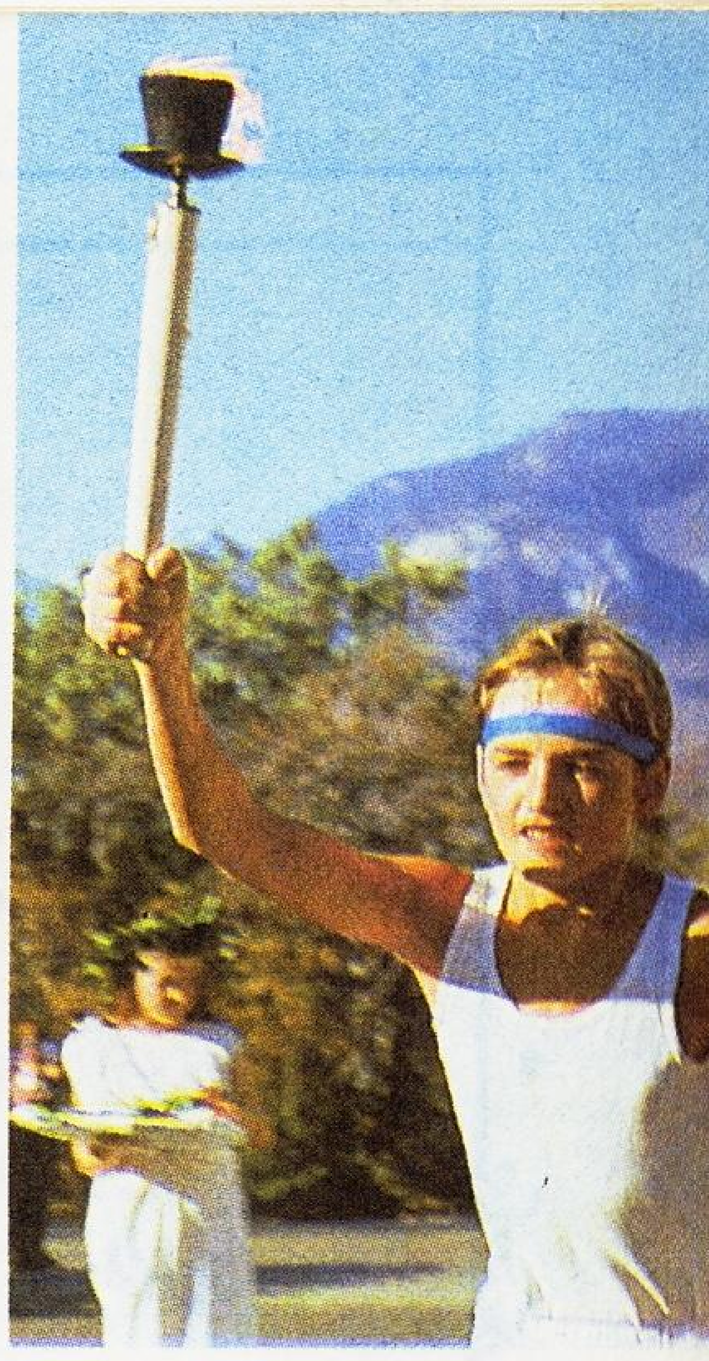
Хорошо жить в «Артеке»!

А уже дома немного грустить о чудесном лагере и радоваться за тех ребят, которые только-только сели в поезд, чтобы ехать в Крым, и колеса им начинают выстукивать: «Ар-тек, Ар-тек».

Хорошо!

Фотографии М. ГОСТЮЖЕВА.





* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Андрюс КРИВАС живет в Перми, учится в 8-м классе школы № 15.

Первооткрыватели

Немало времени с тех пор прошло.
Порой не верится, что было так когда-то.
Все было им наперекор, назло:
Штормы и ветры, бури и пираты.

Но слава тем, кто шел сквозь все невзгоды,
По ветру развевая гордый флаг!
Блеск их имен не затуманят годы,
Не канут их дела в забвенья мрак.

Я тем, что не щадили жизнь свою
И шли на риск за знанья и науку,
Им всем, бессмертным, храбрым, гимн пою —
Колумбу, Магеллану, Джеймсу Куку...

*

Нике БОЛЬШАКОВОЙ 14 лет, она москвичка, восьмиклассница.

Живой уголок

Есть в нашем лагере кружок —
Живых зверюшек уголок.
Везде стоят там клетки.
В той крайней клетке — хомячок.
Забилась свинка в уголок,
У свинки нос монеткой!
Хомяк джунгарик — тот спортсмен,
Весь день кружится в колесе —
С утра до поздней ночи.
Секрет спортсмена немудрен:
Скорей стать сильным хочет он,
На кошку зубы точит!
Песчанки, бедные, молчат,
Прижались к полу и дрожат,
От шума ошалели.
А сонюшку бурундука
Никто не видывал пока:
Храпит в своей постели.

Пете ФАДЕЕВУ 12 лет. Он живет в Москве, учится в школе № 345, перешел в 6-й класс.

Сирень

По картине П. Кончаловского.

В один июньский ясный день
Поставил я к окну сирень
Красивую, пушистую,
Пахучую, душистую.

И словно в книге добрых сказок
Смешались сотни разных красок:
Синих и лиловых,
Белых и бордовых.

Вмиг все скопилось,
Все сошлось,
В единый праздник все слилось.

Как будто после колдовства
Вдруг наступила тишина,
И я проснулся. Это сон!
Конечно, мне приснился он!

Напрасно снился мне июнь.
Ведь до него такая даль.
И на дворе сейчас февраль,
И скоро в школу мне шагать,
Но прежде, чем с постели встать,
Хотелось мне сказать:

«Когда уроков в школе нет,
В погожий летний день
Возьмите банку и в нее
(Конечно, коль не лень)
Поставьте скромные цветы
С названием сирень».

*

КАВКАЗ. *Гоча ГОЗАЛИШВИЛИ, 9 лет.*

ЛЕТО В ГОРОДЕ.

Саша КРУТОВЫХ, 7 лет.

Алексей МАКАРЦЕВ, москвич.

Ключ

Хороша была школа в то субботнее утро: выметена, вымыта, актовый зал принаряжен, а классные доски... Такими, я вам скажу, они могут быть только в день приезда зарубежных гостей!

А мы в самом деле их ждали. Болгарских ребят из Софии. По этому случаю мои одноклассники все до единого выполнили «домашнее задание»: принесли из дома значки, брелоки, открытки и книги о Москве. Образовался довольно-таки солидный сувенирный фонд! И если не считать одного досадного происшествия — староста нашего класса Таня Кукушкина уронила с подоконника горшок с лимоном, который сама посадила и вырастила до размеров картофельного куста,— если не считать разбитого горшка и пострадавшей флоры, все складывалось хорошо.

— Приехали!— крикнул что есть мочи дежурный. После этого самые ловкие скатились по лестничным перилам вниз. Когда я спустился на первый этаж, то в первую минуту увидел живой муравейник... Да где же они? Болгарские школьники, попавшие в тесный круг новых друзей, явно были смущены.

Потом они осмотрели наши классы, кабинеты, стенгазеты и выставку «Сделай сам». Гости держались тихо и достойно.

Все шло своим чередом. В актовом зале прозвучали речи с той и другой стороны. А какой получился концерт! Больше других сорвала аплодисментов Таня Кукушкина, исполнившая танец с цветком. Правда, она кружилась, держа в руках вместо любимого лимона горшочек с редиской.

Но самое интересное началось, когда нам сказали, что можно пригласить мальчика или девочку в гости к себе домой.

Уже в вестибюле я приметил одного симпатичного мальчишку лет четырнадцати, невысокого и худощавого, волосы черные, а в глазах, мне показалось, лукавая искорка горит. Когда я после концерта подошел к нему, он улыбнулся и очень чисто по-русски сказал:

— Меня зовут Стоян. Давай дружить.

Вот с ним-то я и отправился домой.

* * *

Как мне было неудобно перед новым моим другом: дверь закрыта, а ключи... где же ключи?.. Должно быть, вид у меня был что надо. Стоян сначала нахмурился, а потом, поняв в чем дело, расхохотался.

— Ты знаешь, в этой четверти я уже три раза забывал ключи дома,— сказал он.

— И что же ты делаешь в этом случае?

— Я иду в «Сладкарницу».

— Там работает твоя мама?

— Нет, это такое кафе для школьников, где можно посидеть, почитать книжку и поболтать с другом.

— А если нет денег на кафе?

— Ну и что! Это такое кафе, где тебе рады, даже если ты зашел просто так посидеть.

— Ты заходил. Садился. И что делал дальше?

— Я заходил, садился. И тут же ко мне подсаживался какой-нибудь мой друг. У меня много друзей.

— А дальше?

— Мы начинали обсуждать, как открыть дверь в квартиру. Первые идеи были, конечно, банальные и неинтересные: отверткой, ломом, лазерным лучом и даже... динамитом. А потом... Около меня уже целый круг ребят. Понятно, руковожу я. Даю указания: ты — председатель собрания, ты — секретарь, а вы двое — жюри. Остальные пишут на листке бумаги заявку на конкурс. Сам понимаешь, тема этого конкурса: «Как бы я открыл запертую дверь?»

— Здравствуйте!..

Рассказ Стояна пришлось прервать, потому что пришел мой друг Денис. Его прислала мама, и не с пустыми руками, с пирогом. Мы сели на каменную лестницу и стали уплетать. Потом к нам прибился Мишка. Его не мама прислала. Он сам пришел. Мишка принес кулек конфет. Потом прибежала Женька, а так как она ничего не принесла, а явилась из простого девчачьего любопытства, то мы послали ее за чайником, чаем и чашками. И у нас на каменной лестнице, перед закрытыми дверями, разгорелся настоящий пир.

А потом пришла моя мама.

За всеми этими событиями я совершенно забыл спросить Стояна, кто же победил у них в конкурсе и как была открыта дверь. И вспомнил об этом, когда мой друг уже сидел в автобусе, отъезжавшем в аэропорт. Я раскрыл рот... но автобус уже тронулся.

Недавно Стоян прислал из Софии письмо. Я не стану перечислять все, что он написал в ответ на мое письмо. Процитирую только одно местечко:

«Еще, дорогой друг, ты спрашиваешь, как я открыл входную дверь. Ключом. Ключ нашелся в моем собственном кармане...»

«Голубую рапсодию» я писал прежде всего для тех, кто неравнодушен к небу, для смелых и отважных ребят, не мыслящих жизни без полета, ну и просто для любознательных тоже.

Чтобы крепче любить небо — эту холодную голубую бесконечность, незаметно темнеющую и переходящую в космическую вечность, чтобы верить в мечту, чтобы ценить достижения нынешней авиации по великим ее заслугам, я уверен, людям очень важно знать и представлять, как совершалось восхождение к звездам: шаги, шаги, шаги... дерзание, риск, расчет, кровь героев и слезы вдов отметили дорогу в небо, пройденную гением человеческим, мыслью его и неутомимостью рук.

«Голубая рапсодия» не история авиации. Такое не под силу одному человеку, да еще на ограниченной площади,— рассказать в с е про авиацию.

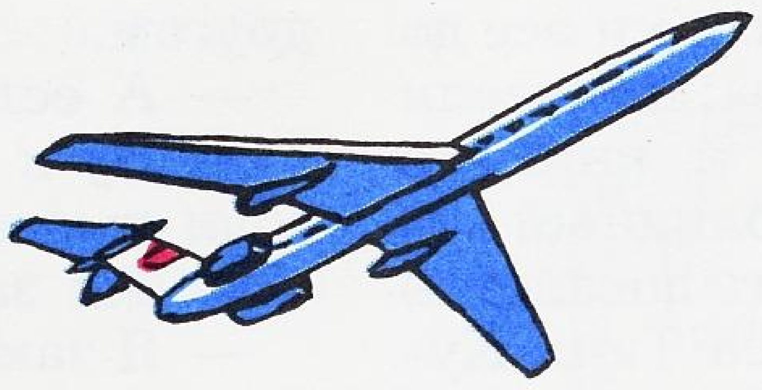
Мне бы хотелось этой работой приблизить читателя к небу, пробудить в нем нежность к облакам, кочующим над головой, удвоить, нет, утроить уважение к летному ремеслу, лучше которого я ремесла не знаю, и подогреть желание узнавать о наших крыльях еще и еще.

Автор

Анатолий МАРКУША

ГОЛУБАЯ РАПСОДИЯ

ГЛАВЫ ИЗ НОВОЙ КНИГИ



Рисунки Н. ЕРМОЛАЕВА.

Крылья в небе

Сколь ни замечательным открытием был воздушный шар, он с первого дня своего существования и до конца оставался игрушкой ветра: куда дует воздушный поток, туда и летит шар... Приходилось искать что-то другое. Многие думали о жестких, неподвижных крыльях. И не просто думали, пытались рассчитывать и строить аппараты тяжелее воздуха.

В середине XIX века идея таких аппаратов формулировалась следующим образом: «Чтобы бороться с воздухом, надо обладать удельным весом большим, чем воздух. Нужно господствовать над воздухом вместо того, чтобы быть его игрушкой. Для этого надо, подобно птице, найти опору в самом воздухе, а не быть опорой для него. Совершенно отказавшись от аэростатов, этих простых поплавков, надо добиваться успехов, применяя законы механики, подобно бураву, ввинчивающемуся в воздух. Винт, «святой» винт способен увлечь с собой в атмосферу и человека...»

Огромную исследовательскую работу провел Александр Федорович Можайский, он проявил чудеса изобретательности и инженерного прозрения, строя свой аэроплан и паровой двигатель; упорствовал Клеман Адер, избравший прототипом летучую мышь, некогда привлекшую внимание Леонардо да Винчи; колоссальный труд вложил в гигантский самолет Хайрам Максим, изобретатель станкового пулемета.

Имен можно назвать много. И справедливо считать — усилия первопроходцев не пропали даром: постепенно вырабатывалась схема будущего аэроплана, рождались частности, без которых невозможен переход от самой блистательной идеи к действующей машине, к завершенной конструкции.

И пусть ошибок, просчетов, «белых пятен» оставалось еще много, все равно опыт накапливался. Ведь опыт и с минусовым знаком остается опытом, не зря говорится: на ошибках учимся.

Решительный успех не приходил долго. Камнем преткновения всех первых самолетостроителей оказывался двигатель. И Можайский, и Адер, и Максим ориентировались на паровую машину. Им удалось уменьшить ее габариты, облегчить вес, невиданно повысить удельную мощность, и все-таки «паровик» не тянул.

А нельзя ли обойтись б е з мотора? Пока, временно. На первый взгляд идея казалась совершенно абсурдной. Но — тут люди возвращались к исходному пункту беспокойной мечты — парят же птицы, не взмахивая крылом, долго парят, особенно крупные птицы — орлы, аисты, журавли... Ведь писал в свое время Леонардо: «С горы предпримет свой первый полет Великая птица — человек на спине большого белого лебедя, владыка воздуха;— победитель всех пределов и тяжестей, на крыльях исполинских, сверкающих, как снег в лазури неба, наполняя мир

изумлением, наполняя все книги свои бессмертным именем, и вечная слава гнезду, где он родился!»

Знал ли фотограф Оттомар Аншюп об этом пророчестве Леонардо? Едва ли. Да он и не очень интересовался проблемой человеческого летания, его занимали птицы. Аншюп сконструировал фоторужье и, бродя по Тельтову, вдоль тихой речки Бёхи, «постреливал». Его удивительное ружье позволяло делать двадцать кадров в секунду. Впрочем, удивления заслуживают не только ружье и великолепные снимки взлетающих аистов, но и то, что фотографии Аншюпа совершенно случайно попали в руки инженера Отто Лилиенталя.

Лилиенталь жил в пригороде Берлина — Штенглице. Был он, как говорится, из породы чудаков — что-то выдумывал, что-то строил, что-то ремонтировал. Между делом изобрел детский конструктор — любимое занятие и наших детей. Между делом написал под псевдонимом Карла Поля пьесу, которая с успехом шла в Остендтеатре. По мнению респектабельных соседей, инженер Лилиенталь мог бы вполне прилично зарабатывать, если бы не беда — им овладела безумная идея: уподобиться птице и полететь! И фотографии Аншюпа довершили несчастье — забросив все дела в своей механической мастерской, братья Отто и Густав Лилиенталь принялись сооружать крылья.

В 1894 году газета «Берлинер локальцейтунг» писала: «Если вы хотите видеть двух сумасшедших, поезжайте в Лихтерфельде. Там кое-кому захотелось летать». (Сегодня на холме Лихтерфельде высится памятник Лилиенталю — знак уважения благодарных потомков.) Но это теперь памятник, а тогда, удивительное дело — мало было людям преград, воздвигаемых природой, приходилось еще терпеть от себе подобных...

Впрочем, так ли удивительно? Не успели первые паровозы пройти по земле, а тучи насмешек, лавина карикатур, ограничительные и запретительные законы обрушились на новую машину; а сколько издевались над мотоциклистами, над первыми водителями автомобилей...

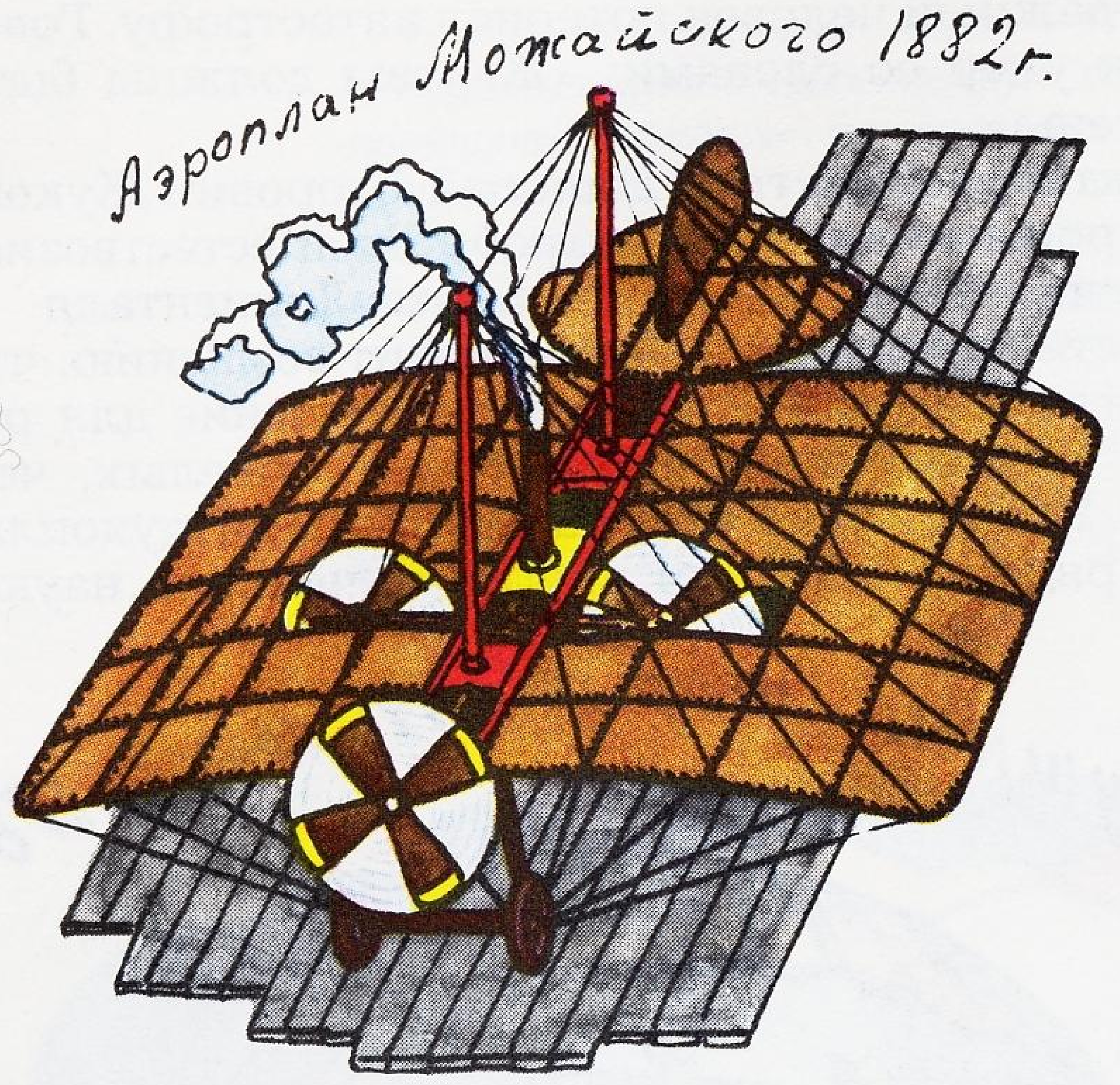
Перед паровозом Стефенсона шел специально нанятый боксер, чтобы защищать машину от разъяренной толпы... Сегодня это строка из коллекции анекдотов, а тогда консерватизм мышления, воинствующее ретроградство обывателя были истинным проклятием пионеров авиации.

Пренебрегая насмешками и злобным недоброжелательством, рассчитывал и строил Отто Лилиенталь один планер за другим (всего он создал 18 аппаратов!), совершал полет за полетом (всего около 2000!) и еще написал книгу «Полет птиц, как основа искусства летания». Хотя это был серьезный, новаторский труд, спрос на него оказался невелик — за десять лет разошлись триста экземпляров... Это странно — Лилиенталь не приобрел при жизни страстных поклонников, у него не оказалось верных учеников и помощников, а возглавивший специальную комиссию Гельмгольц сравнивал его усилия с попыткой построить... вечный двигатель или решить квадратуру круга.

Вероятно, такое отношение к отважному исследователю было определено прежде всего тем, что Лилиенталь намного опередил время. Он писал: «Прогресс культуры зависит в значительной степени от того, удастся ли людям превратить воздушное пространство в обычную широко используемую магистральную дорогу».

Выполнив около 2000 полетов, научившись преодолевать довольно значительные расстояния, слетать с весьма внушительных холмов, Отто Лилиенталь готовился поставить на свой летательный аппарат двигатель, но не успел: 12 августа 1896 года этот отважный человек потерпел катастрофу. Говорят, он умер со словами: «Жертвы должны быть принесены».

27 октября 1896 года Николай Егорович Жуковский произнес в обществе любителей естествознания речь, посвященную памяти Лилиенталя. В частности, он сказал: «Не подлежит сомнению, что Лилиенталь сделал крупное приобретение для решения задачи о полете тел, более тяжелых, чем воздух. Его имя занесется на страницы воздухоплавания рядом с именами других мучеников науки,



пожертвовавших своей жизнью для разрешения великой воздухоплавательной задачи».

Пионерские заслуги Лилиенталя признали не сразу и не всюду. Одним из первых, как видим, кто по достоинству оценил его подвиг, был профессор Николай Егорович Жуковский.

А в самом начале пятидесятых годов нашего века произошло нечто совершенно неожиданное: профессор Френсис Рогалло из исследовательского центра «Ланглей», рассматривая рисунок бессмертного Леонардо, подумал: «А если вернуться к этой идее, но на уровне сегодняшних научных и технических возможностей?». Так был задуман, а вскоре осуществлен и запатентован «Змей Рогалло» — несколько дюралевых трубок, выкроенное треугольное полотно из дакрона — крыло, подвесная система, напоминающая парашютную,— и человек может свободно парить в воздухе.

Справедливости ради надо признать: поначалу «Змей Рогалло» успеха не имел. Но когда широковещательная реклама возвестила миру о свободных полетах Била Монса в Австралии, Дика Миллера и Била Бэнета в США, начался дельтапланный бум. И какими современными оказались слова Отто Лилиенталя, сказанные им почти сто лет назад: «О сущности летания каждый техник имеет особое мнение... В технике летания слишком много всяких рассуждений и вычислений и слишком мало опытов... нужны наблюдения и опыты, опыты...»

Сегодня люди, разумеется, не отказались от вычислений, мы привыкли доверять математике и не можем пренебрегать расчетами, тем не менее новый поход за новым опытом приобрел невиданный размах. Весной 1975-го в Австрии собрались уже 300 дельтапланеристов и выполнили 300 полетов. Годом позже ФАИ ничего не осталось, как признать и узаконить новый вид спорта — дельтапланеризм.

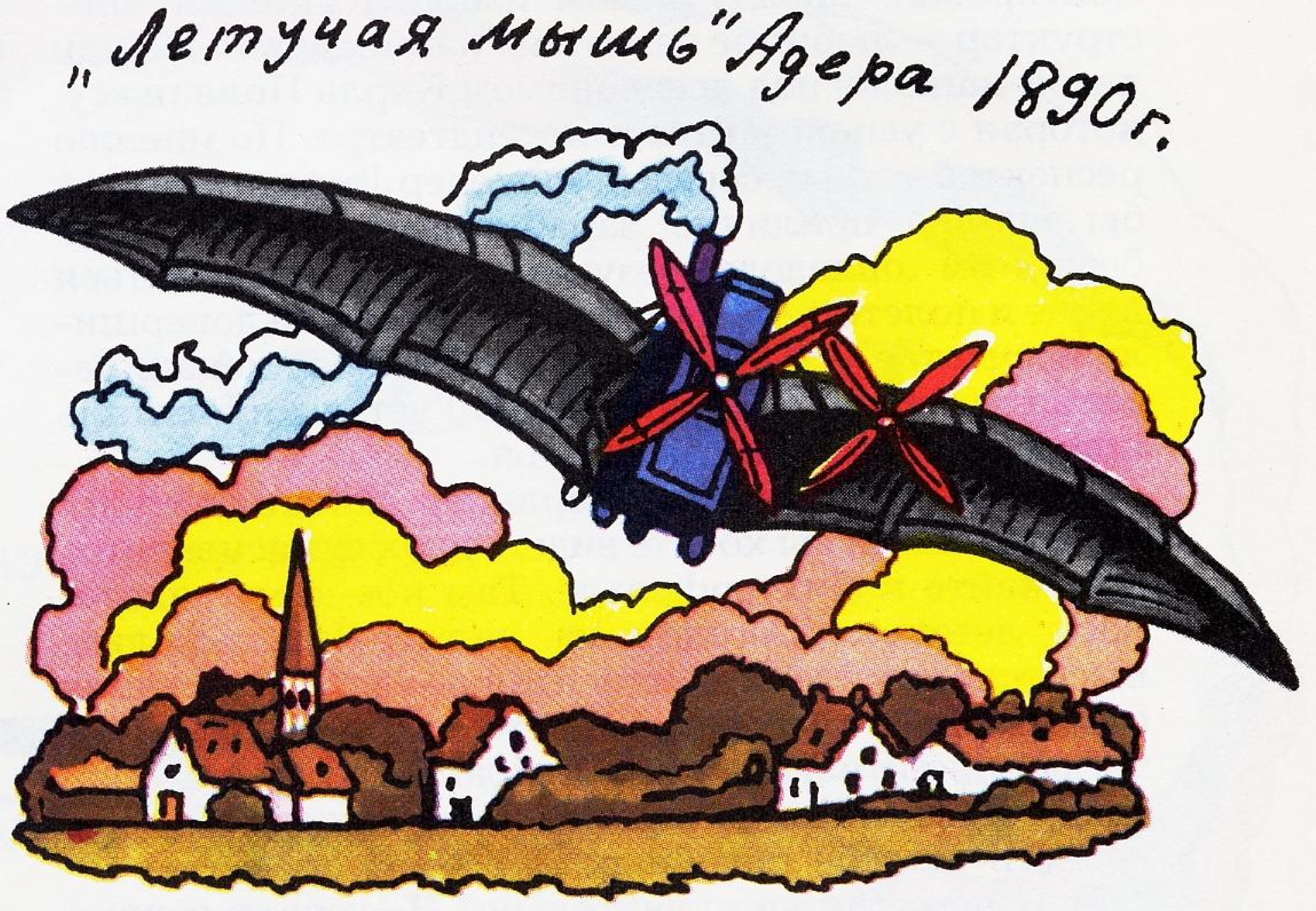
В СССР дельтапланеризм привез доктор физико-математических наук, мастер спорта по водным лыжам Михаил Гохберг. Он был в научной командировке во Франции, между делом обучился там полетам на «Змее Рогалло», увлекся и не расстался с этим увлечением дома...

На птичьих крыльях летают сегодня сотни тысяч людей в мире. Летает и стар, и млад — маршал авиации и ленинградский школьник. И делаются успешные попытки перейти к практическому применению дельтапланеризма. Кое-где пробуют наградить крыльями полицейских, наблюдающих за безопасностью движения на дорогах. В Советском Союзе проведены опыты киносъемки с высоты. Есть идеи превратить складные, легкие крылья в спасательное средство, способное превзойти парашют; ведутся работы по оснащению крыла моторчиком...

И все еще, видимо, по инерции шумят репортеры: «Не страшно в воздухе Икарам!», «Икары просятся в небо!», «Икары XX века»...

Икары, Икары, Икары... Не согласен!

Кто такой Икар? Юноша из легенды, непослушный сын мудрого механика Дедала, первейший в авиации нарушитель порядка. Сотни тысяч окрыленных современников, если уж проводить исторические параллели,— это воскресший и преумноженный Отто Лилиенталь!



Капитан Фердинанд Фербер, не только один из первых европейских летчиков, но едва ли не самый первый историк авиации, писал после гибели Лилиенталя: «День, когда Лилиенталь отмерил свои первые пятнадцать метров в воздухе, я считаю днем, с которого люди начали летать». Это писал француз, писал в пору, когда антагонизм между его страной и Германией заставлял многих соотечественников Фербера в лучшем случае не замечать германских изобретателей, инженеров, вообще немцев...

В авиационной деятельности Отто Лилиенталя не было особенно ярких, неожиданных озарений, были и ошибки, но и сегодня его труд-подвиг привлекает методичностью, строгой последовательностью каждого шага и великолепной убежденностью — только сочетание теории и практики, только экспериментальная проверка каждого предположения помогут человеку найти кратчайший и наиболее надежный путь в небо.

Позже тот же Фербер уложил опыт Лилиенталя в краткую и необыкновенно выразительную формулу: от шага — к прыжку, от прыжка — к полету.

К счастью, трагическая гибель Лилиенталя не положила предела начатым исследованиям. После смерти у Лилиенталя оказалось много так недостававших ему при жизни талантливых и отважных последователей в разных странах и на разных континентах.

«Устойчивость летательного аппарата есть важнейшая проблема, которая должна быть решена до применения механического двигателя,— писал профессор Шанют, на шестьдесят пятом

году жизни принявшийся за постройку планеров.— Один месяц работы с планером в 1896 году дал мне больше опыта, чем двадцать предшествовавших лет теоретической работы».

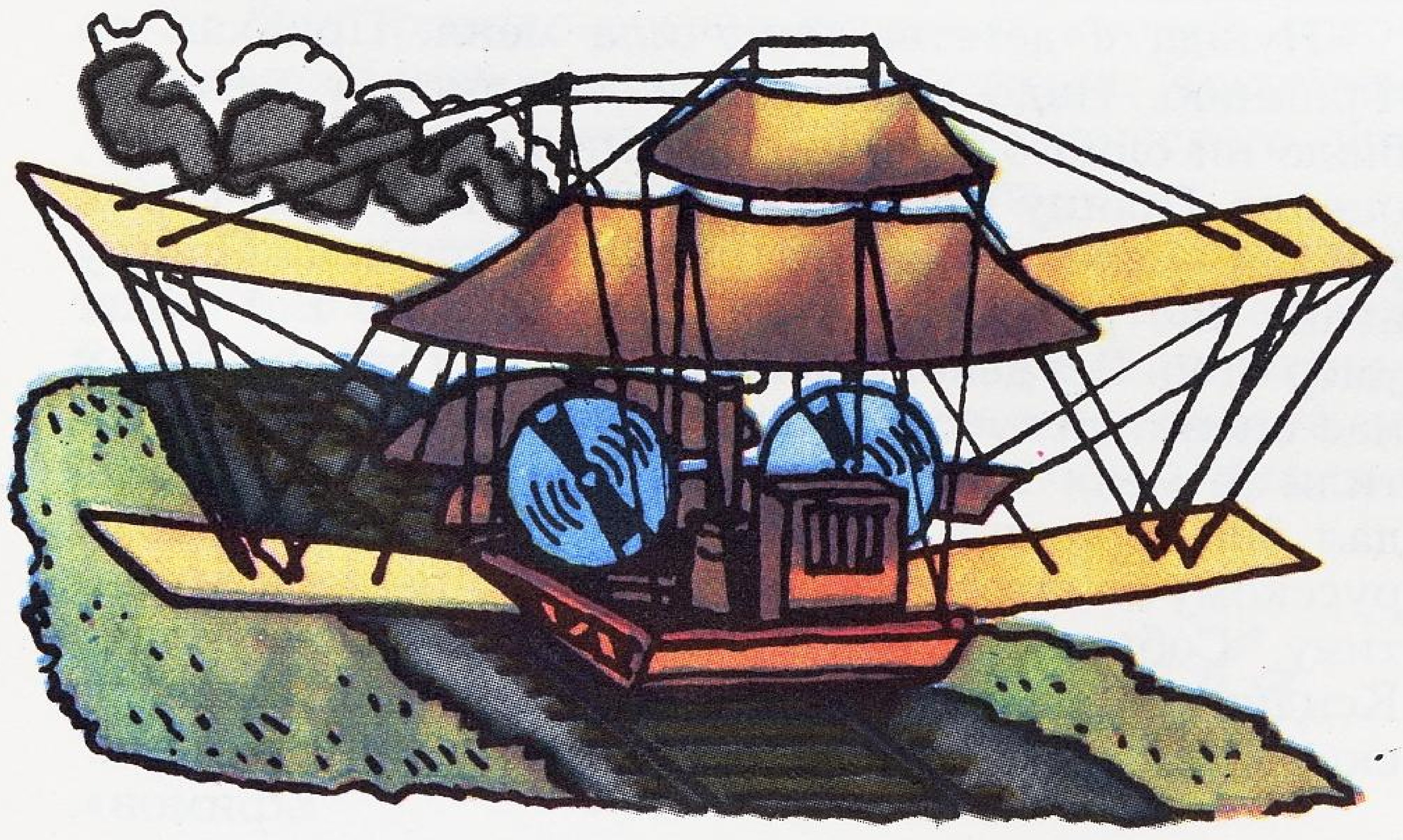
Шанюту повезло, он дожил почти до восьмидесяти лет и стал очевидцем полного торжества человеческих крыльев. Приведенные слова профессора Шанюта замечательны, на мой взгляд, своей деловитостью, своей программностью. Однако историю, в том числе и историю техники, движут не только расчет и прогноз, но еще и человеческие эмоции. Слушайте: «Школа Лилиенталя пленила нас еще и тем необыкновенным энтузиазмом, с которым апостолы летания описывали всю прелесть парения на неподвижных крыльях». Это писали братья Райты, самые удачливые продолжатели дела Лилиенталя.

Как уже говорилось, Лилиенталь собирался поставить на свои крылья двигатель. Несколько слов о реальных возможностях этой идеи. Принцип двигателя внутреннего сгорания был открыт во второй половине XIX века. На Парижской промышленной выставке 1878 года двигатель Николая Отто получил весьма высокую оценку. И уже к 1900 году суммарная мощность всех моторов этого типа, работавших в мире, составила примерно 100 миллионов лошадиных сил, а в следующее десятилетие удвоилась.

Бензиновые двигатели внутреннего сгорания великолепно зарекомендовали себя в «сверхавтопробегах» той поры: Пекин — Москва — Париж или Нью-Йорк — Владивосток — Москва — Париж (1907—1908 годы).

Естественно, черты будущего авиадвигателя просматривались прежде всего в автомобильном и

Аэроплан Максима 1892 г.



мотоциклетном моторах, все отчаяннее стрекотавших на дорогах Европы и Америки.

Однако каждый шаг в истории имеет чаще всего свою предысторию. И тут случаются порой вещи совершенно непредвиденные.

«Находясь в заключении, за несколько дней до своей смерти, я пишу этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении. Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными-специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству; я спокойно встречу тогда смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью». Так писал двадцатисемилетний народоволец Николай Иванович Кибальчич 23 марта 1881 года. Он был приговорен к смертной казни за покушение на царя.

Проект Кибальчича и обстоятельная сопроводительная записка к нему пролежали в архиве жандармского управления вплоть до самой Октябрьской революции. В 1918 году профессор Н. А. Рынин писал: «Насколько мне удалось разобраться в русских и иностранных сочинениях... за Н. И. Кибальчичем должен быть установлен приоритет в идее применения реактивных двигателей к воздухоплаванию, в идее, правда, практически еще не осуществленной, но в основном правильной и дающей заманчивые перспективы в будущем, в особенности если мечтать о межпланетных сообщениях».

А Николая Кибальчича уже тридцать семь лет не было в живых. Исчез, как не жил... Трагична судьба человека, неожиданна судьба его воскресшей идеи, в основе своей предвосхитившей реактивные авиадвигатели второй половины XX века! Как отделить судьбы людей от судеб дела, которому они служат, не щадя ни сил, ни самой жизни? И надо ли отделять неотделимое?

От тьмы к свету

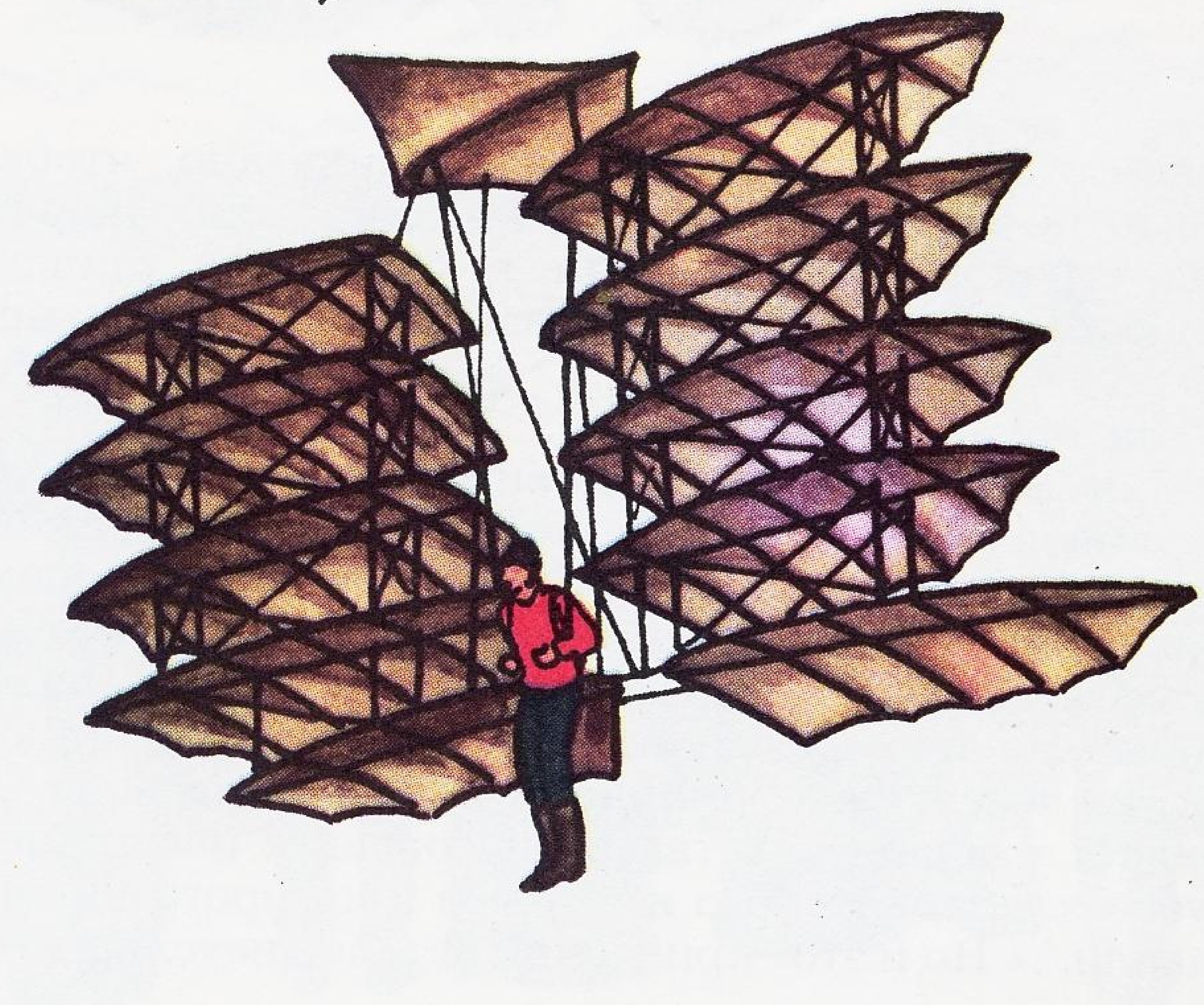
Авиация никогда и никому не давалась легко, русским людям особенно. Когда д'Арланд и Пилатр, а следом профессор Шарль совершали свои первые полеты на воздушных шарах, российский посол в Париже князь Барятинский доносил Екатерине II:

«...Вашему императорскому величеству уже не безвестно, что здесь изобретено в недавнем времени одним французом, уроженцем губернии Лангедок, провинции Виваре, города Анноне, по имени Montgolfier, поднятие на воздух великой тягости посредством дыма и что таковую же экспериенцию делает здесь в Париже один профессор физики по имени Charls, через посредство Air infolammble, и оная машина называется Machine Aerostatigue...

...Произшествие сие, всемилостивейшая государыня, столь чрезвычайное и величественное, что я вздумал, что вашему императорскому величеству угодно будет иметь на первый момент хотя эскизы сего зрелища. Я принимаю смелость всеподанейше поднесть четыре рисунка оных экспериенций...»

Но просвещенная императрица, заигрывавшая с Вольтером, кокетничавшая энциклопедизмом, от-

Планер Шанюта 1897 г.



неслась к этим донесениям Барятинского более чем равнодушно и несколько позже, как свидетельствует «Камер-фурьерский церемониальный журналист» (СПб, 1786 г.), когда речь зашла о перенесении французских опытов в Россию, изрекла: «...здесь отнюдь не занимаются подобною аэроманиею, да и всякие опыты оной яко бесполезные и ненужные у нас совершенно затруднены».

Да и как было экспериментировать, когда еще в 1784 году их величество предусмотрительно подписали указ: «В предупреждение пожарных случаев или несчастных приключений, могущих произойти от новоизобретенных воздушных шаров, наполненных горячим воздухом или жаровнями со

Биплан Лилиенталя 1894г.

всякими горючими составами, приказано, чтобы никто не дерзал пускать на воздух таких шаров под страхом уплаты пени в 25 руб. в приказ общественного презрения и взыскания возможных убытков».

Так было при Екатерине.

Минуло сто лет. Царский режим хладнокровно и тупо обломал крылья Александру Федоровичу Можайскому. Он как рыба об лед бился со своим проектом. И надо было очень постараться, чтобы исторгнуть из этого железной закалки моряка такие слова: «...доведенный до крайности, до нищеты, не имея уже приличной офицеру одежды, я просил у правительства не награды, а насущного куска хлеба, которого я не имел и которого мне не давали...» Но и этот крик души остался неуслышанным. Пронумеровали, зарегистрировали в журнале входящих, подшили в дело.

И еще четверть века прошло. Люди уже летали, вовсю щебетал «Парижский птичник», а в Государственной думе происходил такой диалог.

Депутат Маклаков (левый): В то время как все страны полетели на аэроплане, когда частная предприимчивость приняла в этой области участие, у нас что в этом отношении есть? Еще ни один человек не летает, а уже полицейские правила против употребления аэроплана изданы, уже есть надзор за этим.

Депутат Марков-второй (правый): Напрасно член Думы Маклаков возмущается, что в России никто еще не летает, а правила об авиации установлены. Что ж тут дурного? Понятно, что, прежде чем пустить людей летать, надо научить летать за ними полицейских...

И все-таки прежде полицейских первым в России полетел Михаил Никифорович Ефимов. Это произошло в Одессе 8 марта 1910 года. Вот как писал о случившемся корреспондент «Одесских новостей»: «Наши дети и внуки, для которых летание людей по воздуху будет таким же обычным делом, каким для нас является езда в трамвае, не поймут наших вчерашних восторгов. Потому что в вещах, ставших повседневными, чудес никто не замечает... На беговом поле вчера произошло нечто такое, о чем присутствующие на нем когда-нибудь будут рассказывать своим внукам. Они расскажут им, что видели своими глазами то, что еще недавно считали, сказкой из «1001 ночи», «жюльверниадой», фантазией весьма немногих мечтателей-чудаков...»

Однако нелегко и недешево дались первому авиатору России эти репортерские восторги — пусть наивные, пусть преувеличенные, но исходившие, что называется, из самого сердца.

«Нужда с детства измучила меня. Приехал во Францию. Надо мной все издевались, у меня не было ни одного франка. Я терпел, думал — полечу, оценят. Прошу Ксидиаса дать больному отцу сорок рублей — дает двадцать пять. Оборвался. Прошу аванс 200 рублей — дают 200 франков. Без денег умер отец. Без денег Ефимов поставил рекорд. Кто у нас оценит искусство? Здесь милые ученики уплатили за меня 1000 франков — спасибо им. Фарман дал 500 франков. Больно и стыдно мне, первому русскому авиатору. Получил приглашение в Аргентину. Собираюсь ехать. Заработаю — все уплачу Ксидиасу... Если контракт не будет уничтожен, не скоро увижу Россию. Прошу вас извинить меня.

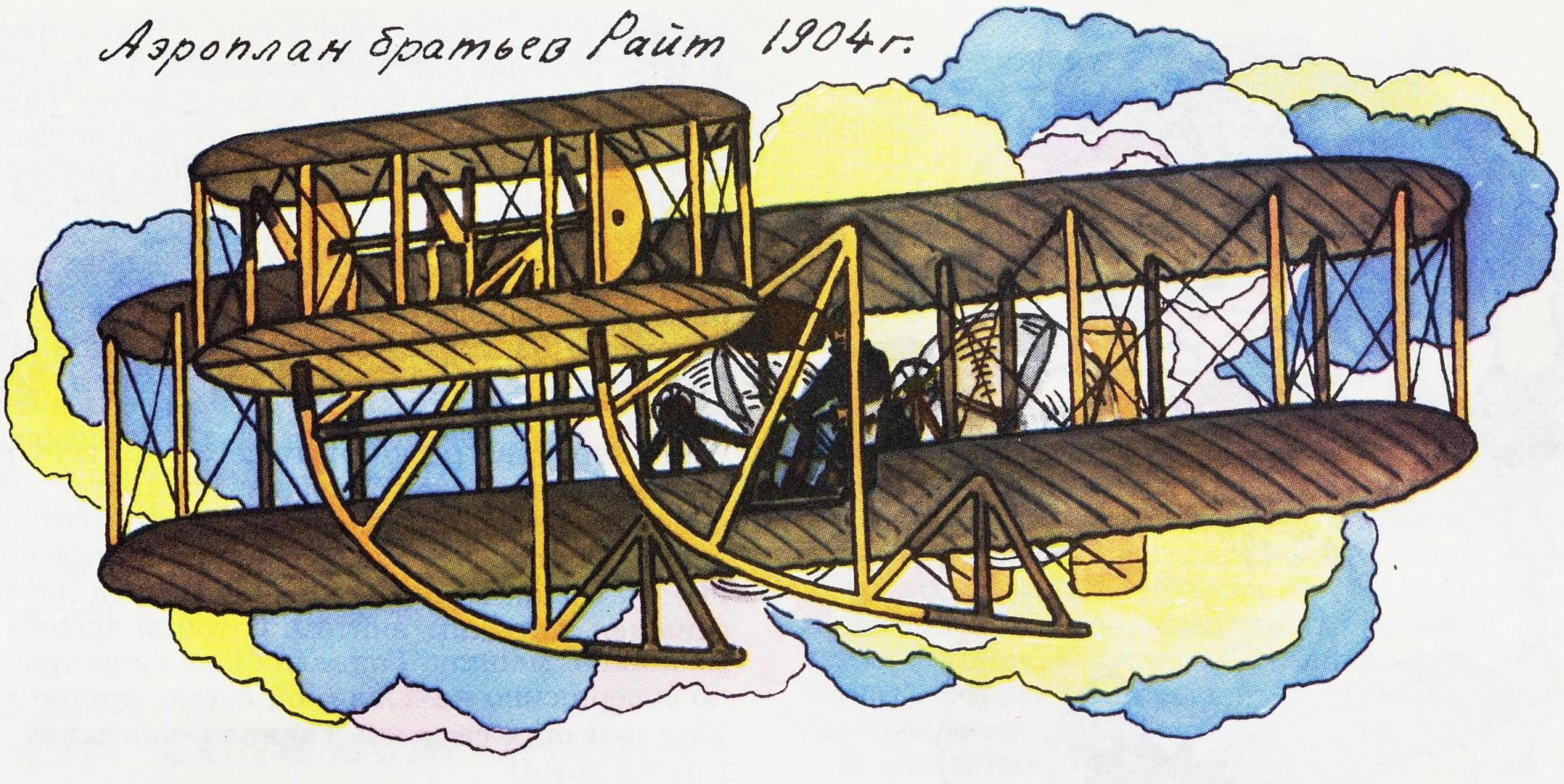
Ефимов».

Это телеграмма первого летчика России Одесскому аэроклубу. Ксидиас — деловой человек, предприниматель. Он финансировал поездку Ефимова, вынудив его подписать грабительский контракт.

Всего несколько строк, а спустя десятилетия и сегодня они больно ранят воображение: горькая моя родина, сколько раз платила ты черной неблагодарностью лучшим своим сынам! Сколько раз умилялась и раболепствовала перед чужими героями, отказывая в признании своим!

Михаил Ефимов — удивительный человек. Он выучился летать почти вприглядку и начал путь профессионального авиатора целой серией выдающихся рекордов. К счастью, он не уехал в Аргентину — выручили друзья. Он вернулся в родную Одессу и до конца служил своему талантливому, обездоленному, многострадальному народу.

Он погиб на земле. Его замучили и подло застрелили белогвардейцы. Застрелили потому, что до



последнего вздоха Ефимов остался преданным нашему новому — красному небу...

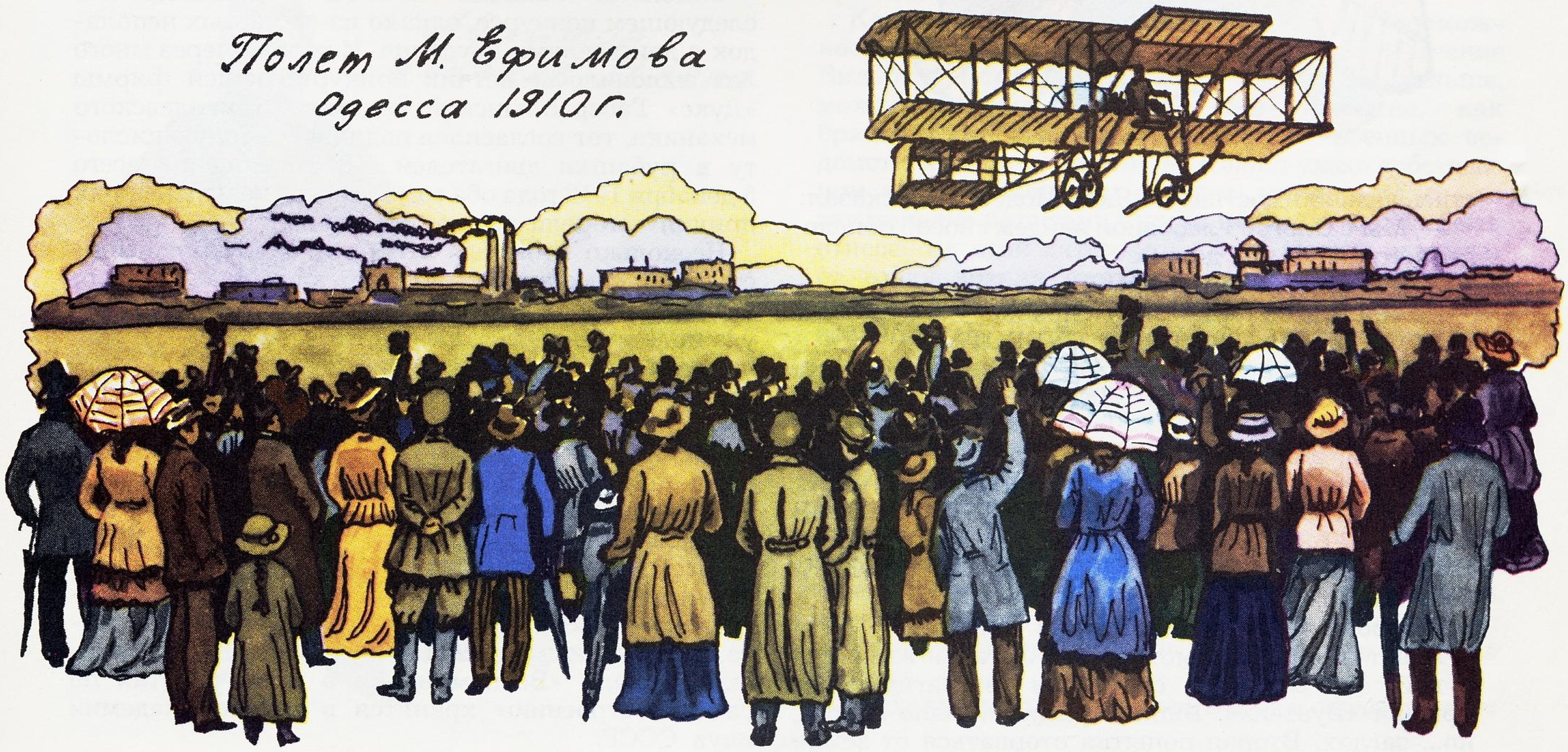
Может, видели — в газетных киосках продают маленькие черные значки с изображением старинных самолетов? «История авиации в СССР» — мелко выведено золотом по эмали. Недорогие значки — гривенник за штуку... Купите, вглядитесь в ажурные очертания древних машин и подумайте о тех, чьи имена тоже мелким золотом прописаны на эмали. Ну, хотя бы, хотя бы... «Гаккель-III», «Гаккель-VII», «Гаккель-IX»...

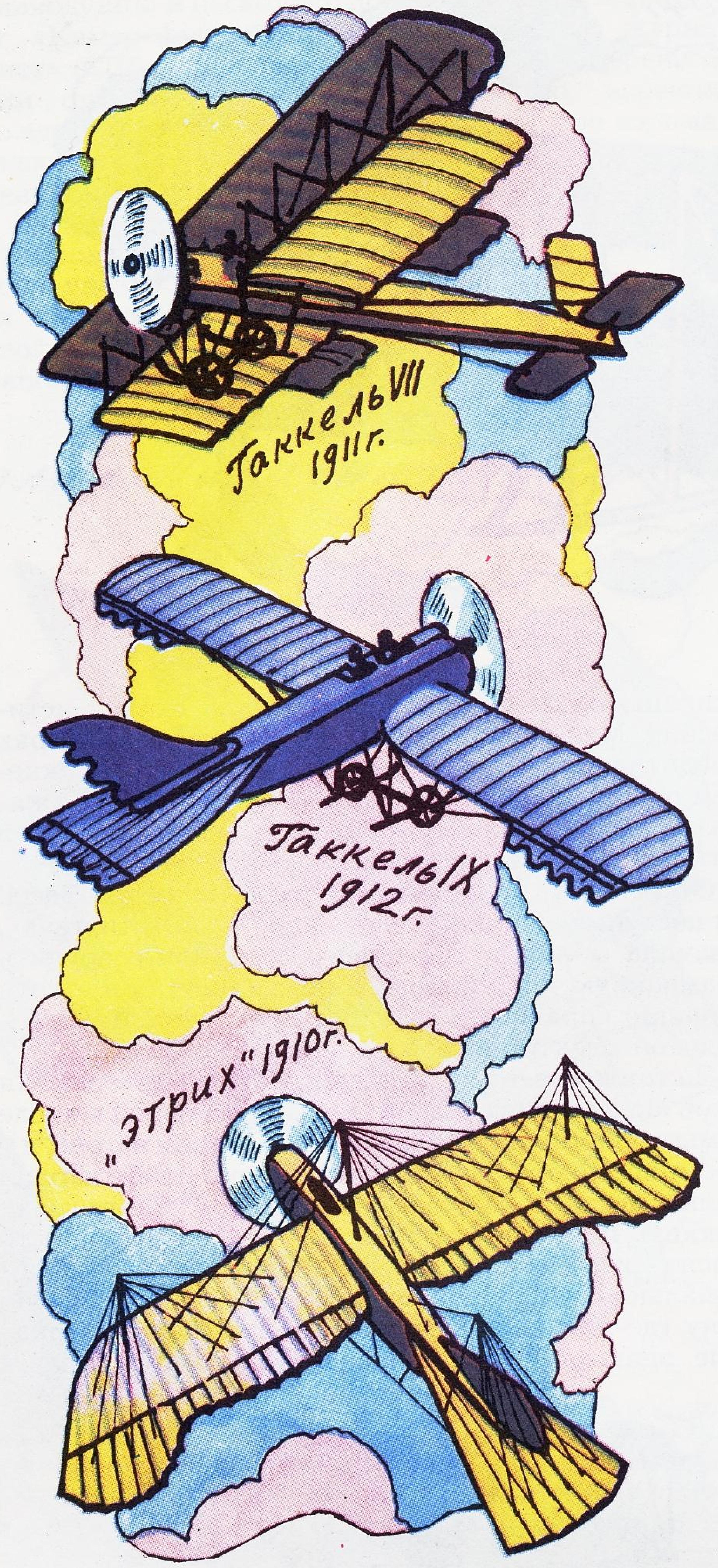
Он был франко-русско-якутских кровей, потомок наполеоновского солдата, уроженец Иркутска, студент Петербургского электротехнического института,— Яков Модестович Гаккель.

В 1896 году «подающего большие надежды» (строка из характеристики) студента последнего курса Гаккеля арестовали. Как вскоре выяснилось, институтская касса взаимопомощи оперировала не только ассигнациями Государственного банка, но успешно печатала и распространяла Коммунистический Манифест Маркса и Энгельса: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма...» С Гаккелем обошлись сравнительно милостиво: продержали полгода в тюрьме и, прежде чем отправить в пятилетнюю ссылку, дали окончить институт.

Отбыв срок, Гаккель вернулся в Петербург. Здесь он поступил в акционерное общество «Вестингауз». Сначала молодому инженеру поручили соорудить трамвайную подстанцию, а потом, когда он с этим успешно справился, проложить первую линию городской электрической дороги.

На торжественном пуске петербургского трамвая Яков Модестович с женой Ольгой Глебовной в числе самых почетных гостей ехали в головном вагоне, и у Гостиного двора оркестр Гатчинского лейб-гвардии полка играл в их честь «Славься»... За трамвай Гаккель получил от общества «Вестингауз» шесть тысяч рублей премии. Деньги по тем временам немалые — вполне хватило бы на респектабельную дачу где-нибудь на Южном берегу Крыма. Солидные знакомые рекомендовали Гаккелям обзаве-





стись недвижимостью, но Яков Модестович сказал:

— Мы с Ольгой Глебовной найдем способ понелепее истратить эти деньги.

И действительно нашли.

Но прежде историческая справка.

10 ОКТЯБРЯ 1909 ГОДА, СУББОТА.

В Гатчине на два часа дня назначены полеты французского авиатора ЛЕГАНЬЕ на биплане ВУАЗЕН.

Афиши, афиши, афиши!

Отважный ЛЕГАНЬЕ, тот САМЫЙ ЛЕГАНЬЕ, ЧТО ПОКРЫЛ В РЕЙМСЕ ДЕСЯТЬ КИЛОМЕТРОВ ЗА ДЕСЯТЬ МИНУТ, ВПЕРВЫЕ ПОДНИМЕТСЯ В ПЕТЕРБУРГСКОЕ НЕБО! СПЕШИТЕ ПРИОБРЕСТИ БИЛЕТЫ!

В городе появились портреты Леганье.

И вот затарахтел мотор. Вот Леганье взмахнул рукой, и солдаты отпустили вздрагивающие крылья «Вуазена». Биплан ринулся было вперед, но... заглох. Вторая попытка оторваться от земли закончилась тоже неудачно. Несостоявшийся взлет — явление для тех времен достаточно обыденное, не ради запоздалого зубоскальства рассказываю я здесь о невезении заезжего француза, важно другое — неудача Леганье ускорила решение Гаккеля, как «понелепее» истратить те деньги, что он получил от фирмы «Вестингаузен».

Браться за трудные дела, тяготеть к неразрешенным инженерным проблемам, рисковать было в характере Гаккеля, короче говоря, Яков Модестович принимается за постройку самолета. Дело идет быстро.

Его аэроплан резко отличается ото всех построенных до того летательных аппаратов: верхнее крыло вынесено над нижним, руль высоты расположен не спереди, как в ту пору считалось обычным, а сзади; мотор установлен перед летчиком и оснащен тянущим винтом. С точки зрения современников, машина Гаккеля была сконструирована по совершенно немыслимой схеме, другое дело, на наш взгляд: самолет Гаккеля выглядел вполне нормально!

В начале лета 1910 года на том самом Гатчинском поле, где семь месяцев назад потерпел неудачу Леганье, состоялся полет аэроплана первой русской конструкции. Факт засвидетельствовали комиссар Всероссийского императорского аэроклуба Николаев и инженер Чернов. Пилотировал самолет В. Ф. Булгаков.

И пошло! Самолет за самолетом строил Гаккель, улучшал, совершенствовал конструкцию. Кстати, на типе VI он сам — за две недели! — выучился летать.

Седьмой тип участвовал в первом конкурсе военных самолетов. По условиям машина должна была взлететь и сесть на вспаханное поле. Только «Гаккель-VII» справился с задачей. Вообще целиком программу этого конкурса выполнила единственная машина — Гаккеля. И... Главное инженерное управление под этим предлогом объявило конкурс несостоявшимся. Премию в десять тысяч рублей Гаккелю не выплатили.

Весной 1912 года Гаккель закончил постройку VIII типа. Московское общество воздухоплавания присудило машине золотую медаль.

Самолеты «Гаккель-VIII и XI» участвовали и в следующем конкурсе, однако из-за частых неполадок с двигателями неудачно. И только через много лет выяснилось: летчик конкурирующей фирмы «Дукс» Габер-Влынский подкупил гаккелевского механика, тот согласился подливать серную кислоту в рубашки двигателей... В довершение всего 5 декабря 1912 года оба самолета «от невыясненных причин» сгорели вместе с ангаром.

Несколько итоговых строчек из «Истории конструкции самолетов»: «Деятельность Я. М. Гаккеля в авиации продолжалась недолго и, несмотря на удачные технические результаты, уже в 1912 году привела его к полному разорению. Не получая заказов на свои самолеты и истратив все средства, Я. М. Гаккель вынужден был оставить работы в авиации и искать другую область применения своего незаурядного таланта. Он занялся тепловозами и электровозами и в этом деле достиг больших успехов».

Умер Яков Модестович 12 декабря 1945 года на семьдесят втором году жизни профессором Ленинградского института железнодорожного транспорта, заслуженным деятелем науки и техники... Записки Гаккеля «Воспоминания о моих работах по самолетостроению» хранятся в архиве Академии наук СССР.

Недостатка в авиационных идеях, начиная от сказочного ковра-самолета, ломоносовского геликоптера, реактивного двигателя народовольца Кибальчича, дерзких проектов аэропланов, автожиров, парашютных систем, в России никогда не было. Беда в том, что даже самые блистательные идеи десятилетиями разбивались о несокрушимые преграды государственной бюрократии, чиновничьего раболепия перед всем иноземным, о чудовищную техническую и технологическую отсталость страны...

Тем дороже должны нам быть «Гран При» Всемирной выставки в Брюсселе, присужденный в 1958 году самолету Ту-114, и золотые медали ИЛ-18, Ан-10, вертолетам МИ-4, Ка-18.

Это были первые крупные награды послевоенного времени, которых удостоились крылья Союза Советских Социалистических Республик. Первые — и тем особенно памятные.

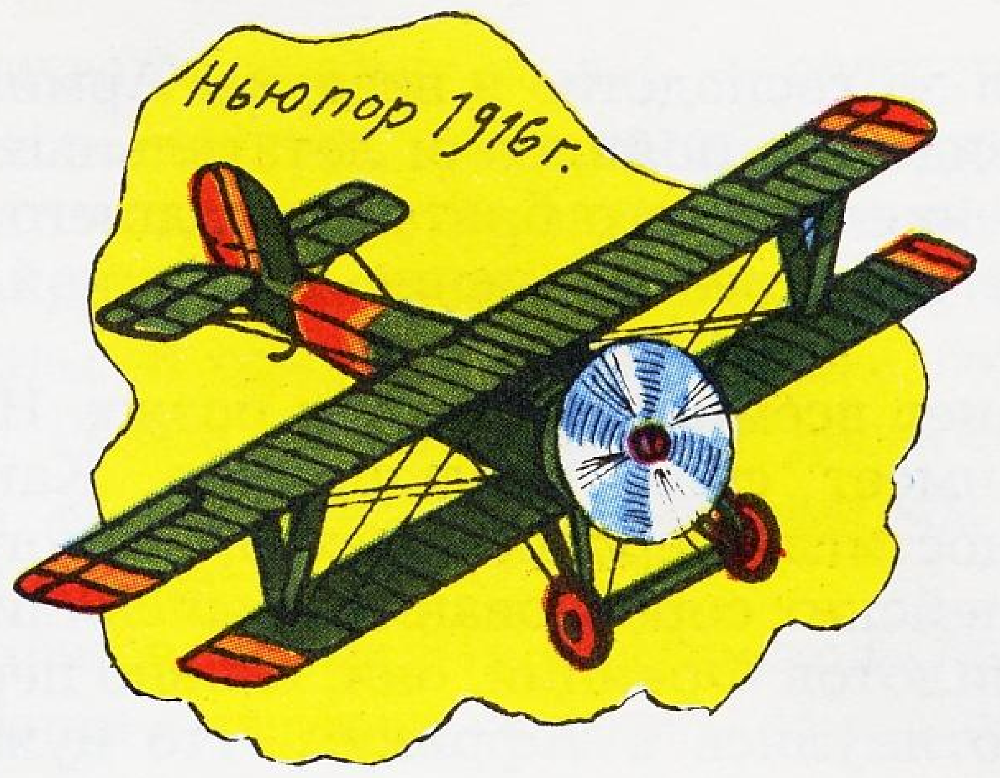
На седьмом небе

В конце 1908 года Вильбур Райт со всей категоричностью писал: «Аэроплан — военная машина, и его дальнейшее развитие связано с применением в военном деле... Будущее самолета лежит, по-моему, всецело в области применения его на войне, как боевого средства». Пока что запомним это раннее, весьма решительное заявление!

С 22 по 28 августа 1909 года состоялась «великая реймская неделя».

Реймс, небольшой старинный городок на северовостоке Франции, сделался в те дни одним из самых привлекательных населенных пунктов мира: здесь соревновались авиаторы. Вчерашние инженеры, вело- и автогонщики, художники, механики — кого только не привлекла к себе авиация! — устанавливали в Реймсе и тут же сокрушали все новые и новые рекорды. Крылатые представители человечества, избалованные вниманием толпы, рвались к своему седьмому небу.

Кстати, это далеко доавиационное выражение — седьмое небо — восходит к Аристотелю, который полагал, что небо состоит из семи неподвижных кристаллических сфер, несущих на себе звезды и планеты. О семи небесах упоминает и коран, якобы принесенный ангелом именно оттуда — с седьмого неба... Но как бы там ни было, а выражение это означает верх мыслимого блаженства, потолок счастья. Для авиаторов той поры счастьем было подняться выше, пролететь дальше, быстрее всех конкурентов.



В дни великой реймской недели не одному авиатору удалось побывать на заветной высоте, хотя среднее удаление от земли не превышало потолка современного «Седьмого неба» — известного столичного ресторана, расположенного на верхотуре московской телебашни.

Перечислять рекорды семидесятипятилетней давности, пожалуй, нет смысла, и не потому, что людям космического века они покажутся смехотворно незначительными,— жили те рекорды, держались иногда день, а порой всего час...

Но вот на что хочется обратить внимание: на полетах присутствовал капитан Королевского флота Великобритании, самый популярный герой Англии, полярный исследователь, которому суждено было тремя годами позже проиграть битву за Южный полюс великому норвежцу Руалу Амундсену,— Роберт Скотт.

«Скотт послал в адмиралтейство,— сообщает его биограф,— тщательно обдуманный отчет о соревнованиях, в котором разобрал достоинства самолетов и коснулся перспектив их применения. В архиве флота это, вероятно, наиболее ранний документ, излагавший точку зрения морского офицера на практические возможности авиации».

Какие же это были, по мнению Скотта, возможности? В первую очередь военные. И если мнение Вильбура Райта, высказанное несколько раньше, можно считать пристрастным — известно, как братья Райт добивались заказа от военных ведомств Франции, России, не говоря уже о собственном их американском военном министерстве,— то заключение капитана Скотта никак не может быть отнесено к этой категории. Отчет Скотта выражает точку зрения стороннего наблюдателя, точку зрения весьма авторитетного профессионала-военного.

В скором времени эта точка зрения получила всеобщее признание. Вот что писал, например, в журнале «Подготовка» (1910 г.) мало кому известный тогда майор итальянской службы Джулио Дуэ: «В настоящее время мы вполне сознаем значение господства на море; не менее важным будет в скором времени завоевание господства в воздухе, так как, только обладая господством в воздухе — и только тогда,— мы сможем использовать преимущества, вкратце выраженные во фразе: «Сверху хорошо видно и удобно наносить удары...»

Следовательно, в будущем будут с ожесточением

сражаться за господство в воздухе. Армия и флот должны видеть в появлении летательных аппаратов рождение третьего брата — младшего, но имеющего не меньшее значение в великой военной семье».

Дуэ станет всемирно известен позже. Но всякая история имеет свою предысторию. Как только авиация достигла первых успехов, в многочисленных европейских соревнованиях выяснились имена лучших пилотов Франции, они, словно перелетные птицы, потянулись в Африку... Что нужно было Ведрину, Докуру, Пурпуру и многим другим пилотам в Каире, Порт-Саиде, в Галлиполии?

Чтобы господствовать в Африке, колониальная держава Франция вынуждена была держать постоянную боевую готовность, вести разведку. Так, не став еще родом войск, авиация уже вступила на военную службу. Младенчество воздухоплавания чрезвычайно богато занимательными приключениями, красочными, порой фантастическими событиями — геройскими, рыцарскими, анекдотическими. Интереснее, однако, другое — что же из опыта предшественников послужило главным уроком авиаторам более поздней поры? Ответ: высота дает армии совершенно новую точку зрения! И не только на поле боя.

Опыт французских военных маневров 1912 года убедил самых больших скептиков: боевой самолет недалекого будущего станет глазами армии — разведчиком и артиллерийским корректировщиком. Ведь уже был испытан фотоаппарат системы Лебо. И капитан производил безукоризненно точную съемку артиллерийских позиций с высоты 1000 метров. Ведь полковник русской службы Сокольцев сконструировал уже специальную авиационную радиотелеграфную установку и провел связь воздух — земля с борта самолета, пилотируемого летчиком Панкратьевым...

И очень скоро на страницах многих газет замелькали объявления: «**Международная компания «Авиатор» приглашает летчиков, имеющих диплом, отправляться на театр военных действий в Триполитанию. Контракт на 4 месяца. Аванс 500 франков. Плата 6000 франков в месяц со своим аппаратом».** Летчиков, как говорится, днем с огнем искали, и это неудивительно. Регулярное, организованное обучение только-только зарождалось, и требования, предъявляемые кандидатам, были непомерно высоки. Старейший русский авиатор Иван Григорьевич Чучин, обучавшийся в Англии, вспоминает: «Из ста кандидатов шестьдесят сразу же отсеялись, исчезли, нет их... и только двадцать два были впоследствии направлены в высшую школу пилотажа, окончили ее лишь пять». 5 из 100!

Война между Италией и Турцией стала печальной реальностью, в этом столкновении сторон боевые действия впервые были перенесены в третье измерение, захватили и небо!

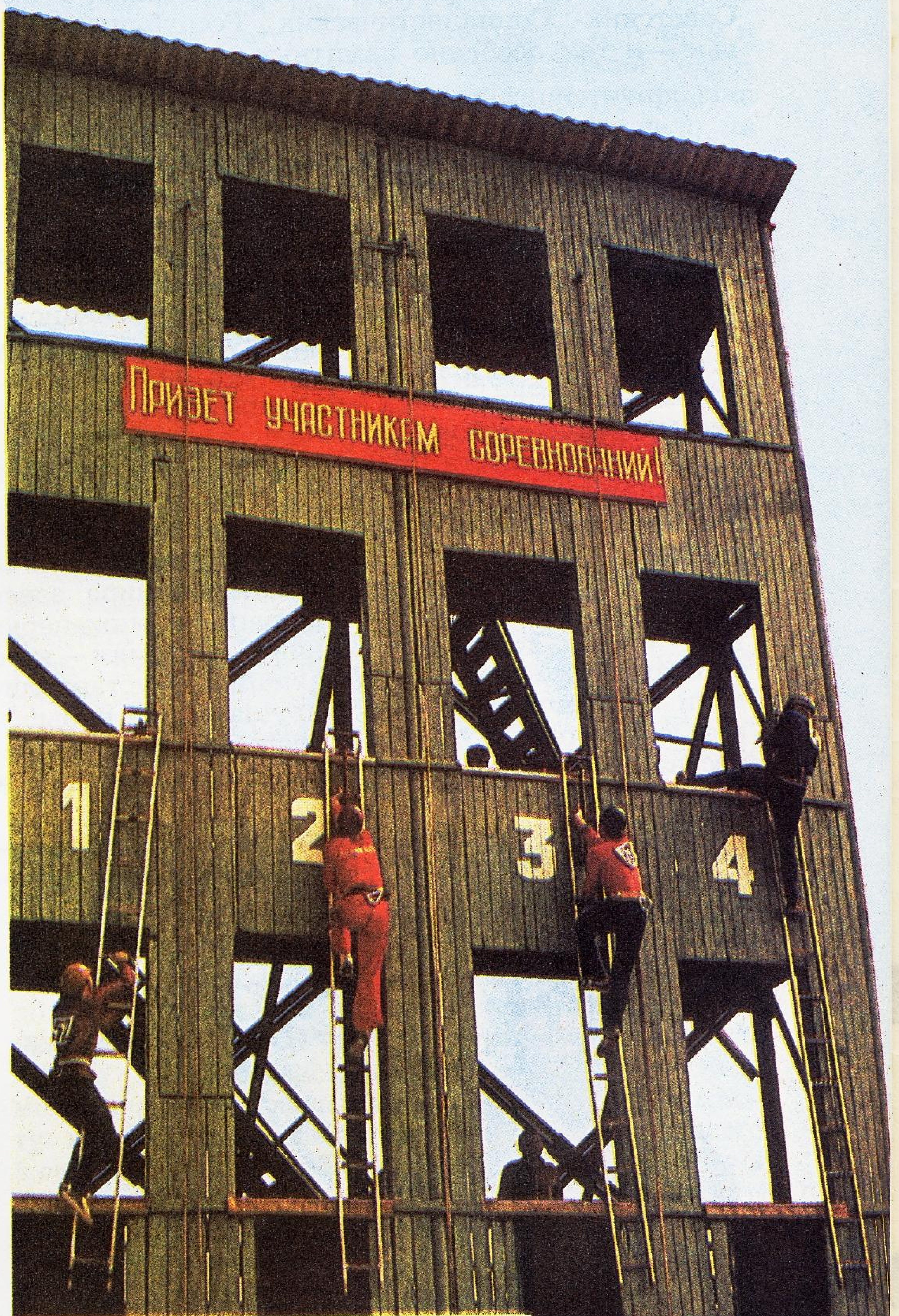
Отныне седьмое небо утратило голубой мирный цвет, авиационные рекорды отступили на второй план, предпочтение отдавалось боевым успехам.

Морской министр Великобритании Уинстон Черчилль говорил: «Мир будет обеспечен только в том случае, если мы увеличим как нашу морскую, так и сухопутную авиацию до такой пропорции по отношению к другим странам, чтобы господствовать в воздухе так же, как и на море...»

Какие до странности знакомые слова, увы...

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ВДРУГ ПРОЗВУЧИТ ТРЕВОГА...



Вы знаете, за сколько минут пожарная машина извергает две тонны воды?

Не знаете? За пять минут!

А как удержать шланг, рвущийся из рук под напором воды?

Через шланг надо перекинуть ремень и надеть его на шею, будто это ремень от гитары.

Впрочем, всем это знать не обязательно. А вот как предупредить пожар в городе или в сельском доме, как загасить огонь, если уж он возник, как наложить повязку на обожженную кожу, сделать искусственное дыхание или вынести пострадавшего человека, когда под руками и носилок-то нет, неплохо бы знать каждому. А если не каждому, так многим. Потому во всех городах у профессиональных пожарных много добровольных помощников — взрослых и детей.

Представьте, что мы в Тбилиси, во Дворце пионеров. Здесь в дружине юных пожарных занимаются мальчики из разных школ города, есть и пятиклассники, есть и девятиклассники. Руководит дружиной Владимир Владимирович Семенов.

Мальчишки считают Диониса Попунидиса везучим. Ему, семикласснику из школы № 162, уже дважды довелось тушить пожары. Загорелся дом на его улице. Пока вызывали пожарных, Дионис вместе со взрослыми выносил из дома вещи, таскал от колонки воду, сбрасывал доски с крыши... Хорошо, что к этому времени он уже многому научился в боевой дружине, поэтому действовал быстро и толково. А в другой раз Дионис со своим другом Владимиром Пышновым, тоже семиклассником и членом дружины, тушил пожар в лесу. Улица, где они живут, упирается в гору. Выше, на горе, начинается лес. Дети там развели костер и беззаботно ушли, не затушив огонь. Сначала загорелась сухая трава, потом кусты вокруг... Еле сбили мальчишки пламя.

После окончания школы Дионис мечтает поехать в Харьков поступать в пожарно-техническое училище. Уже несколько ребят из их дружины окончили училище в Харькове и стали профессиональными пожарными.

Как бы ни был страшен огонь — все пожирающая стихия, каждый мальчишка в дружине мечтает его укротить, геройски проявить себя в борьбе с огнем. Видно, таков уж характер мужчин: хотят они покорять и завоевывать природу, преодолевать себя, даже рисковать собственной жизнью, но всюду выходить победителями. Есть у них эта потребность — побеждать. Выпадет случай мальчишкам сразиться с огнем или нет — неизвестно. А пока их главная забота — предупредить пожар, сделать все, чтобы этого бедствия не случилось. Забота неромантичная, кому-то покажется — скучная, а на деле очень-очень важная.

Испокон веков случались пожары. Вспыхивали дома и амбары от лучин и свечей, керосина и плохо прочищенной печи... А сейчас жди беды от оголенных электропроводов, неисправного телевизора, баллона газовой плитки... Поэтому юные пожарные часто приезжают на предприятия города, в школы, объясняют, в каких случаях может возникнуть пожар. Приезжают на собственной пожарной машине. Валера Андреев, девятиклассник, командир отделения, показал мне ее. Стоит алая громадина в гараже во дворе Дворца пионеров...

В школах юные пожарные объясняют ребятам, как бороться с огнем в помещении, как пользоваться огнетушителями, баграми, пожарными топориками... Члены пожарной дружины не только по рассказам взрослых знают, как надо тушить пожары. В соседней военизированной пожарной части у них бывают настоящие учения. На специальной площадке поджигаются старые ящики, а подростки в касках, в «боевках» — куртках, ткань которых не горит, а только тлеет, учатся заливать огонь за считанные минуты.

В своих школах дружинники проверили электропроводку, чердаки и подвалы. В одной школе на чердаке лежали стройматериалы. Ребята сказали об этом директору и завхозу. И в тот же день вместе со взрослыми краски и доски с чердака убрали.

Саша Мамасахлисов, ученик 8-го класса школы № 134, рассказал, как летом их дружину попросили помочь взрослым: проверять искрогасители у комбайнов и тракторов.

— Думаете, легко каждое утро вставать с солнышком, до того, как машины выходят на поля, — говорит Саша, — и у всех проверить, не летят ли искры при включении двигателя? А то может поле загореться.

Пожарный — профессия мужчины. Чтобы бороться с огнем, нужны сила, решительность, ловкость, храбрость... Пожарный карабкается по балкам и крыше дома, тащит тяжелые лестницы, шланги и ведра с водой, с вертолета спускается в горящий лес... Но в дружине юных пожарных всегда найдется дело и... девочкам.

В Телетской средней школе Гардабанского района Грузии Эка Лешкашели и Ирина Эдишерашвили проводят занятия в детском саду с малышами. Объясняют, что опасно играть со спичками, поджигать ради игры бумагу или без взрослых зажигать газовую плиту.

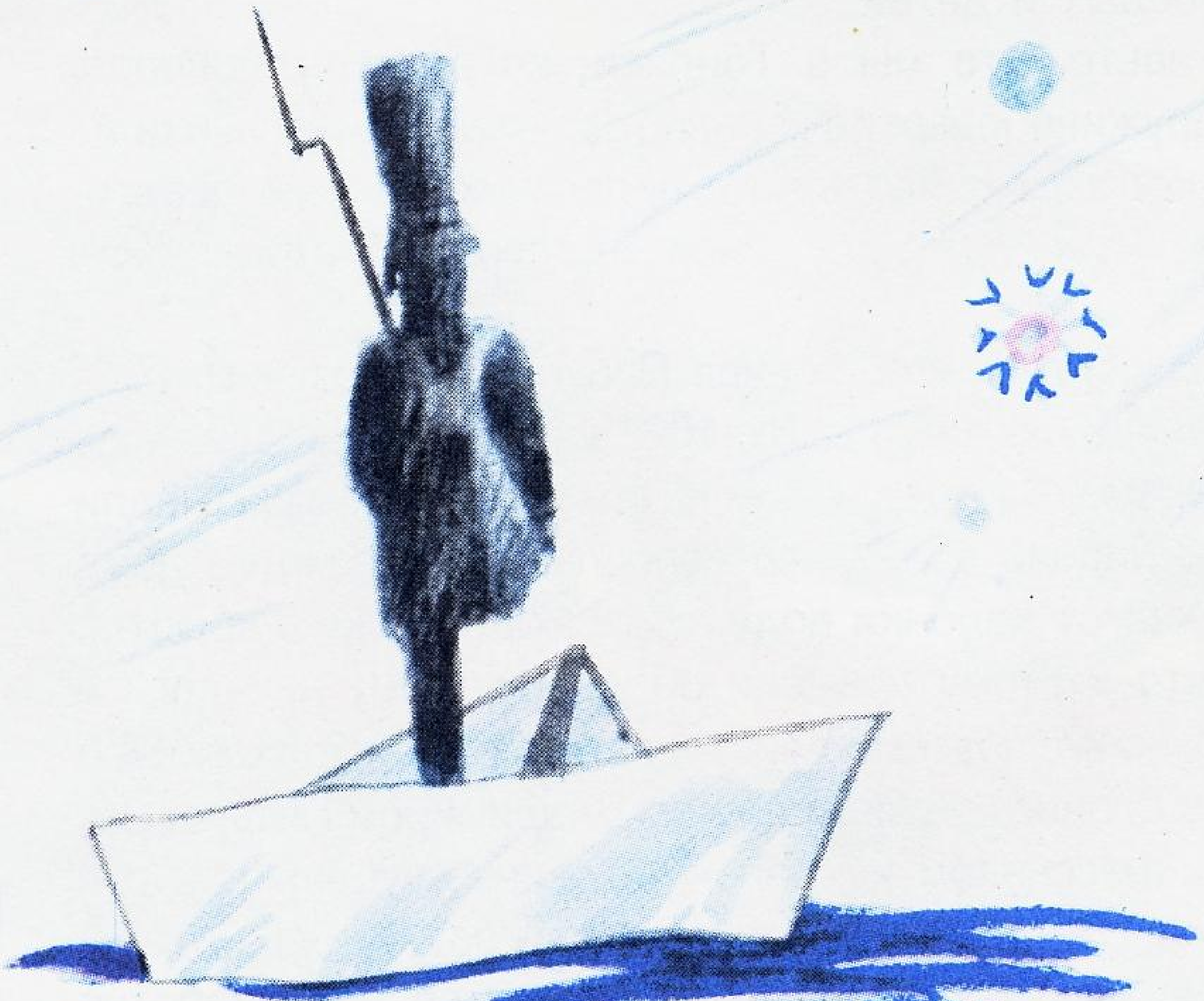
В каждой грузинской деревне держат скот. Значит, жители заготавливают сено и солому на зиму. Девочки ходят по дворам и напоминают односельчанам, как хранить сено, чтобы оно не загорелось. Пожар может случиться, если телевизор стоит в нише и накрыт тканью. Если газовый баллон от плитки плохо закреплен или газ из него утекает. Если под плиткой нет асбестовой подставки...

В жизни пожарного, кроме каждодневной заботы, как бы по беспечности людей где-то не возник огонь, постоянное ожидание: вдруг прозвучит тревога и тогда — бежать, прыгать, за секунды взбираться на крыши... Поэтому пожарный должен постоянно заниматься спортом, быть физически подготовленным человеком. Как эти ребята, которых вы видите на фотографиях. В «Артеке» и в городе Невинномысске они участвуют в состязаниях по пожарно-прикладным видам спорта.

М. МАТВЕЕВА.

Фотографии А. КОНДРАТЬЕВА.

Смешной Мечтатель



— Вы глупый юноша, из вас не выйдет ничего путного! Вы собираетесь заняться бумагомаранием, но никто не будет читать ваших писаний. Их будут скупать на макулатуру. О, вы еще поплачете, верзила вы эдакий! — сказал ему однажды учитель.

Действительно, длинный, нескладный — ему в ту пору было уже семнадцать лет — сын сапожника выглядел среди гимназистов-второклассников нелепо. И все-таки учитель ошибался в нем.

Сердитого учителя звали Симон Мейслинг. Кто теперь помнит это имя? А ученика — Ханс Кристиан Андерсен. Надо ли говорить, что его знают и любят дети всего света! Да и взрослые тоже. Сказки-то любят не только дети.

Найди на карте Данию. Острова, островки, узкие, бурные проливы, скалистые фиорды — далекий се-

Моя любимая собака

Мне было тринадцать лет, когда мама принесла из библиотеки новую, но основательно зачитанную «Роман-газету»: «Прочитай, ты ведь любишь собак». Так в моей жизни появился Бим. Самая любимая собака. Обаятельный белый сеттер нестандартного окраса стал чуть ли не ближе «всамделишных» четвероногих друзей.

Несмышленыш-щенок гонял бабочек в лесу. Молодой пес проходил охотничью науку. Потом грубую науку жестокости, преподанную ему злыми людьми.

Я не заметила, как настали сумерки, в комнату вошел вечер... Страницы перелистывались будто сами собой. Бим рос и менялся на моих глазах. Не книга читалась, но проходила жизнь. Судьба пса, в

верный край, о котором с такой нежностью Ханс Кристиан написал однажды: «Между Балтийским и Северным морями лежит старое лебединое гнездо, и зовется оно Дания...» Там, в городе Оденсе, 2 апреля 1805 года и родился великий сказочник. Но тогда, конечно, никто и не подозревал, кем станет этот смешной мечтатель из бедного квартала.

Здесь в деревянных башмаках
Я бегал в школу бедняков,—

вспомнит он в одном из своих стихотворений.

Деревянные башмаки, самодельные игрушки, картонный кукольный театр, старые театральные афиши — маленький Ханс Кристиан дружил с городским расклейщиком афиш. Билет в театр не по карману сыну сапожника, и вот мальчишка приносит домой афишу, забирается в уголок и сам сочиняет представление. В этот миг он принц, он отважный рыцарь, он выходит на бой с несправедливостью и жестокостью всего мира и побеждает. И пусть над ним смеются, пусть косятся на его заплатки, пусть толкуют, что он несносный фантазер. О, он вырастет, он им докажет, что быть фантазером вовсе не смешно. Помните сказку о гадком утенке, которого все презирали и обижали? Все находили, что он смешон и безобразен, но вот он вырос и превратился в прекрасную белую птицу... Что же вы теперь не смеетесь, куры и утки? А вы, господин индюк, вы по-прежнему считаете, что на него и смотреть-то противно?

Некоторым людям кажется, что сочинять сказки — дело простое. Ну, что тут и правда сложного: взять и напридумывать всякого такого, чего в жизни не бывает: колдунов, чертей, чудес разных... Вот тебе и пожалуйста — сказка! Но кому же она нужна, эта странная сказка? Ведь и большие, и маленькие любят читать сказки, потому что узнают в них себя.

Разве только в сказках погибают добрые и отважные, такие, как стойкий оловянный солдатик? Разве только там влюбляются так, что готовы терпеть все несчастья, даже умереть, лишь бы быть рядом, как маленькая русалочка? И разве злые ведьмы и черти из табакерки, которые только и думают, как бы навредить людям, существуют только на страницах книг? А преданность, доброта, смелость — разве этого нет в жизни?

Конечно, на самом деле не существует ледяная Снежная Королева и злобный тролль, разбивший свое кривое зеркало, осколки которого, попав человеку в сердце, делали его черствым и равнодушным. Но все остальное в этой сказке — чистая правда. Поглядите вокруг себя, и вы найдете и добрую, отважную Герду, и маленькую разбойницу, которая только притворяется злой, и милую, но избалованную принцессу, и Кая, которому все безразлично в мире. Маленькая Герда растопила своими слезами лед в сердце Кая, победила Снежную Королеву. Но разве в жизни люди не спасают друг друга, разве добро побеждает только в сказках?

Недаром Ханс Кристиан написал в своей биографии: «Моя жизнь — это прекрасная сказка, богатая событиями, благословенная. Если бы в детстве, когда я бедным мальчиком один пустился по белу свету, меня встретила могущественная фея и сказала бы мне: «Выбери себе дорогу и цель, и я в соответствии с твоими дарованиями и разумными возможностями буду охранять и направлять тебя!» — и тогда моя судьба не сложилась бы счастливее, мудрее и лучше».

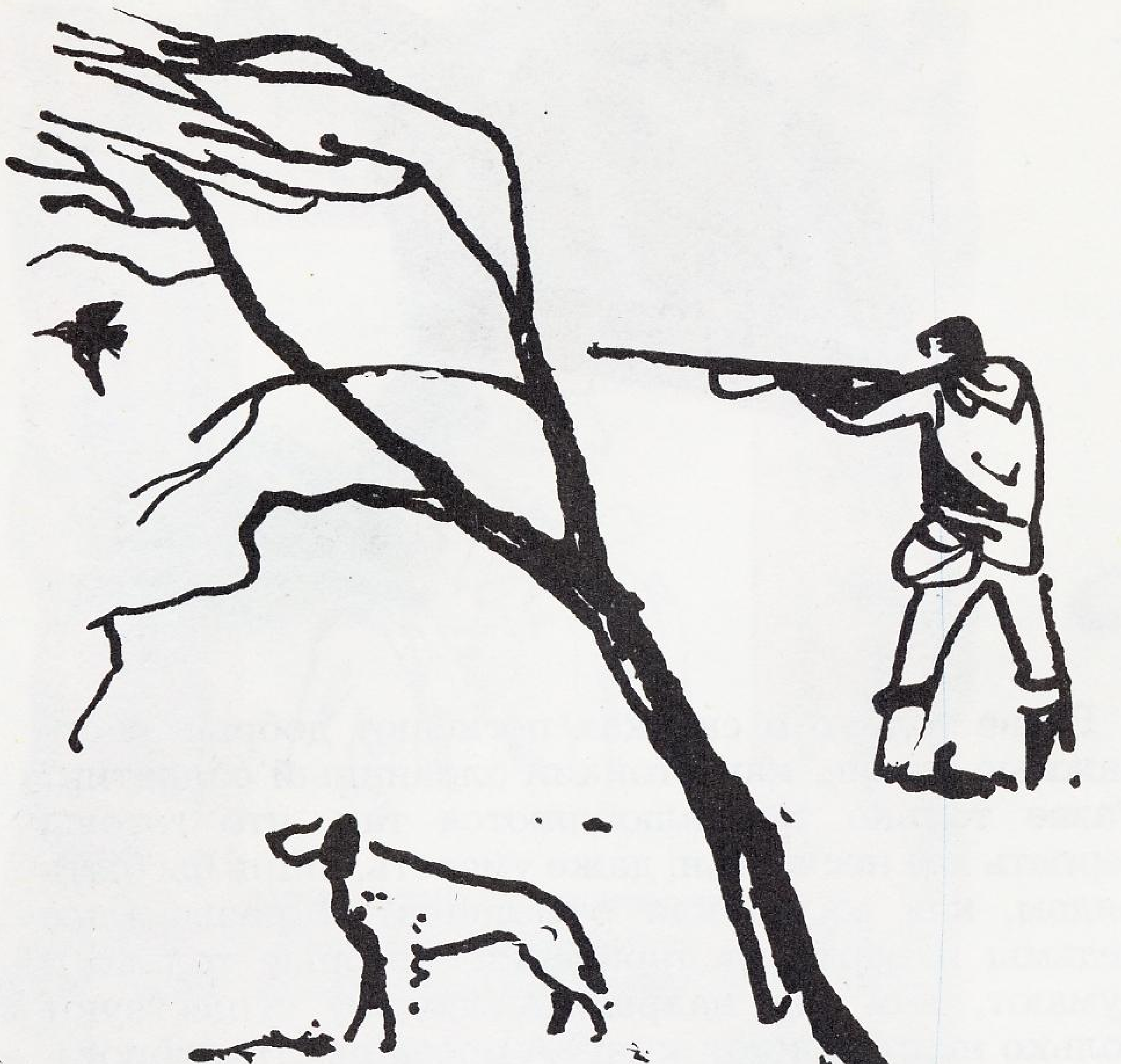
Феи существуют только в сказках. Но, к счастью, в жизни, а не только в сказках существуют добрые люди, сказочники. И они, эти мудрые фантазеры, не дожидаясь вмешательства фей, творят добро сами — всем своим сердцем, всей жизнью.

Н. СОЛОМКО

которую так хотелось вмешаться. Хотелось защитить Бима от встреч с Теткой, Климом и Серым, не отдать его в руки собаколовов, накормить его, вылечить больную лапу. Кулаки невольно сжались, я напряглась, вдавилась в стул, еще надеясь на чудо.

...Как тяжело подчас читать хорошие книги! Я дочитала последнюю главу и поняла окончательно, что изменить жизнь Бима я не смогу, чуда не произойдет. Я заплакала. И невзлюбила автора.

Последнее было глупо и несправедливо. Автор — Гавриил Николаевич Троепольский, добрый, чуткий человек,— в смерти Бима неповинен. Он тоже влюблен в замечательную собаку. И книгу свою создавал не только для того, чтобы читатели оплакивали Бима. Размышляя над книгой, мы понимаем заветную мысль автора: надо бережно относиться друг к другу и к живым существам везде и всегда. Даже в маленьких делах. Даже в повседневной суете. Иначе может случиться непоправимое. Гонять собак, дразнить кошек, улюлюкая в азарте и получая при этом удовольствие,— дело



недостойное. А использовать для личной выгоды — и вовсе последнее.

Бим, существо чистое и умное, оценивает поступки людей, чувствуя малейшую фальшь во взглядах, словах и жестах. Некоторым из них — собака — человеку! — дает уроки порядочности и верности.

Троепольский убежден сам и убеждает читателя в том, что отчужденность от природы превращает человека в расчетливого эгоиста, нередко в подлеца. Таковы Серый, собиратель собачьих жетонов, и Клим, ворюга и браконьер, выпросивший Бима на денек — поохотиться. Такова Тетка, крикливая спекулянтка и сплетница.

Но «...есть скромные люди с чистым сердцем, «незаметные» и «маленькие», но с огромной душой. Они-то и украшают жизнь, вмещая в себя все лучшее, что есть в человечестве,— доброту, простоту, доверие. Так и подснежник кажется капелькой неба на земле».

Одна из первых глав повести Троепольского посвящена весеннему лесу. Картиной ранней весны, пробуждением природы повесть и заканчивается.

В начале книги Бим живет, носится, радостный, по насыщенной весенними запахами земле. В сцене заключительной Иван Иванович, хозяин Бима, приносит в лес боль, скорбь и тяжелый груз своего одиночества. Два весенних дня — это не только границы повествования. Не просто художественный прием, означающий внешнюю законченность сюжета. Это символ непрерывности жизни, а значит, непрерывности добра на земле. Природа весной настолько тиха, что кажется, любой резкий звук может остановить рост травы и созревание почек. Мы ответственны за эту тишину...

«А была весна. И было тихо-тихо. Так тихо, будто и нет нигде никакого зла. Но... все-таки в лесу кто-то... выстрелил. Трижды выстрелил: Кто? Зачем? В кого?

...«Нет, не спокойно и в этом голубом храме с колоннами из живых дубов » — так подумал Иван Иваныч, стоя с обнаженной белой головой и подняв взор к небу. И это было похоже на весеннюю молитву.

Лес молчал».

Я давно выросла и стала совсем взрослой. Но белого Бима с черным ухом я запомнила навсегда. Чудо все-таки произошло. Бим — живой, настоящий, и можно встретиться с ним вновь.

Е. ПЛЕТНЕВА.

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА

Точно решил

Я прочел книгу «Гавани воздушного океана» Г. Панизовской. Мне она очень понравилась, и я не сомневаюсь, что все, что описано в книге, кому-то поможет в выборе профессии. Я уже точно решил, что буду летчиком. И упорно достигаю своей цели. Читаю книги о летчиках, узнаю из газет и слушаю по телевизору о достижениях и истории авиации. Но этого еще мало. Нужно хорошо учиться, и я стараюсь. А эта книга только утвердила мое решение.

Сергей Литвинов, г. Улан-Удэ.

Это была я

Я так увлеклась этой книгой, что не заметила, как прочитала ее за один только вечер. И знаете, хотя я сидела на одном месте, но казалось, что прожила всю жизнь: это я первой увидела жеребенка белой кобылы с серебристой гривой, это я иду вместе с Антонио и Джузеппе в цирк, это я спасаю Белую Гриву из пламени и уношусь вдаль с моим любимым конем, который никогда меня не покинет... Книжка французского писателя Рене Гийо «Белая Грива» просто замечательная!

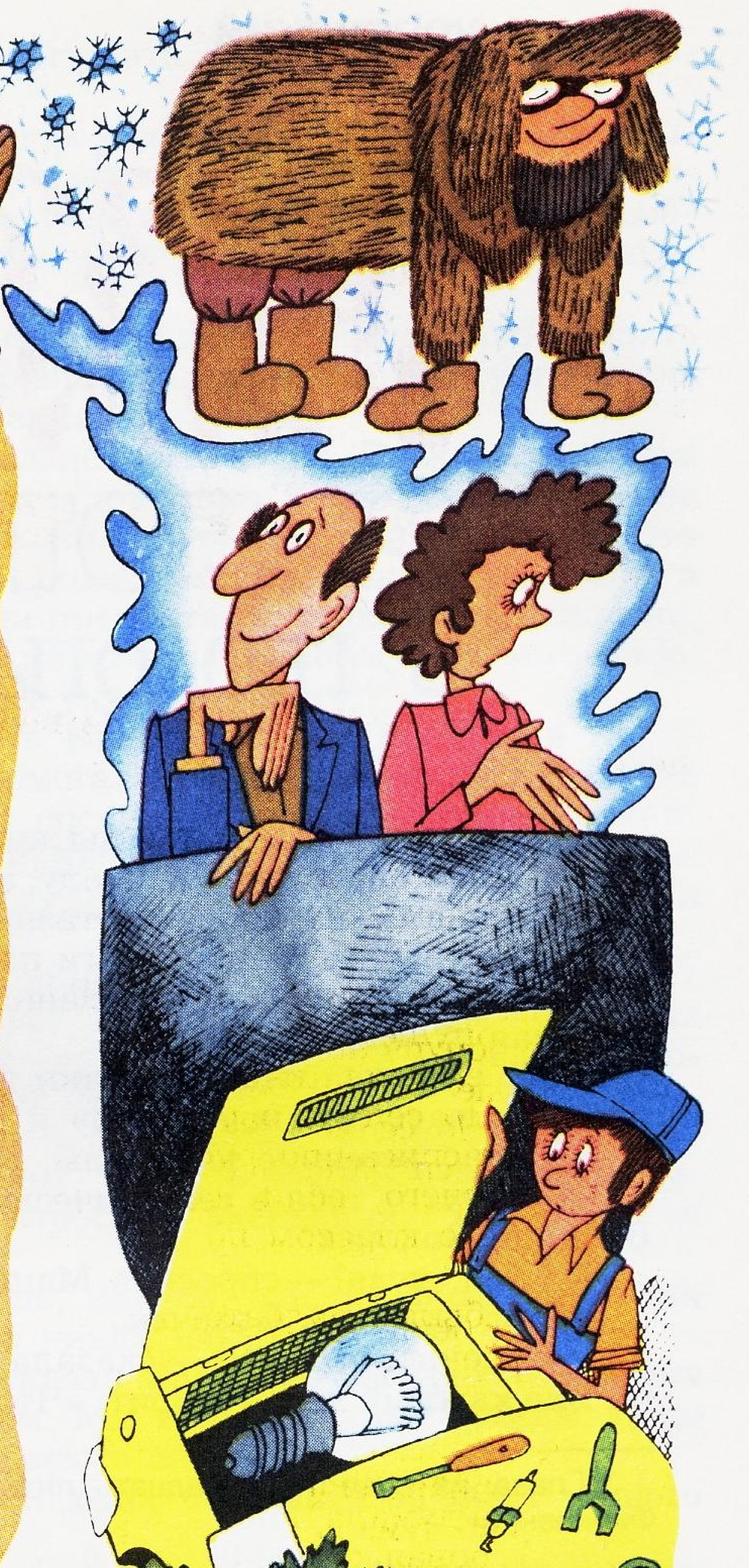
Эльмира Шаймиева, г. Казань.

Поеду и посмотрю...

Недавно увлеклась я лесными сказками «Не уходи, Аук!» Н. Надеждиной. Читала каждую главу и вдумывалась в нее. Мне очень понравились сказки! С восхищением, с восторгом я как будто перенеслась в сказочные леса. Вот слышу журчание ручейка, таинственный шепот деревьев, трель соловья. Я была в лесу совсем маленькой, но помню его красу. Леса в моем городе нет, но летом я обязательно поеду к бабушке и буду гулять по лесу, смотреть на него.

Оксана Петрова, г. Кзыл-Кия.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.



Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Составь предложение со словом «кот»!

Ученик: «А Васька слушает да ест»!

Ольга Николаева и Елена Большедворская, г. Иркутск.

* * *

Учитель: Перечисли падежи, которые ты знаешь!

Ученик: Именительный, родительный, дурительный...

Владимир Личковаха, Казахская ССР.

* * *

Учитель: Почему нельзя переносить на другую строку одну букву?

Ученик: Ей там будет скучно в одиночестве.

НА УРОКАХ ФИЗИКИ

Учитель: Какова мощность этой электрической лампочки?

Ученик: Эта лампочка мощностью в сорок...

Учитель: Сорок — чего?

Ученик: ...Лошадиных сил!!

Алевтина Грипась, Харьковская обл.

* * *

Учитель: Как читается закон Ома?

Ученик: С выражением!

Таня Гаврилова, г. Ворошиловград.

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель: Какие животные обитают в тундре?

Ученик: Песцы, куропатки и наш папа, когда ездит туда в командировку.

И. и Э. Коробовы, г. Воркута.

* * *

Учитель: Перечисли названия океанов, которые ты знаешь?

Ученик: Тихий, Атлантический и Северный Ядовитый...

Света Фомушкина, г. Куйбышев.

Из школьных сочинений

«Дедушке дали косу, и он стал сенокосителем, а мне дали грабли, и я стал сенограбителем».

«В воротах стоял мальчик под названием Петя».

«У него были белесые брови с мягкой детской улыбкой».

«Собака посидела, подумала и вместе с подошедшей девочкой громко засмеялась».

«В хижине на плите варилась похлебка. В ней сидели муж с женой».

«Рабов продавали на невольничьем рынке, причем на шее у каждого раба висела его техническая характеристика».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЕНИН.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Эдуард УСПЕНСКИЙ **Рисунки А. ДУГИНА.**

СКАЗКА О ТОМ, КАК девочка Маша РАБОТАЛА ГЕОЛОГОМ В ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ *

В одной семье у папы и мамы жила-была девочка Маша. Днем она ходила в школу, а по вечерам и по воскресеньям — на производственную практику.

За свою работу Маша деньги получала. Небольшие, но в семье они были нежданные, и от них была большая польза.

И вот руководитель практики профессор Баринов вызывает однажды Машу к себе и говорит:

— Скоро весенние каникулы. Как ты думаешь, мама отпустит тебя в геологическую экспедицию в Вышний Волочек?

— Куда, куда? — спросила Маша.

— Под Вышний Волочек.

— Конечно, отпустит,— сказала Маша.— Она сама мне каждый день говорит: «Что это ты все дома сидишь? Сходила бы куда-нибудь в научную экспедицию под Вышний Волочек».

— Если так,— сказал Баринов,— то хорошо.

Он рассказал Маше суть дела. Два года назад в Вышнем Волочке в подвале аптеки № 1 нашли ящик с минеральной водой. Рабочий, который обнаружил ящик, сразу выпил две бутылки. И с ним произошли чудеса. Он разогнулся, хотя был повышенной скрюченности. Снова стал читать газеты и книги. У одной сотрудницы аптеки, которой тоже удалось попробовать воды, сразу нормализовались отношения в семье. Перестали ссориться и ругаться по пустякам. Хотя каждому члену семьи досталось не больше чем по глотку.

Этим случаем заинтересовались ученые. Они установили, что в Вышневолоцком уезде где-то на окраине был целебный источник, тщательно скрываемый местными жителями. Вода называлась

* Глава из повести «Двадцать пять профессий Маши Филипенко».

«Монастырская-минеральная». Главное ее достоинство было в том, что она успокаивала нервных людей, снимала головные боли, смиряла самых буйных. Потом следы источника были потеряны.

И вот в наши дни уже три экспедиции были в этих краях, но источник найти не могли. Теперь готовится четвертая.

— Ты, Маша, поговори с мамой. Если она тебя отпустит, приходи, я тебя познакомлю с геологами и с материалами. С заметками из старых газет, с записями рассказов очевидцев.

Маша бегом отправилась к маме на работу, в троллейбусный парк, советоваться.

В отделе у мамы было пять столов и пять сотрудников.

У мамы был самый большой стол. Она была самая главная в отделе. Вокруг висели цветные фотографии троллейбусов. И стояли шкафы с папками и всякими квитанциями.

Все сотрудники стали спрашивать:

— Ой, это ваша дочка? Как похожа на вас! У нее точно такая же шапочка.

— Это она мою забрала,— отвечала мама.

— А куда она у вас отпрашивается?

— В экспедицию в Вышний Волочек. На каникулы.

— А что эта экспедиция делает? Нефть ищет? Фольклор собирает?

— Она целебный источник разыскивает.

— Мама, мама,— тихо спросила Маша.— Что мне профессору Баринову ответить про экспедицию?

— А то! — ответила мама.— В эти снега одну тебя я ни за что не пущу. Если еще хоть один ребенок поедет, пожалуйста!

Маша немедленно отправилась к профессору Баринову:

— Дмитрий Дмитриевич! Мама говорит, если еще хоть один ребенок поедет в эти снега, пожалуйста.

— Снег скоро сойдет,— ответил профессор Баринов.— А насчет ребенка... Я помню, у вас там в классе был один мальчик, с практическим уклоном. Он в сочинении написал, что на газонах вместо цветов надо подсолнухи разводить. А на балконах помидоры выращивать. Этот мальчик подойдет.

— Это Валера Готовкин. Он очень хозяйственный мальчик, но очень избалованный. У него дедушка генерал. Он за каждым шагом Валеры следит. Он его не отпустит.

Но профессор Баринов не согласился.

— Если дедушка над внуком трясется,— сказал он,— каждым шагом командует, все наоборот получается. Получается, что внук — главный командир в семье. Если ему экспедиция понравится, он не только сам поедет, но и дедушку с собой заберет. Понятно?

— Понятно,— сказала Маша.— Начинаем работу с внуком.

Професор Баринов дал Маше старинную газету. Она называлась «ТВЕРСКІЯ ВѢДОМОСТИ».

— Вот, Маша, познакомься с материалом. Может, тебе пригодится.

В газете была заметка «Новейшій целѣбный источникъ».

Маша стала изучать заметку. В ней было написано:

«В то время, как у нас известны только целебные воды Кавказа, на окраине Тверской губернии существует не менее целебный источник. Об этом сообщил нам «Справочный листок старорусских минеральных вод».

Как велики его целебные свойства, можно судить по истории с дочерью помещика и землеустроителя Федота Павловича Кузмичева.

С первых младенческих лет Елена Кузмичева была истерична и драчлива. Если что-нибудь было не по ее, она ложилась на пол и била ногами. Это очень огорчало родителей. Елена кидалась в слуг и гостей разными предметами: стаканами, чашками, молотками. Ей ничего не стоило укусить кого-либо.

Однажды она укусила собаку.

Ни поездки в Кисловодск, ни поездки в Карл-Штадпирс не помогали. Но как изменились девушка и ее поведение после того, как крестьяне ближайшего прихода принесли Кузмичеву целебной воды. Девушка перестала истерничать, стала спокойной и веселой».

Маша с большим удовольствием познакомилась с этим материалом. И подумала, что кое-кому в их классе неплохо бы дать этой успокаивающей, противокусательной воды.

На другой день она пришла в школу и сказала Валере Готовкину, что есть возможность в каникулы пойти во взрослую экспедицию под Вышний Волочек.

— Понимаешь, Валера, там целебный источник потерялся. Его никак найти не могут.

— А что,— сказал Валера,— мы всех тамошних ребят поднимем. Мы враз источник найдем. Надо только точное место знать.

— В том-то и дело, что никто не знает точного

Елена Кузмичева была истерична и драчлива.
Если что-нибудь было не по ее,
она ложилась на пол и била ногами.

...Но как изменилась девушка после того,
как крестьяне принесли Кузмичеву целебной воды.

места. Вот и надо экспедиции помочь. Меня мама отпускает. Только не одну, а чтобы еще кто-нибудь поехал.

Валера, как услышал про это, сразу взял Машу за руку.

— Пошли, пожалуйста, ко мне домой с дедушкой разговаривать.

Они пришли, и их сразу посадили за стол. Стол у Валериного дедушки был тяжелый и огромный. За него можно было сто человек посадить, точнее, двадцать.

Им дали картошки и хлеба, а дедушка сказал:

— Докладывайте.

Валера стал докладывать. Но как-то не по-военному, издалека. Он сказал:

— Некоторые в экспедиции ходят. А некоторые барчуками выращиваются.

— Это кто же у нас барчуками выращивается? — спросил дедушка. А бабушка с половником насторожилась. Встала по стойке «смирно». Она почувствовала, что готовится какая-то операция со стороны Валеры.

— Я у нас барчуками выращиваюсь! — сказал Валера.— У меня никаких трудностей нет.

— Я тебя запру сегодня в чулан без штанов,— сказала бабушка,— вот у тебя и будут трудности.

Валера находчивый был и практичный. Он сразу возразил:

— Если бы д'Артаньян в чулане без штанов сидел, он никогда бы д'Артаньяном не стал, а был бы каким-нибудь Ришелье или вообще миледи.

Дедушка-генерал не стал про чулан толковать. Он стал Машу расспрашивать. Кто такие эти некоторые? Что это за экспедиция? И Маша все ему подробно объяснила и рассказала. Тогда дедушка скомандовал:

— Сейчас мы к твоему профессору Баринову поедем.

Профессор Баринов был у себя в кабинете. Они с генералом поздоровались и обнялись. Оказывается, они давно друг друга знали. Они в одном классе раньше учились.

Генерал сразу сказал профессору Баринову:

— Ну, отвечай, чего ты там мудришь со своими источниками?

Баринов ответил:

— Это ты мудришь. Молодежь зажимаешь. А нам очень нужны молодые люди со свежим взглядом на жизнь.

— Понимаешь, он у нас один,— сказал генерал Готовкин.— Бабушка без него помрет.

— Не помрет,— сказал Валера.— Мы ей внучку Лариску из Саратова выпишем.

— А может, того... и бабушку... в экспедицию? — спросил генерал. — Она готовит прекрасно. И чай, и котлеты.

— У нас экспедиция, а не выездная столовая,— заметил Баринов.— На лошади она ездить может? Или костры разводить? А спать в палатке на снегу она согласится? Или, например, на сосну залезть сумеет?

Как только профессор заговорил про все это, генерал понял, теперь уж Валеру ему ни за что не удержать. Он только спросил:

— А что, от ребят много пользы бывает?

— Если бы не было, мы бы все это не затевали.

Последним шел непросыпающийся геологический сотрудник.

Не прошло и двух недель, как экспедиция отправилась.

Маша думала, что экспедиция — это собачьи упряжки, оленьи нарты, вездеходы. А ничего этого не было. Просто приехали они на железнодорожный вокзал: двое сотрудников-геологов и двое ребят. Правда, было много провожающих. Папы, мамы, жены.

Эх, хорошо в поезде ночью. Ни тебе уроков, ни хлопот. Лежишь на верхней полке и думаешь о прожитой жизни. И о будущей жизни. И не просто лежишь, а лежишь как сотрудник. И нет рядом любимой мамы и дорогой бабушки. И немного страшно, и очень интересно.

Колеса: трах-тах-тах. Трах-тах-тах!

Деловая Маша сразу заснула. Чего зря время терять? А Валера Готовкин не был избалован разными событиями. Он не спал. Он все мечтал под стук колес — вот как он пойдет в лес, вот как обнаружит там источник. И вода в источнике, вот как будет чистый пенициллин с валерьянкой.

А колеса: трах-тах-тах! Трах-тах-тах!

А потом он самородок найдет из чистого золота с бриллиантами килограммов на восемьсот.

И пещеры Валера найдет.

И неизвестную науке гору откроет.

В общем, он времени даром терять не станет. Ох, как хорошо ночью в поезде.

— Трах-тах-тах! Трах-тах-тах! У-у-у! — это наш поезд спешит.

— У-у! Хот-хат-хат! Хат-хат-харт! — это встречный промчался.

— Ба-бах! — это Валера Готовкин с лавки слетел, докрутился. Он потому крутился, что все время мечтал и твердо решил в эту ночь не спать.

В самый разгар ночи поезд прибыл на станцию Вышний Волочек. В купе вошел проводник и стал всех будить.

Маша Филипенко и один геолог, Соколов, сразу проснулись. Другой геологический сотрудник, Стороженко, не просыпаясь, взял вещи и пошел к выходу из вагона. А Валера Готовкин все брыкался и кричал:

— Бабушка, не буди меня, у нас каникулы! Бабушка, не буди меня, у нас каникулы!

Тогда проснувшийся геологический сотрудник Соколов взял его под мышку, поднял свой чемодан и тоже поспешил к выходу. Маша несла два рюкзака, свой и Валерин.

На платформе был всего один встречающий.

— Вы из экспедиции?

— Из экспедиции.

— Пошли со мной в машину. Я шофер Миша.

Он взял в каждую руку по рюкзаку и повел экспедицию через мост над путями к своему «газику».

А Валера Готовкин так и спал под мышкой у геолога. Только иногда брыкался и кричал:

— Бабушка, у нас каникулы!

За ними шла Маша и последним — непросыпающийся геологический сотрудник Стороженко. Видно, он был очень тренированный геолог.

Все уселись в теплый «газик» и поехали. Миша гнал машину шустро и бестолково. Она прыгала на всех ухабах и заезжала во все лужи. Брызги так и летели во все стороны, будто это был не «газик», а поливальная машина.

Когда они ехали по ночному Вышнему Волочку, по асфальту, это было еще ничего. Кое-кто начал даже дремать. Но вот они выехали на пригородное неглавное шоссе. Машину как бросит. Все, кто в ней был, подлетели вверх. Потом вбок. Потом начали лететь вниз, да как прыгнут снова вверх! Да как стукнутся головой в потолок!

Маша вылетела из валенок.

Валера Готовкин закричал:

— Бабушка, не бросай меня на пол! У нас каникулы!

Геолог Соколов был переброшен на место шофера. Миша проглотил окурок и потерял ориентировку. Потом он увидел, что сидит на чужом месте и вместо руля крутит фуражку, а непросыпающийся геолог проснулся и сказал:

— Узнаю вышневолоцкую землю. Сейчас начнется.

Но «сейчас» ничего не началось. Геолог Соколов вел машину ровно, как самолет. Никто больше из валенок не выскакивал и окурки не глотал.

Миша только успевал командовать:

— Сейчас будет свертка налево! А сейчас свертка направо!

Скоро фары высветили реечный забор и «Добро пожаловать» над ним. Это был пустующий пионерский лагерь, в котором разместилась база экспедиции.

Машу и Валеру отнесли в хозяйственную комнату. Положили на запасные матрасы и накрыли огромным ватным одеялом размером с футбольное поле. Под этим одеялом можно было бы разместить весь Машин класс. Если бы он, конечно, лежал мирно, как селедки. Даже заплатки на одеяле были размером с дворнический фартук.

Маша и Валера спали часов сто. А то и тысячу.

Утром Валера проснулся первым. Глаза открыл и ничего не узнает. Ни этих матрасов, ни ящиков с мылом, ни мешков с сахаром он никогда в жизни не видел. Из всего, что было вокруг, он только Машу узнал. Он ее разбудил и спрашивает:

— Маша, куда мы попали?

Маша ответила:

— Кажется, это продовольственно-одежный склад. Значит, мы приехали.

Валера стал мешки исследовать. Нашел кусок сахара, начал грызть.

— Эх, жалко,— говорит,— что здесь мешка с котлетами нет.

Тут откуда-то так вкусно запахло, что ребята сразу на запах пошли. И пришли в большую комнату, где геологи завтракали. Они были бородатые, в свитерах, такие сильные. И сидели они вокруг стола для настольного тенниса.

— Ага, молодежь пожаловала! — говорят.— Немедленно дать им каши и хлеба с маслом, полбуханки на брата.

Ребятам дали пшенной каши, почему-то в кружках, и мягкий серый хлеб. Очень вкусный.

Валера Готовкин спросил:

— А где тут можно зубы почистить и душ принять перед завтраком?

Геологи переглянулись. И самый бородатый, его звали Юра Лоза, позвал Валеру с собой на улицу. Он показал ему на мокрый лес вокруг и сказал:

— Руки помыть и зубы почистить здесь можно под каждым кустом. А душ принять можно в этой бочке для дождевой воды. Сейчас с крыш такая вода течет, мягкая, из снега, никакого мыла не надо.

В конце завтрака все пили чай из них же, кружек, из которых кашу ели. Потом Юра Лоза сказал:

— Сейчас к нам приедут представители из Вышнего Волочка. Будет совещание. Прошу всех привести себя в пристойный вид. И приходить в клуб. После совещания — сразу по машинам и по объектам. Необходимые вещи берите с собой в клуб.

Как раз прогудел гудок. Это пришла машина из

города с представителями. Юра Лоза и геологический сотрудник провели их в пинг-понговую и дали чая с хлебом и маслом.

Потом все прошли в клуб.

В клубе Юра Лоза сказал:

— Уважаемые сотрудники и представители города! Уже четвертый год подряд мы приезжаем сюда для поисков источника. Тратим государственные деньги, занимаем транспорт, отвлекаем от работы многих людей. И все безрезультатно. Но источник нужен людям. Сохранилось несколько бутылок воды с дореволюционного времени. И выяснилось, что вода из аптеки № 1 — самая целебная вода из тех, что до сих пор были известны науке. Она заживляет раны и ссадины. Сдерживает нервных. Придает силы старым. И мы все равно найдем эту воду. Выйдет несколько рабочих партий. Они будут бурить скважины, исследовать подземные потоки. Они составят карту подземных вод и выйдут в нужную точку. Только все это будет стоить больших денег. Если мы сами найдем источник, сэкономленные деньги можно будет пустить на строительство школ, детских садов, санаториев. Поэтому все внимание и все силы — на поиски целебной воды! Кто что хочет сказать?

Встал пожилой представитель городской общественности.

— Моя фамилия Коромыслов. Я работаю спецкором в «Вышневолоцкой газете». Я исходил весь район от границы до границы и ни о чем подобном не слышал. Ничего у вас не выйдет.

— Выйдет! — сказал Юра Лоза.

— Тогда ищите в районе Бологого — Лыкошина. Я там редко бывал. Там корреспондент есть Куженкин. Может, в его владениях что-то и есть.

— Хорошо,— сказал Юра Лоза.— На этот район обратим особое внимание. Кто еще хочет говорить?

Слово попросил пожиловатый, но еще молодой человек в неновой летной форме. Это был представитель гражданской авиации. Он сказал:

— Товарищи, специальный корреспондент совершенно не прав. Мы обслуживаем самолетами пожарную охрану и лесничества. Так у нас в краю этих источников видимо-невидимо. Дайте мне карту, я вам по памяти этих ключей штук десять нарисую.

Юра Лоза достал карту и позвал геологического сотрудника.

— Володя Стороженко, нанеси ключи на карту. Только будь повнимательнее. Для них с самолета все на сантиметры меряется, а нам километры шагать.

Потом Юра Лоза походил по сцене и спросил:

— Я знаю, что среди вас врачи есть. Пусть они скажут: в каком краю вашего края самые здоровые люди живут?

Главный врач района товарищ Радкин Виктор Александрович сказал:

— Здесь мы вам ничем помочь не можем. Во всех краях нашего края живут самые здоровые люди. Особенно жалуются сельские доктора. Один говорил мне: «Мои трактористы здоровее своих тракторов стали. Я уже забыл, как градусник выглядит».

— Очень печальный факт! — сказал Юра Лоза. Хотя ничего печального в этом факте не было.

Между прочим, и сам Юра Лоза был, пожалуй, поздоровее не только трактора, но и танка. Он всех поблагодарил и закрыл совещание. И геологи стали расходиться по машинам и лошадям.

Валера Готовкин с геологом Соколовым и шофером Мишей пошли в «газик» грузиться. Они в сторону Бологого — Лыкошина ехали.

Маша с геологическим сотрудником Володей Стороженко должны были на автобусе доехать до деревни Леонтьево и исследовать там два ключа, которые летчик показал. И еще сельский магазин. Чтобы купить там продуктов. Потому что они были дежурными по лагерю назначены. К десяти вечера им надо было приготовить ужин на сорок персон.

— Почему на сорок персон? — спросила Маша у Юры Лозы. — Геологов-то всего десять.

— А каждый будет есть за четверых,— успокоил ее Юра.

И всем отъезжающим Юра давал жемчужные таблетки-шарики.

— Эти шарики в целебной воде растворяются. Как только шарик растворился, нашли!

И быстро-быстро затих пионерский лагерь.

Маша и геологический сотрудник шли по весенней дороге. Здесь за городом сотрудник был совсем другой. Он и не думал спать. Глаза у него сверкали. Он во все дела встревал. И вообще был как новенький.

Маша у него спрашивала:

— А почему вы экспедицию весной устроили? Ведь летом легче.

— Летом столько травы и кустов, что ничего не видно. Зимой, пока снег, каждый ключик на виду. Вот и мерзнем.

— А как вы думаете, мы найдем ключ?

— Конечно, найдем. Я найду.

— Нет, я! — скромно сказала Маша.

Они подошли к деревне. У входа стояли два столбика с надписью «РАКИТНОЕ».

А председателевы дети на собаке катаются...

Деревня Ракитное была очень веселая. Вся-превся выкрашенная. Один дом был весь ярко-зеленый, даже едко ярко-зеленый от головы до ног. Крыша ярко-зеленая. Забор ярко-зеленый, даже каждый колышек для теленка ярко-зеленый. Даже яблони побелены ярко-зеленой краской. Другой дом был неожиданно весь фиолетовый, от первой до последней досочки. Даже почтовый ящик, висевший на дереве (кстати, на раките), был фиолетовый. Третий дом был красный, как пожарная машина. А последний дом был весь ярко-желтый, похожий на машину ГАИ.

Володя Стороженко сказал:

— Я люблю вышневолоцкие деревни за то, что они все неожиданные. Одна на другую непохожие. Все у них разное: от количества умов до количества этажей.

Посредине деревни от дороги отходила свертка. Стоял указатель: «РАКИТНЫЙ ЛАКОКРАСОЧНЫЙ КОМБИНАТ — 10 км». Тут и была автобусная остановка. И когда к ней подошел автобус, они сели и поехали в деревню Леонтьево.

Пассажиры автобуса, колхозники, все были хорошие люди с большими мешками и сумками и все между собой знакомые. Они очень радостно друг с другом здоровались, и все всё знали.

— Смотрите, вон председателевы дети на собаке катаются. Значит, телевизионный мастер из города сегодня не приезжал и все мы без кина останемся.

Геологический Володя Стороженко не выдержал и вмешался:

— Откуда, тетенька, вы про телевизионного мастера знаете? И про то, что «кина» не будет? Мало ли почему председателевы дети на собаке катаются!

— Так ведь как же, председателевых-то детей от телевизора не оторвешь. Особенно когда он хорошо кажет. Сейчас, в каникулы, целая серия идет про иностранного английского мальчика Оливера Твиста. Раз дети во дворе на собаке катаются, стало быть, телевизор не работает. Стало быть, он ничего не кажет. А не работает он потому, что у нас антенна упала коллективная. Ее молнией сбросило. Значит, антенну не подняли. Значит, мастер еще не приехал.

— Да,— сказал Володя Стороженко,— иностранный английский сыщик Шерлок Холмс просто большой ребенок перед жителями вышневолоцкой сельской местности.

Когда приехали в деревню Леонтьево, Маша как вышла на дорогу, так за дерево и схватилась. Укачало ее. Она Володе сказала:

— Сейчас мы быстро два источника исследуем, а потом в магазин пойдем?

— Нет,— отвечает Володя.— Мы сначала должны магазин исследовать, потому что его могут закрыть. А потом уж к источникам отправимся.

Они зашли в стеклянный магазин и стали его исследовать. Главным образом Володя Стороженко в своих исследованиях на консервы нажимал:

— Это что у вас, бычки в томате? Давайте нам немного, банок сорок. Чтобы они у вас тут не залеживались. А это что? Никак тушенка? Банок двадцать нам для первого раза будет достаточно. Потешим своих ребятишек. А это что? Шпроты?.. Дайте, пожалуйста, двадцать две баночки. Самые красивые.

— Вам какие? — спросила продавщица.— Итальянские или испанские?

— А нам все равно! — ответил Володя.— Мы разговаривать с ними не собираемся.

— Вы бы взяли для ваших ребятишек конфет,— посоветовала продавщица.— Побаловать их.

— Мы боимся их испортить,— ответил Володя.— Они у нас ребята без претензий. Простые, небалованные.

— Да и конфеты такие же! — сказала продавщица.— По двадцать копеек килограмм.

— Вот это да! — а́хнул Володя.— Я много чего в жизни видел, но таких чудесных конфет не встречал. Они дешевле картошки получаются. Дайте мне немедленно на целый рубль. Только заверните во что-нибудь. А то для них у нас места в рюкзаках не осталось.

Продавщица завернула конфеты в газетные кульки.

— Что же, так и пойдем, нагруженные, источники проверять? — спросила Маша.

Мальчик взвалил на себя баллон от колесного трактора и пошел дальше...

— Ни за что. Мы сейчас вещи на хранение сдадим.

— В камеру хранения?

— Конечно. В камеру хранения.

Володя зашел в ближайшую калитку и покричал:

— Хозяйка! Хозяйка!

— Чего вам?

— Уважаемая хозяйка! Можно, мы эти рюкзаки у вас до вечера полежать оставим?

— Пусть лежат хоть до весны. Что им сделается! — сердитым голосом сказала хозяйка.

— Спасибо большое. А еще скажите нам, уважаемая, где тут у вас источники целебные в колхозе имеются?

— Каки таки источники?

— С целебной водой.

— И отродясь не было. Ишь чего сказанул!

— А простые ключи у вас есть? Обычные родники?

— Простые есть. Коло пруда за коровником. И у бывалошного господского дома на горе. Только летошний год жарко было, может, они и пересохли.

Геологический Володя поблагодарил хозяйку, и они с Машей пошли налегке. Сначала к бывалошному господскому дому. Потом к коровнику за прудом. И там действительно из земли били довольно сильные струи воды. Но шарики, которые дал Юра Лоза, в воде не растворялись. Володя на всякий случай набрал немного воды в стеклянные бутылочки и сунул их в карман. А Маша еще промочила ноги.

— Все. Теперь в лагерь. Надо ужин готовить на сорок персон.

Им повезло. Очень быстро подошел автобус, и был он совсем пустой.

Ехали обратно они совсем без приключений. Только в одном месте наблюдательный Володя сказал:

— Председательские дети вон с крыши сарая в снег прыгают. Значит, антенну еще не исправили. Значит, мастер еще не приехачи. И телевизоры во всей деревне не кажут. По этому поводу меня одолевает грусть.

Он и сам не заметил, как стал разбираться во всех тонкостях не хуже, чем иностранный английский сыщик и ученый Шерлок Холмс.

Потом Маша и Володя Стороженко готовили ужин на сорок персон. А под самую ночь пришли геологи и весь этот ужин съели.

Но трех персон не было. Геолог Соколов, Валера Готовкин, шофер Миша еще не вернулись.

Геологи настолько устали, что без всяких извинений отходили от стола и укладывались спать в свои спальные мешки. Никто из них ничего не нашел, и все они были один сердитее другого.

Только у Юры Лозы хватило сил провести с самим собой и с Володей совещание. Он спросил:

— Ты сможешь еще завтра подежурить? У всех дела неоконченные.

— Подежурю,— без восторга ответил Володя.

— А будет время, доскачи до Рыбачьего поселка, где лесозавод. Там, говорят, на каком-то ключе баня построена.

— Хорошо! — сказал Володя.— Я с утра налажу Манюню посуду мыть, а сам смотаюсь. Там и продукты куплю и баню исследую.

— А Манюня выдержит?

— Выдержит. Очень крепкая девочка и толковая. Все по хозяйству умеет.

Они Манюню позвали и стали спать укладывать:

— Где тебя устроить?

— Не надо меня устраивать. Я где спала, там спать хочу. Под тем же одеялом,— ответила Маша, обиженная за Манюню и за посуду.

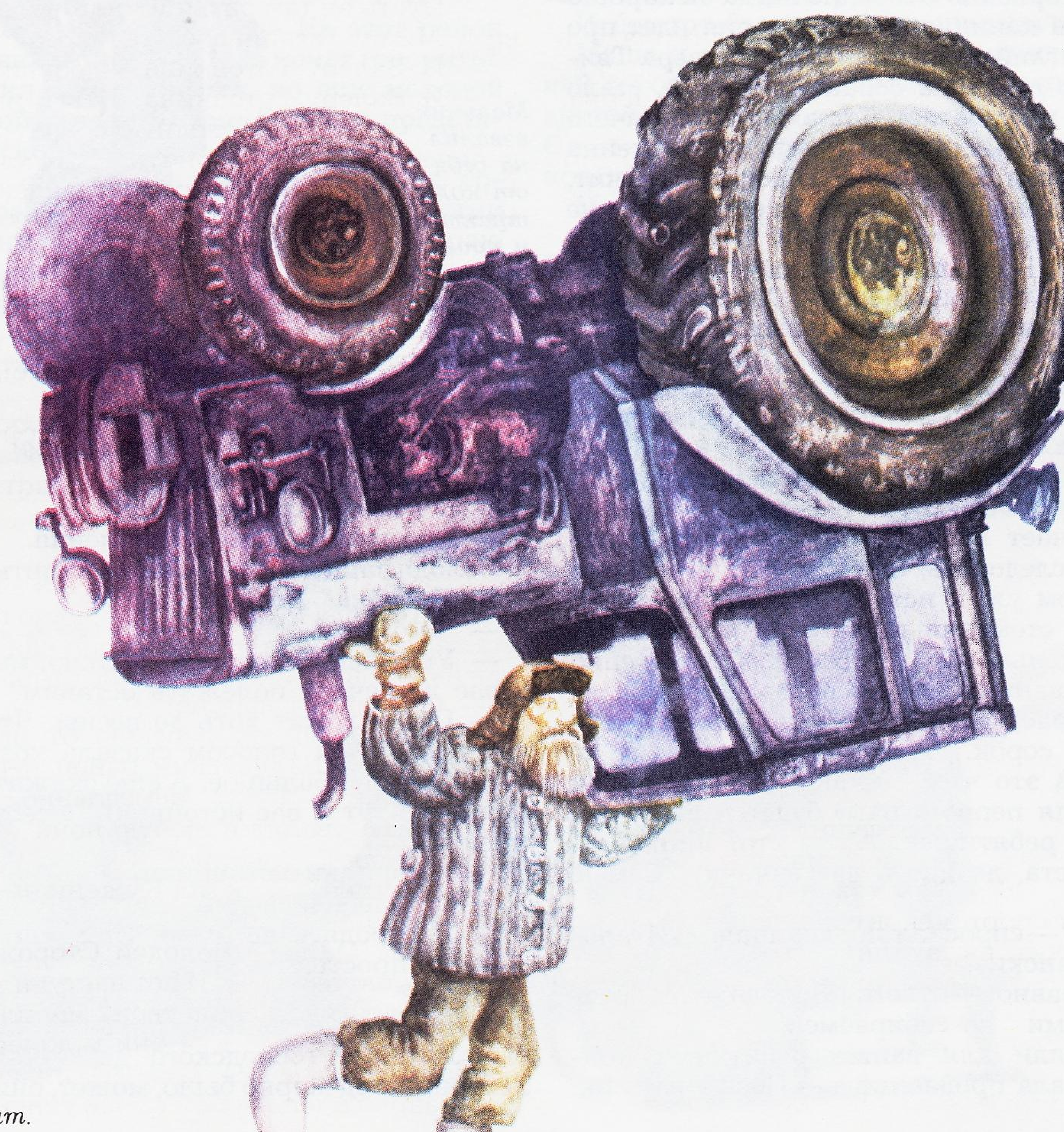
— Хорошо, иди.

Маша пошла и улеглась под своим огромным одеялом — километр на километр. Лежала и сердилась. Она ехала источники открывать, а вместо этого кружки моет. Так все источники без нее откроют. И зачем только она взяла с собой этого Валеру Готовкина! Была бы она единственным ребенком, ее бы взяли в Бологое — Лыкошино, и там бы все носились с ней. А так никто не носится.

Сердитая Маша и заснула.

Тишина окутала лагерь геологов.

Кто-то неуверенно заухал и завыл на чердаке. Потом залопотал во тьме крыльями, пытаясь навести суеверный ужас. То ли это был филин, то ли демон. То ли случайное привидение. Потом этот кто-то понял: здесь никакого ужаса не наведешь, не



А дедушка сзади идет, трактор тащит.

тот случай. И этот кто-то с чердака, медленно ворча, удалился в сторону ближайшего санатория. А может быть, в сторону кладбища.

Вот пришло утро. Маша проснулась с температурой и больным горлом. В лагере царила тишина. На стене перед Машиной постелью была прибита огромная записка, написанная второпях и, кажется, кисточкой для бритья:

«Маша, завтрак на столе, посуда под столом. Не скучай!»

Другая бы девочка сильно обиделась. Но Маша Филипенко была не из таких. Она обиделась немножко.

Маша протопила печку-буржуйку. Это было нетрудно, потому что дрова были поколоты и сложены рядом. На печке она разогрела завтрак и поставила греться ведро воды, чтобы посуду мыть.

Маша мыла посуду и читала газеты, в которые были конфеты завернуты. Сначала заголовки. Потом заметки.

«НА ПОЛЯХ РАЙОНА».

«СООБЩЕНИЕ ТАСС, ПОЛЬ РОБСОН ПРИЕХАЛ В МОСКВУ».

«НОВОСТИ ЦЕЛИННОГО КРАЯ».

«ВЫШНЕВОЛОДЦЫ СОРЕВНУЮТСЯ».

«ЛЫКОШИНЦЫ РАПОРТУЮТ».

«СЛУЧАЙ НА ГОЛУБОМ ОЗЕРЕ». Это была заметка о том, как рыбаки выловили неводом щуку невиданных размеров в два с половиной метра. Щуку сдали в горрыбторг для продажи населению, а рыбаков — в милицию для суда. Потому что ловля сетями в Голубом озере запрещена законом.

И вдруг! «ОЛИМПИАДА В ЕДРОВО!» с подзаголовком «Чемпионы уезжают в Ковровино».

Эти чемпионы сразу заинтересовали Машу. Она стала читать:

«Закончилась еще одна сельская олимпиада в райцентре Едрово. На нее съехались сельские спортсмены из четырех районных центров: Едрова, Бологого, Березайки, Выползова.

Соревнования проводились по многим видам спорта. По прыжкам в длину и высоту, по бегу на длинные и короткие дистанции. По поднятию тяжестей и по плаванию.

По всем видам спорта установлены рекорды. Многие из которых превышают рекорды СССР.

Например, спортсмен из села Ковровино Анатолий Туманов поднял штангу в двести килограммов. Что на шестьдесят килограммов превышает рекорд страны. Мало того, что он поднял ее, он прямо с помоста отнес ее и погрузил в машину. Мы уже молчим о том, что возраст у Туманова далеко не спортивный для штангиста. Ему сорок пять лет.

Его односельчанин Иван Волков первым пробежал дистанцию сорок километров. Судьи не ожидали, что он так быстро пересечет финишную ленточку, и не успели замерить его результат.

Все виды спорта, в которых требовались сила и выносливость, выиграли ковровинцы. Только в забегах на короткие дистанции 100, 200 и 400 метров победили спортсмены других деревень и сел. Они говорят:

— С этими ковровинцами лучше не встречаться. И в борьбе, и в боксе, и в перетягивании каната они всегда первые. В этом есть какая-то загадка. Или они приглашают спортсменов со стороны, или у них есть какой-то особо выдающийся тренер, который воспитал не одно поколение победителей.— Корреспондент Куженкин».

Маша все газеты прочла: нет ли еще чего про село Ковровино? Но больше ничего не было. Вымыла всю посуду и стала ждать Володю Стороженко.

Она ходила из угла в угол, как волк в зоопарке. Потом не выдержала и, несмотря на температуру, побежала навстречу по дороге. Побежала вместе с газетой.

Сидит она на остановке. Ждет Володю. Деревенские люди мимо идут и говорят между собой:

— Вон городская девчонка на остановке сидит и кого-то ждет совершенно безо всякого толка.

Маша говорит:

— Что я сижу, это видно. Что я кого-то жду, это тоже можно понять, раз я на остановке сижу. А вот как вы догадались, что я городская?

— Потому что деревенские девочки все давно знают, что двухчасовой автобус уже был в три часа, а шестичасовой раньше семи не придет. И без толку они сидеть не станут.

Маша спросила:

— А что станут делать деревенские девочки?

— Они пойдут на край деревни и будут знать, что их жданец на попутной машине приедет.

Маша так и сделала. Пошла на край деревни. И как раз попутный трактор приехал, а на нем Володя Стороженко с продуктами. Маша сразу закричала:

— Володя, Володя! Прочти, что в этой газете написано.

Володя быстро нашел спортивную заметку и сразу понял, в чем дело. Он сказал:

— Поедем скорее в лагерь. Будем в Бологое звонить.

— Кому?

— Собкору Куженкину. Помнишь, корреспондент из города про него говорил. И про тот край. И еще наш Юра Лоза сказал, что на него надо особое внимание обратить.

— Помню.

— Пусть он там разыщет нашего геолога Соколова и Мишу Гагарина с «газиком».

— И Валеру Готовкина,— добавила Маша.

— И Валеру Готовкина. И все им расскажет.

Они быстро добежали до лагеря и пошли в кабинет директора звонить. Их быстро соединили с Бологим. С квартирой корреспондента Куженкина. Володя Стороженко все этому Куженкину рассказал. И Куженкин все понял. Он только вчера вернулся из Выползова. Там он виделся с геологом Соколовым и шофером Мишей. Он самолично видел Валеру Готовкина и имел с ним беседу. Он даже брал у них интервью. Володя Стороженко кричал:

— Вы обязательно свяжитесь с ними, пока они никуда не тронулись. И скажите, чтобы они немедленно ехали в деревню Ковровино и исследовали там источники. Скажите, что целебная вода там. Там и только там!

— Там! Там! — согласился Куженкин на другом конце провода и области.— Я давно подозревал, что эта деревня какая-то ненормальная. Там даже дети как свинцовые, их от земли не оторвешь. Слышно?

— Слышно! Слышно!

— Да только эту деревню от нас забрали. Их давно уже в Валдайский район перевели.

— Скажите, пусть немедленно едут. И пусть оттуда нам звонят в любую ночь. Или пусть телеграммы дают. Слышно?

— Слышно,— ответил Куженкин.— Понятно! Будет сделано!

Дальше Маша с Володей Стороженко готовили еду и ждали геологов. И вот наступил вечер. Геологи стали подтягиваться на своих машинах по нескольку человек. Приходили они мокрые, сумрачные и бросались к печке. Или валились на матрасы, закутавшись в одеяла. Только главный геолог Юра

Лоза вошел свежий и легкий, как после сна. И стал у всех спрашивать, как дела. И стал ставить на карте значки и крестики.

Тут к нему подошел Володя Стороженко и протянул газету.

— Прочти, шеф.

Юра, не споря, взял и прочел заметку про спорт.

— Ничего себе! Немедленно звонить в Бологое! Ихнему собкору!

— Позвонили.

— Сказать, чтобы их отыскал.

— Сказали.

— Молодцы! — восхитился строгий Юра.— Давайте ужинать. Кто заметку нашел?

— Манюня,— ответил Володя.

— Ай да Маша! — послышались голоса.— Ай да Филипенко!

— Когда воду найдем, назовем филипенковская.

— Филипенко-кола.

— Манюнинская!

Маша даже обиделась. Юра Лоза это понял и сказал:

— Всем быстро ужинать и спать.

Все так и сделали.

А вот у Валеры Готовкина в эту ночь сон не получился. Они с геологом Соколовым и шофером Мишей остановились в деревне Студенец, недалеко от райцентра Выползово. И легли спать в избе пожилой колхозницы Частовой Татьяны Семеновны. Они легли спать прямо в одежде по разным углам под цветастые одеяла. Только легли, только заснули, сразу стук в окно.

— Эй, Частова, геологи у тебя ночуют?

— У меня.

— Их к телефону зовут. В бригадиров дом.

— Что, всех?

— Не знаю,— отвечал женский голос.— Сказали, геологов к телефону. Из города звонят.

Проснулись наши с Валерой и со всех ног пошли в бригадиров дом на другой край деревни.

Постучали. Их впустили.

Вошли — трубка лежит на табуретке.

— У аппарата! — сказал геолог Соколов.

С той стороны отвечают:

— Это корреспондент Куженкин говорит. Вам срочно надо ехать в деревню Ковровино. В Валдайский район. Источник находится там.

— А где это?

— Около райцентра Едрово.

— Почему срочно?

— Больно ждут все. Ваши товарищи звонили с Волочка. Они узнали, что источник в этой деревне.

Пока они так разговаривали, бригадировы дети и бабушки со всех сторон сверкали глазами. И с печки, и с кухни, из-за всех перегородок и из-подо всех одеял.

— Ладно. Передайте им, что мы сейчас же отправимся.

Они поблагодарили бригадира и всю глазастую семью и вышли.

Миша пошел готовить машину.

Геолог Соколов стал выяснять у трактористов дорогу. А Валера переносить вещи в машину.

Татьяна Семеновна дала им в дорогу пакет ватрушек и сказала Валере:

— Ты, когда воду лечебную найдешь, мне набери бутылочку. У меня кости по ночам стрелять начали. Так трещат, хоть из дома беги.

Геолог Соколов говорит:

— Сколько лет живу, не слышал, чтобы кости по ночам стреляли. Вы лучше кровать осмотрите. Может, это она по ночам трещит. Пересохла.

Тут Татьяна Семеновна поняла:

— Это не кровать трещит. Это линоль стреляет. Мне мой сын Лексей линоль привез из города на пол. Какой-то особый, химический. Морозоустойчивый. Для Крайнего Северу. Вот он и трещит от жары, как только печка истоплена.

Как только диагноз установили, погрузились в машину и поехали в темноте. Потихоньку, помаленьку, ехать надо было сто километров, где по проселку, где по асфальту.

Сначала машину вел Миша. Лучи света от фар метались во все стороны. Потом он устал и попросил геолога Соколова крутить баранку. Машина пошла устойчивее. Они по очереди меняли друг друга. А Валера Готовкин бессменно спал на заднем сиденье. Он был очень волевой и упорный. Даже когда он подлетал на ухабах до потолка, он все равно не просыпался. Долго ехали.

Очень долго ехали.

Вот уже стало светать. Проехали полусонное районное село Едрово, поговорили с полусонным работником ГАИ и вышли на последнюю прямую к поселку Ковровино.

Навстречу потянулись утренние тракторы, автобусы и редкие колясочные мотоциклы.

В лесу вокруг дороги были разработки леса. Туда и обратно шли просеки, отвилки, свертки. И скоро Миша Гагарин сбился с главного пути. Он метался из колеи в колею, пока не потерялся окончательно. Он не стал будить задремавшего геолога Соколова, заглушил двигатель и откинулся на сиденье назад — спать. Они спали. И спала еще вся огромная, побольше Франции, Калининская область вместе с Вышневолоцким районом.

Первым проснулся Валера Готовкин. Он раньше всех заснул. И проснулся он оттого, что какой-то мохнатый дядька ходил и хрустел утренним ледком у машины. Это был лось.

Валера погудел, побибикал, и лось умчался в лес. Все очнулись.

Солнце било со всех сторон. Из-за каждой ветки. Было тепло.

Они быстро умылись снегом. Геолог Соколов выдал каждому по творожной ватрушке из целлофанового пакета Татьяны Семеновны, и они снова помчались.

Машина упрямо выбирала километр за километром, и вот стали попадаться первые признаки поселка. Свежие следы, песок и опилки на дороге, разноразмерные собаки.

Потом им встретился мальчик. Он катил перед собой огромный баллон от трактора.

— Мальчик, мальчик, как проехать к поселку Ковровино?

— По этой дороге и езжайте,— ответил мальчик. Он взвалил на себя колесище и пошел дальше.

— Может, ты нас проводишь? — спросил геолог Соколов.

— Не-а, я не могу,— отвечал мальчик.— Я бегу на МГФ колесо вулканизировать. Тороплюсь. Сзади дедушка идет, трактор тащит. Надо к его приходу все починить. А то он рассердится. Да вам тут недалеко — пять километров всего.

Наши слегка глаза повытаращили на этого мальчика с колесом, на его дедушку и поехали дальше.

Все ближе и ближе деревня. А тут старушка по дороге идет с котомкой. Как раз в ту же сторону.

— Садись, бабуся, подвезем!

— Вот хорошо-то, милочки,— сказала старушка. И стала забираться в «газик».

Миша спрыгнул со своего кресла и помог старушке. Потом подал ей котомочку.

— Бабусь, а что у тебя в котомке-то? Не поднять. Гири, что ли, носишь с собой, гантели?

— Какие гантели, милок! Утюги несу электрические. Выбросили в сельпо. Я и взяла для себя и для соседей. Да много не могу — десять штук всего.

Она согнуто смотрела на дорогу.

— А для гантелей я стара стала. Здоровья у меня совсем нет.

— А что у вас со здоровьем, бабуся? — спросил геолог Соколов.— Почему его нет?

— И не знаю почему. Только ломит меня всю по утрам. Так и выкручивает! Так и выкручивает!

У бабушки в руках была кочерга. Она ею вместо клюки пользовалась по гололеду. И бабушка стала показывать, как ее выкручивает, на примере кочерги. Всю кочергу в узел завязала. И сказала:

— Возраст, наверное. Мне уже под восемьдесят скоро.

— Это не возраст,— возразил Миша.— Меня, бывает, тоже крутит по утрам. Хочешь распрямиться и не можешь.— Он безуспешно попытался выпрямить кочергу.— Никак не можешь! Это простудное, бабушка.

— Может, и простудное,— согласилась утюговая бабушка.— А мне и выходить уже. Спасибо вам, милочки. Дай вам бог здоровья. Вот и мой дом. Вот и весь наш поселок Ковровино. Десять домов всего.

— Бабушка, а где у вас тут можно воды набрать? — закричал с заднего сиденья Валера Готовкин.— Очень пить хочется.

— А и подожди. Я тебе сейчас молока вынесу.

— Нет, бабушка, не надо молока. Мне воды нужно, попить, умыться.

— А вы подъезжайте к пруду. Там и будет ключ. Аккурат возле часовни.

Быстро подъехали к пруду. Набрали воды. Выпили по стакану. Ничего особенного. Вода как вода.

Соколов достал блестящую горошину и бросил в стакан с водой. Пыш! — только пузырьки пошли. Горошина вмиг растворилась.

Всю кочергу бабушка в узел завязала.
И сказала: «Возраст, наверное».

— Ура! — закричал Валера Готовкин.— Где тут ближайшая почта?!

До ближайшей почты было, как всегда, километров тридцать. Они набрали канистру воды и двинулись.

Опять ухабы и перелески. Будто дорогу для чужих прокладывали, чтобы они никуда не доехали. И вот долгожданное райсело Едрово и долгожданная почта.

Наши небритые (кроме Валеры) участники экспедиции напоминали неизвестно кого. Когда они ввалились на почту, девушки подумали, что у них опять кино про войну снимают.

Геолог Соколов быстро набросал телеграмму:

«Город Вышний Волочек. Пионерский лагерь фанерного завода. Начальнику геологической экспедиции Лозе.

ИСТОЧНИК НАЙДЕН. ОБНАРУЖЕН В ПОСЕЛКЕ КОВРОВИНО. ВЕЗЕМ ПРОБУ. Соколов, Готовкин».

Через час изумленные геологи во главе с Юрой Лозой, вытаращивая глаза, читали:

«ИСТОПНИК НАЙДЕН ТЧК ОБНАРУЖЕН В ПОСЕЛКЕ С КОРОВОЮ ТЧК ВЕЗЕМ ПРОБКУ ТЧК СОКОЛОВ ГОТОВ ТЧК КИН».

А когда Миша Соколов и Валера Готовкин ушли с почты, изумленные девушки говорили:

— Это не из кино были. Это милиция была, Петровка, 38. Они истопника искали. Он, наверное, был очень опасный.

— Почему опасный? Скажи, Маруся.

— Потому что Соколов готов.

Потом было много всяких событий. И встреча в пионерлагере. И торжественный вечер с вышневолоцкой интеллигенцией. И ответы на вопросы журналистов.

А еще через день, под вечер, Миша на своем «газике» привез в Вышний Волочек на станцию готового Соколова, Валеру Готовкина и Машу Филипенко. Они уезжали в Москву. Еще провожал их и геологический Володя Стороженко. С огромным рюкзаком. Как всегда, ему было велено по дороге купить пятьсот банок консервов.

Он говорил на прощание:

— Уезжайте, ребята. Я не буду тут с вами миндальничать, слезы лить. За консервами побегу. Я стал специалистом по консервным ископаемым. Я уже давно не геолог.

Миша тоже не стал миндальничать. Он подарил Валере фонарик-жужжалку и побежал колеса подкачивать. Эх, жизнь геологическая!

В поезде геолог Соколов сказал:

— Я, ребята, тоже не геолог. В химию ухожу.

— А почему?

— Считаю, что полезные ископаемые трогать не надо. Надо их для потомков беречь. Они же не только наши. Мы должны солнечную энергию использовать, гидроэлектрическую, атомную. Сейчас много разработок в этой области.

Маша сразу решила, что попросится у профессора Баринова именно на эти разработки. Пора двинуть вперед научные изыскания в этой области.

Валера Готовкин тоже решил начать жизнь заново. Как можно скорее исправить двойку по арифметике.

В Москве Машу встречали родители. А Валеру встречали дедушка и бабушка.

— Ну как, внучек, здоров? Понравилось тебе?

— Еще как понравилось! — закричал Валера.— Мы там даже ни разу не раздевались!!!

НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ

XII·МОСКВА·1985

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ

Берлин, 28 июля — 5 августа 1973 года, X Всемирный фестиваль молодежи и студентов

Раймонда Дьен — одна из делегатов фестиваля. Это имя стало легендой с того памятного дня, когда в разгар войны французских колонизаторов против Вьетнама восемнадцатилетняя Раймонда легла на железнодорожные рельсы у города Тура и преградила путь военному эшелону с оружием и боеприпасами для колониальных войск во Вьетнаме.

* * *

Самой юной участницей фестиваля стала одиннадцатилетняя болгарская скрипачка Диана Цанкова.

* * *

31 июля. В фестивальный Берлин прилетела Анджела Дэвис. Отважную американскую коммунистку встречали в аэропорту сотни делегатов фестиваля.

* * *

Восьмилетний житель Берлина Михаэль написал письмо в Международный подготовительный комитет фестиваля. Он просил поселить у него в комнате двух делегатов фестиваля, одного из Чили, другого из Новой Зеландии. И вот почему.

«Я слышал,— писал Михаэль,— что когда в Чили встают, в Новой Зеландии уже ложатся спать. Я думаю, будет здорово, так как у меня одна только кровать...»

Гавана, 28 июля — 5 августа 1978 года, XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов

В день открытия фестиваля в гаванский порт вошло судно — точная копия легендарной «Гранмы». Его привели 20 мексиканцев. По пути к острову Свободы на борт яхты поднялись 62 делегата фестиваля из стран Латинской Америки и США.

* * *

В мероприятиях XI Всемирного фестиваля ежедневно участвуют 40 тысяч кубинских пионеров. Самый большой отряд — юных регулировщиков движения.

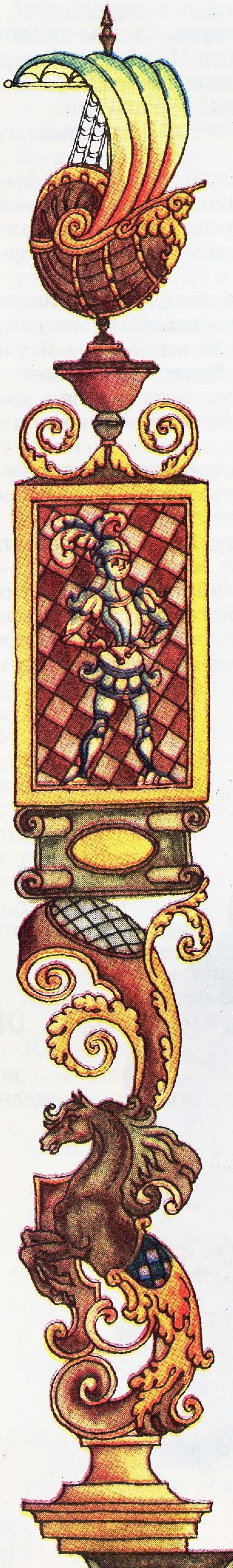
* * *

Молодые рабочие симферопольского объединения «Фотон» привезли с собой на Кубу телевизор, один из тех, что производят на этом предприятии. Это их подарок самому юному гражданину Кубы, который родился в день открытия XI фестиваля.

* * *

Франку Паису было всего 23 года, когда пуля наемных убийц оборвала его жизнь в одном из переулков Сантьяго-де-Куба. Молодой учитель Франк посвятил свою жизнь борьбе за свободу Кубы. 30 июля к мемориалу «Гранма» в Гаване пришли тысячи делегатов и гостей фестиваля, чтобы почтить память Франка Паиса, всех героев революции.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ



Кубок Гайдара

Интересные соревнования юных любителей шахмат проводит Люблинский районный Дворец пионеров имени А. П. Гайдара. В дни зимних каникул в Москву из разных городов приезжают пионерские команды, чтобы вести борьбу за приз имени замечательного писателя.

Соревнования стали традиционными. Кубок Гайдара в этом году разыгрывался уже в восьмой раз. Победу оспаривали около двухсот мальчиков и девочек.

Упорными, увлекательными были шахматные поединки. Почетный кубок завоевала команда Московского городского Дворца пионеров. Второе место заняли ленинградские ребята, третье — команда Омска.

Среди участников было немало способных и сильных шахматистов. Храбро сражался один из самых юных участников, Боря Чабрадзе. Он показал интересную боевую игру.

Боря учится в третьем классе Первомайской школы города Самтредиа (Грузинская ССР). У себя в школе он не раз был победителем различных турниров. Увлекается Боря и шахматной композицией. Один из его этюдов получил специальный приз на республиканском конкурсе, организованном спортивным обществом «Колмеурне». Попробуйте решить этот этюд.

(Диаграмма № I)

Начиная игру, белые добиваются победы. Как это им удается, хотя у черных большой материальный перевес?

Сложная борьба развернулась

в партии москвича Жени Мугермана и ленинградца Славы Тихонова.

(Диаграмма № 2)

Слава отлично провел атаку на позицию белого короля. События развивались так: 23...Кf6—g4! 24. f3:g4 Фd8—h4 25. Кph1—g1 Сc8:g4 26. Фd1—c2 Сg4—h3 27. Кe2—c3 (Угрожало 27...Фg4+, теперь на этот шах белые ответят 28. Лg2) 27...Сg7—h6 (Черные подтягивают резервы. Теперь по линии «g» начнут действовать ладьи) 28. Сd3—f1 Лa7—g7+ 29. Кpg1—h1 (К мату ведет 29. Сg2 С:g2 30. Л:g2 Фe1×) 29...Кh5—g3+! 30. h2:g3 Сh3—g2++

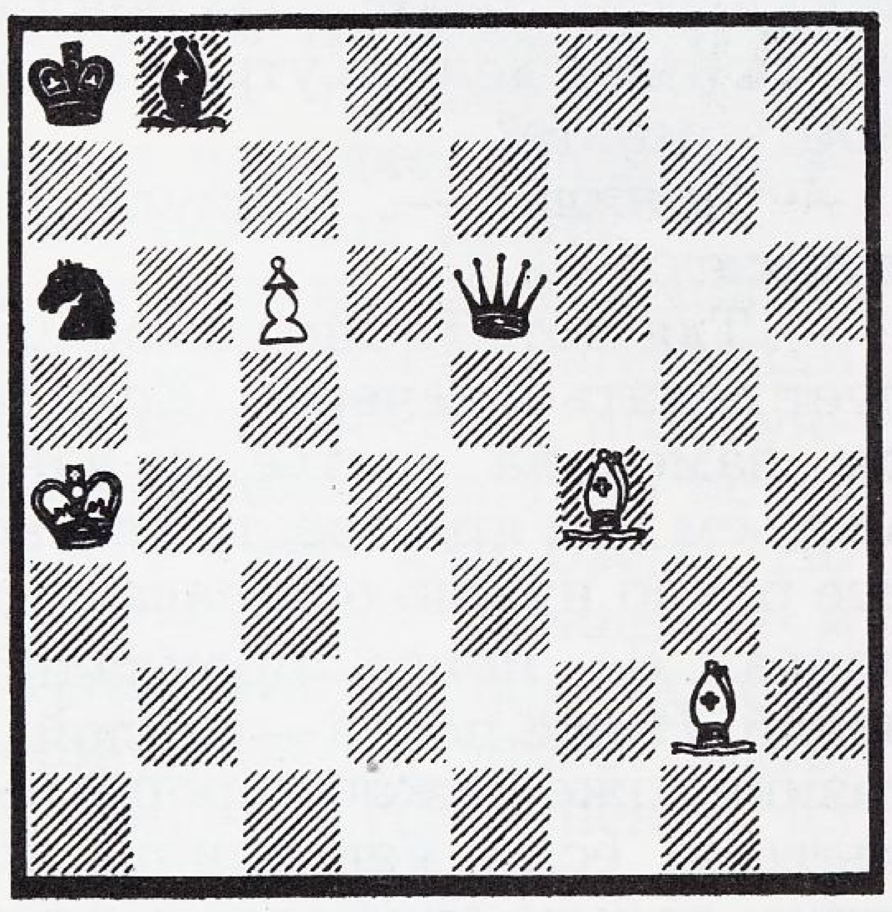


Диаграмма № 1.

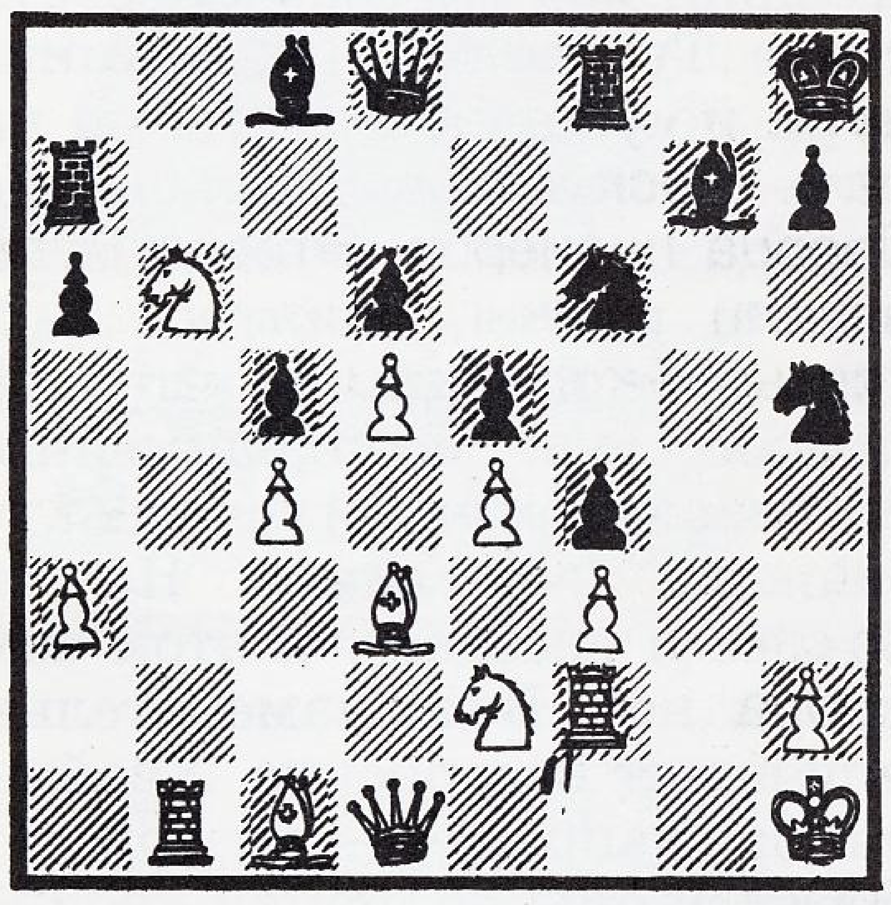


Диаграмма № 2.

Красивый и неожиданный финал. Двойной шах кладет предел сопротивлению белых. Если 31. Кр:g2, то 31...Л:g3 мат, а при 31. Кph1 к мату ведет 31...Фh1. Поэтому Женя признал себя побежденным.

Рассказывает чемпионка СССР

Только пятнадцать лет ученице 13-й средней школы города Фрунзе Светлане Матвеевой, а она уже чемпионка СССР, участница зонального турнира, определяющего претендентку на шахматную «корону» мира.

Светлана научилась играть в шахматы, когда ей было семь лет. Первыми учителями были папа и старший брат Сергей.

«Я играла в школьных турнирах, участвовала в соревнованиях клуба «Белая ладья»,— говорит Светлана.— В финальных турнирах этого клуба трижды получала призы журнала «Пионер» за лучшие личные результаты среди девочек.

Шахматы я очень люблю, много изучаю теорию, внимательно анализируя свои партии. Прежде всего те, которые проиграла. Это очень важно — установить причину поражения, найти свои ошибки, чтобы больше никогда их не повторять. Всем ребятам хочу посоветовать обязательно заниматься каким-либо видом спорта. Это очень нужно для воспитания характера, закалки. Лично я агитирую за шахматы, но это — дело вкуса. Другие виды спорта тоже прекрасны».

Наш конкурс

В этом номере журнала три конкурсных задания. С первым вы уже знакомы. Это этюд Бори Чебрадзе.

(Диаграмма № 3)

А вот второе задание конкурса. Найдите, как в этом положении белые дают мат в два хода. Как и обычно в шахматных композициях, игру начинают белые.

(Диаграмма № 4)

А здесь достигается мат в три хода. Несмотря на простоту позиции, найти верный путь к цели совсем непросто.

Правильные решения судейская коллегия учитывает для получения спортивных разрядов. Десять победителей конкурса получат шахматные книжки и грамоты журнала.

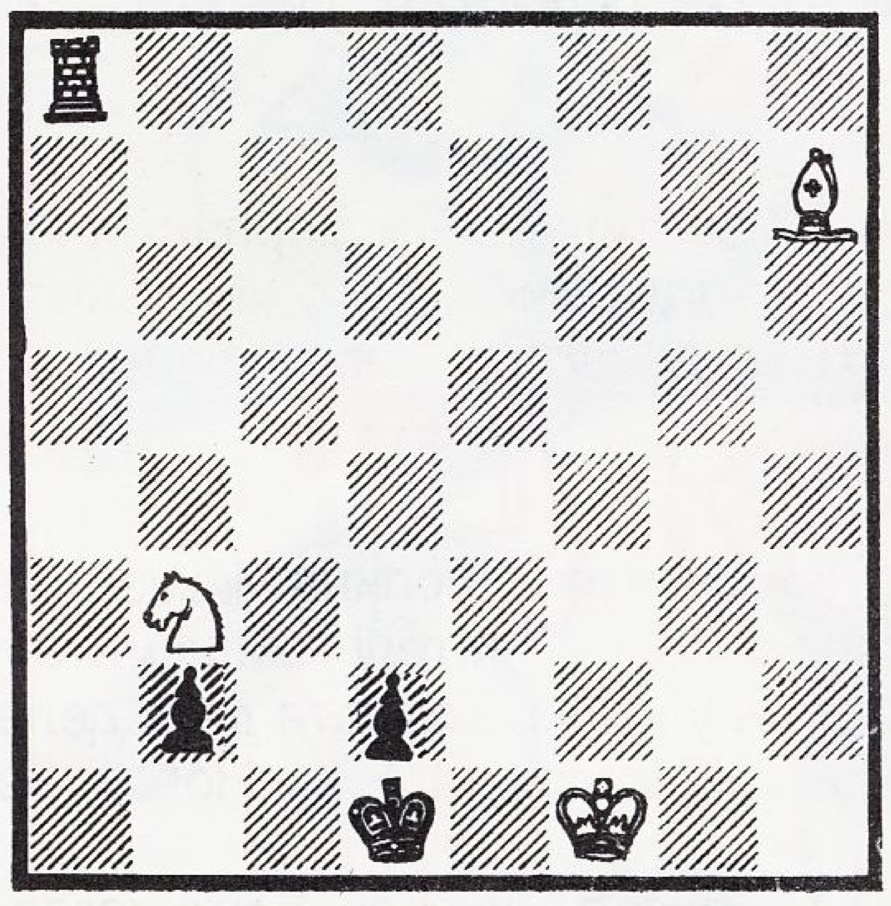


Диаграмма № 3.

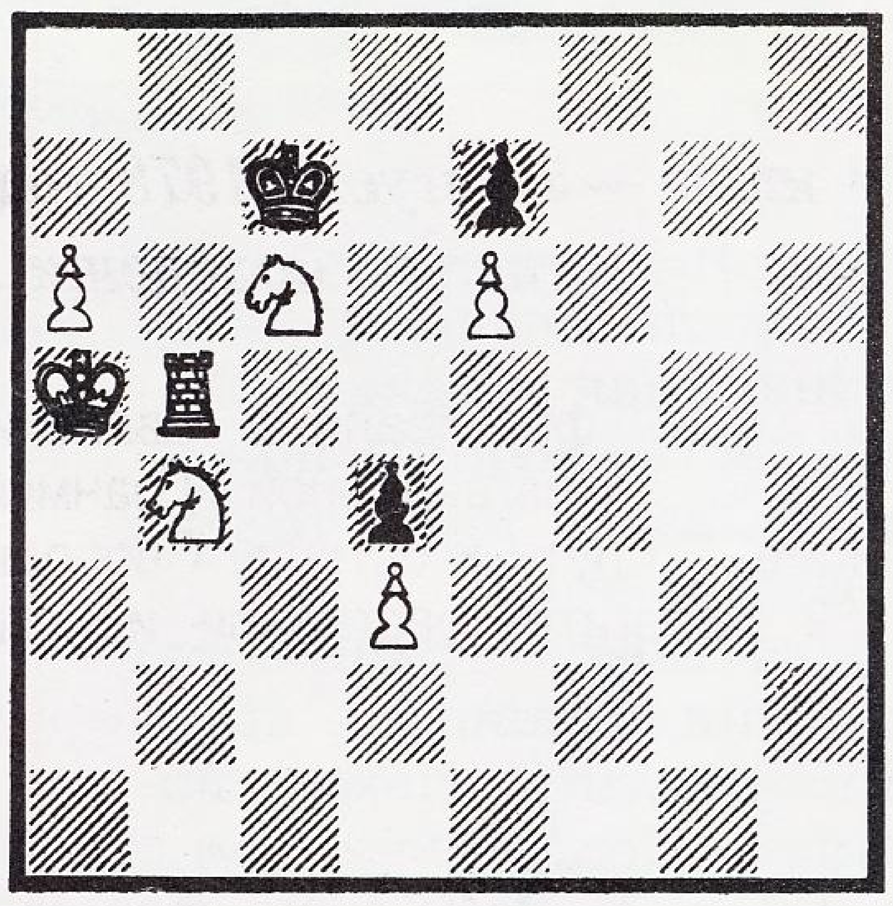
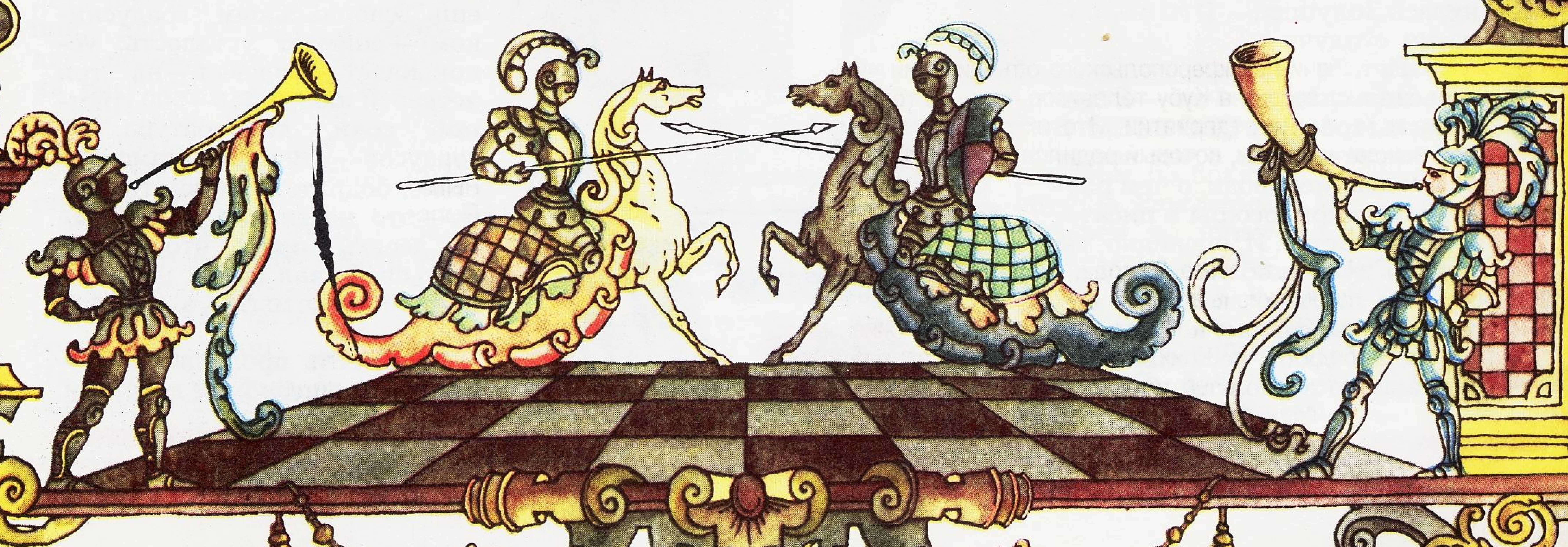


Диаграмма № 4.



Странички для девочек

БЕГ ЗА СЧАСТЬЕМ

— Каникулы, — сообщила Золушка.

— Счастлива? — придирчиво оглядывая ее, спросила Фея.

— Не очень... Зимой думала: вот наступят летние каникулы — умру от счастья. И вот

наступили и... так себе. — Золушка пожала плечами. — Одна моя знакомая девочка говорит, что счастья вообще, наверное, не бывает. Есть только это... покой и воля.

— Прелестные разговоры ведут шестиклассницы в преддверии каникул! С «помощью» Александра Сергеевича Пушкина.

— А вы думаете, мы только об отметках говорим, — усмехнулась Золушка. — Или о тряпках и сундучках?

— Нет, я так не думаю, — серьезно сказала Фея. — Я думаю: вы говорите ОБО ВСЕМ. В том числе и о том, о чем всегда задумывались люди, о чем размышляли философы и писатели, — о счастье. И, очевидно, ты будешь думать об этом не только в шестом классе — всю жизнь... Но сейчас, когда я вижу перед собой несколько подуставшую за долгий учебный год девочку — кстати, об отметках, поздравляю: ты закончила его замечательно, — бледную, не успевшую еще загореть и в довольно кислом настроении, что, впрочем, естественно, если человек устал, — я хочу сказать тебе о другом. О том, что настроение, подъем, состояние духа очень тесно связаны со здоровьем. «В здоровом теле — здоровый дух». Это придумала не я, а древние и очень умные греки. Люди всегда знали: дух и тело взаимно поддерживают друг друга. И, знаешь, прежде чем делать выводы о том, есть счастье или нет, давай решим более простые вещи...

Один замечательный писатель, видишь, мы сегодня то и дело вспоминаем чужие изречения, сказал: «Счастье доставляют, в сущности, очень простые вещи». Например, такие, добавлю я от себя, как солнце, воздух и вода.

— Скажи мне, пожалуйста, по секрету, — попросила Фея, — что ты делала сегодня утром в ванной?

— Что делала? — Золушка задумалась. — Умывалась, чистила зубы — очень тщательно, как вы и советовали... Кажется, все.

— Так. А теперь я тебе скажу, что ты должна делать по утрам, чтобы у тебя было хорошее настроение. Забравшись в ванну с не слишком горячей водой и как следует намылив губку, круговыми движениями разотри ноги и руки, начиная с

пальцев, а потом и все тело, снизу вверх. Пемзой потри пяточки. Ополоснись прохладным душем. И энергично вытрись жестким полотенцем. Делать это надо ЛЕТОМ — ежедневно. Вся процедура занимает не более десяти минут. Еще десять потрать на то, чтобы прибраться в ванной — не оставляй это на маму, — ей и так хватает забот... Ты поняла, что должна делать утром в ванной комнате?

— Поняла, — кивнула Золушка.

— Так вот. То же самое следует делать и вечером. Если же ты заменила мытье в ванне мытьем под краном, то мыться все равно нужно от пояса. И до пояса. До пояса прохладной водой. Ниже пояса — теплой. В тазике тоже можно хорошо вымыться, если нет ванны или душа, только это более хлопотно. Но что делать? Грязь и девочка — это несовместимо. Лучший запах тела — его отсутствие. Туалетная вода, мамины духи не спасут, если ты не нашла времени вымыться. Дезодорант — после мытья, а не вместо мытья, понятно? Я не могу тебе пообещать, что, соблюдая эти необходимейшие требования личной гигиены, ты станешь счастливой. Но что бодрее и веселее — в этом сомнений нет. Вода замечательно улучшает настроение. Хвойная ванна, например, — на три четверти ванны полпачки хвойного экстракта, температура воды 30—35 градусов (измеряешь специальным градусником) — снимает усталость, успокаивает. Солевая — на три четверти ванны 250—500 граммов соли, температура 30 градусов — улучшает самочувствие, бодрит. Но принять ванну — это не значит войти туда на десять минут, чтобы вымыться. Такая ванна не заменяет обычное мытье, это особая процедура.

Вода, если продолжать разговор о волшебном ее действии,

прекрасно закаливает. Контрастный душ — то прохладный, то теплый — или хотя бы контрастные ванночки для ног уберегут от простуды лучше самой теплой одежды. А о том, какое настроение бывает у человека с насморком, говорить не приходится. Пока ты дома, воспользуйся теми преимуществами, которые нам дает обыкновенная вода из-под крана.

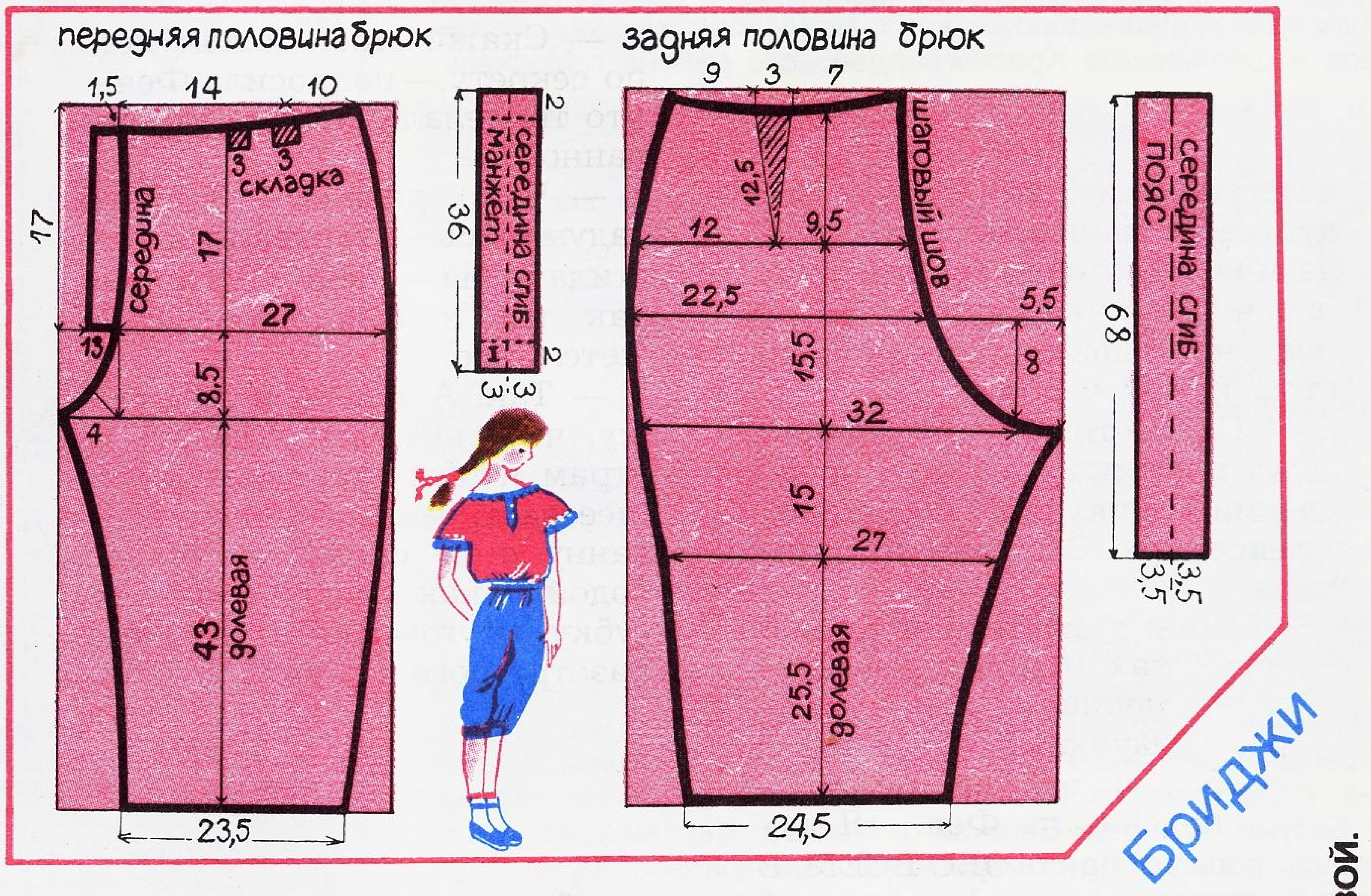
А вот уже когда поедешь на дачу, в пионерский лагерь или в деревню к бабушке, пользуйся вовсю возможностью искупаться в реке или озере. Но разумно — не до посинения и мурашек. И осторожно. Если не умеешь плавать, может быть, тебе помогут упражнения из нашей книжки. Их можно выполнять и на берегу. И в воде. Еще лучше, если бы тебя поучил плавать кто-то из взрослых. Но даже если ты отличная пловчиха, все равно осторожнее. Не будь самонадеянна, не плавай слишком долго и далеко. Вода не только замечательная вещь, но еще и опасная.

Кстати, каникулы открывают перед тобой редкостные возможности. Любимую нами с тобой гимнастику ты можешь теперь делать на свежем воздухе. И я бы построила эти занятия таким образом. Десять минут обычной гимнастики. Если земля мокрая или холодная, делаешь только те упражнения, которые выполняются стоя. А потом, когда мышцы после гимнастики уже разогреты,— БЕГ.

Бегать будем так. Двести метров — трусцой. Трусцой — это значит мышцы рук и туловища расслаблены. Затем три минуты спокойной ходьбы. Потом быстрый бег. И пять минут спокойно пройтись. И опять двести метров — трусцой. И наконец, в спокойном темпе — домой. Сразу после бега никогда не садись. И, разумеется, не ложись.

Вообще, если ты пролежишь лето в гамаке или, того хуже, на диване, будет очень жаль. Больше играй в волейбол, теннис, бадминтон, купайся. И вот через месяц, когда ты набегаешься, надышишься лесным воздухом, накупаешься, мы с тобой встретимся и поговорим... О счастье, разумеется.

И Фея исчезла, мгновенно и бесследно, как и полагается всякой приличной фее. Но зато осталась записка: «Это тебе. Счастливого бега!» Лежала эта записка, разумеется, на Золушкином сундучке.



Бриджи — короткие брюки, чуть ниже колена, собранные внизу на манжете. Это очень удобная и модная вещь. Для лета подойдут плащевка, хлопок, для прохладной погоды — вельвет, шерсть. Выкройка рассчитана на окружность талии 65 см, бедер 86 см при росте 164—168 см. Для этой модели нужно 80 см ткани при ширине 140 см.

Перед раскроем ткань не забудь тщательно отутюжить. На швы нужно прибавить: по линии талии 2 см, по низу 3 см, по бокам и шаговому шву 1,5 см. Начинаем шить. 1. Застрочим вытачку и складочки. 2. Сошьем заднюю половинку брюк по шаговому шву и переднюю до звездочки. Швы разгладим. 3. Вошьем «молнию». 4. Боковые и внутренние швы наметим и сделаем примерку. Затем пристрочим их на машинке и разгладим. 5. Манжету сложим по линии сгиба наизнанку, простучим по бокам и вывернем налицо. Разгладим. 6. Низ брюк соберем на нитку до 34 см и пришьем манжету. 7. Пояс делаем так, как и манжету, и пришиваем к верху брюк. Остается пришить пуговицы и прометать для них петли на поясе и на манжетах.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Закончился Всесоюзный конкурс юных филателистов «Навстречу фестивалю», объявленный журналом «Пионер» и Правлением Всесоюзного общества филателистов. Жюри под председательством летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза Льва Степановича Демина подвело итоги.

ГЛАВНЫЕ НАГРАДЫ ЖЮРИ

ЗА КОЛЛЕКТИВНЫЕ РАБОТЫ дипломами Правления ВОФ и призами журнала «Пионер» награждаются:

Клубы юных филателистов: имени Ю. А. Гагарина Жигулевского Дома пионеров Куйбышевской области, Калининской школы-интерната Единецкого района Молдавской ССР, «Эврика» Дворца пионеров и школьников имени Н. К. Крупской г. Новокузнецка Кемеровской области, средней школы № 899 г. Москвы, детской библиотеки № 6 г. Вологды, средней школы № 49 г. Запорожья, Дворца пионеров и школьников г. Актюбинска, Дворца пионеров и школьников г. Кудымкара Пермской области, средней школы № 12 г. Читы, средней школы № 69 г. Москвы.

ЗА ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАБОТЫ грамотами журнала «Пионер» и призами Правления ВОФ награждаются:

Шморгунов Сергей, г. Москва, Ершов Андрей, г. Актюбинск, Теплухин Федор, г. Москва, Тагирова Ирина, г. Казань, Шуструйская Виктория, станица Старогладковская Чечено-Ингушской АССР.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАГРАДЫ ЖЮРИ

Дипломами Правления ВОФ и призами журнала «Пионер» награждаются: клубы и кружки юных филателистов республиканского Дворца пионеров и школьников г. Грозного, Дома комсомольцев и школьников Бабушкинского района г. Москвы, Дома пионеров и школьников г. Фурманова Ивановской области, ЖКО завода «Красный молот» г. Грозного, Дома пионеров и школьников поселка Карсун Ульяновской области, Дома пионеров и школьников г. Бердянска Запорожской области, «Вяселка» светлогорского производственного объединения «Химволокно» Гомельской области, школы № 233 г. Капустин Яр Астраханской области, Дворца культуры железнодорожников г. Новосибирска, Дома пионеров и школьников Красногвардейского района г. Москвы.

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ НАГРАДЫ ЖЮРИ

ЗА КОЛЛЕКТИВНЫЕ РАБОТЫ грамотами журнала «Пионер» и призами Правления ВОФ награждаются клубы юных филателистов: Морозовской школы № 1 Ленинградской области, Дома пионеров и школьников поселка Силикатный Ульяновской области, «Контакт» Дворца культуры Новочеркасской ГРЭС Ростовской области; «67-я параллель» Дворца пионеров и школьников г. Воркуты, «Факел» Дома пионеров и школьников г. Светлогорска Гомельской области, Дворца пионеров и школьников г. Херсона, Матвеевской средней школы Запорожской области, Дома пионеров и школьников Брежневского района г. Москвы, «Журавлик» Дома пионеров и школьников г. Лунинец Брестской области, «Поиск» Дома пионеров и школьников г. Глухова Сумской области.

ЗА ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАБОТЫ грамотами журнала «Пионер» и призами Правления ВОФ награждаются: Крегель Светлана, г. Хабаровск, Ермоленко Татьяна и Марина, г. Светлогорск Гомельской области, Цоцонава Нугзар, г. Батуми, Ковалев Евгений, г. Москва, Картамышев Александр, поселок Кантемировка Воронежской области, Черных Виктория, г. Братск Иркутской области.

Большая группа КЮФов и юных филателистов награждена филателистическими сувенирами, грамотами журнала «Пионер» и дипломами Правления ВОФ.

Поздравляем победителей и всех ребят, принявших участие в конкурсе.

Жюри конкурса

СОДЕРЖАНИЕ

Баллада о мире.— Стихотворение Е. Благининой. Рисунок В. Федорова .... II обл.
Всесоюзному пионерскому лагерю «Артек» — 60 лет
Голубое небо, ласковое солнце, прекрасный «Артек».— Рисунки А. Борисова 1
Навстречу XII Всемирному 3, 6, 19, 24, 60
Отряд говорит с отрядом.— Рисунки А. Вовиковой 4
Его среди нас нет...— Повесть С. Иванова. Рисунки М. Лисогорского 7
Скажем лету. Лес. Бабушка вяжет. Полдень у речки.— Стихи В. Приходько. Рисунок Ю. Карповой 20
«Мой друг! Весь день я с ними...».— В. Порудоминский 21
Есть за Камчаткой острова.— В. Иванов. Рисунки Л. Хачатряна 25
Об «Артеке» и артековцах.— В. Рыбинский 29
Созвездие «Артек».— О. Ремез. Фотографии М. Гостюжева 30
«Кораблик» 34
Голубая рапсодия.— Главы из новой книги А. Маркуши. Рисунки Н. Ермолаева 36
Вдруг прозвучит тревога...— М. Матвеева. Фотографии А. Кондратьева 44
К 180-летию X. К. Андерсена
Смешной мечтатель.— Н. Соломко. Рисунок Л. Хачатряна 46
Моя любимая собака.— Е. Плетнева 46
Золотая полка 48
Переменка .... 49, III обл.
Сказка о том, как девочка Маша работала геологом в геологической экспедиции.— Э. Успенский. Рисунки А. Дугина 50
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Рисунок Н. Доброхотовой 60
100 советов Золушке 62
Итоги конкурса «Навстречу фестивалю» 64
Вот что такое «Артек»! — Музыка Ю. Чичкова, стихи М. Пляцковского .... IV обл.

На обложке:
Всем! Всем! Добрый день! «Артеку» — 60 лет.— Рисунок А. Борисова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1985.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.04.85.
Подписано к печати 17.04.85. А 05593. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1662 000 экз. Изд. № 1120. Заказ № 577.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

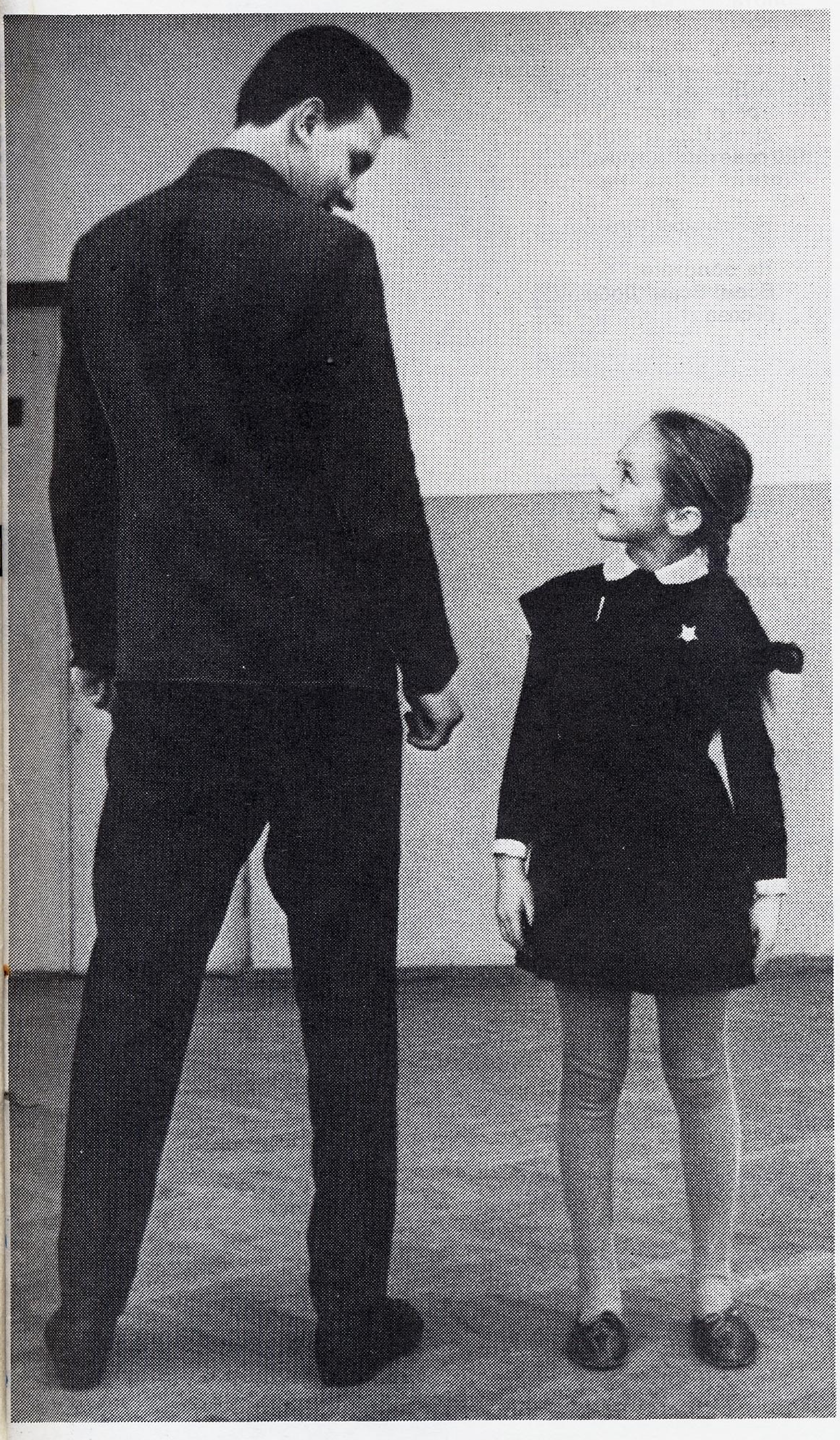
Переменка

«ПОДСМОТРЕЛИНКИ»

Эти забавные картинки подсмотрел и зафиксировал на фотопленке человек, который в самых обычных вещах умеет увидеть смешное. Его зовут Игорь Гневашев. Он принес нам эти снимки и сказал: «Вот что мне удалось сфотографировать. А вы теперь подумайте, какие подписи можно сделать под этими фотографиями, но только обязательно такие, чтобы все, читая их, улыбнулись...»

Мы же думали-думали и решили подписать эти снимки так...

— Скажите, пожалуйста, какая там у вас, наверху, погода? Такая же, как у нас здесь, внизу?



— Ну, было дело: нарвал я цветы в чужом саду. Так я же хотел учительницу обрадовать — букет ей преподнести. А вместо этого одни неприятности. Что теперь делать — ума не приложу!

— Если у тебя две бабушки, два дедушки, мама, папа и старшая сестра, если все они считают, что ребенка нужно усиленно питать и каждый подсовывает свое любимое блюдо — попробуй угоди всем, когда и так уже сыта по горло...

А теперь, ребята, мы обращаемся к вам с предложением. Пусть те из вас, кто умеет фотографировать, посмотрят вокруг себя глазами людей, обладающих чувством юмора (а таких, мы уверены, большинство), и пришлют нам забавные, веселые снимки с забавными и веселыми подписями к ним. Если фотографии будут оригинальны, а подписи остроумны, мы обязательно опубликуем их в «Переменке».

Не теряйте времени, приступайте к поискам фотоулыбок.

6/5 77

Вот что такое Артек!

Музыка Ю. **ЧИЧКОВА**,
лауреата Государственной премии СССР
и премии Ленинского комсомола.

Слова М. **ПЛЯЦКОВСКОГО**.

Как тебе про Артек рассказать?
На рассвете красив он и днем.
Даже если испишешь тетрадь,
Все равно не расскажешь о нем.

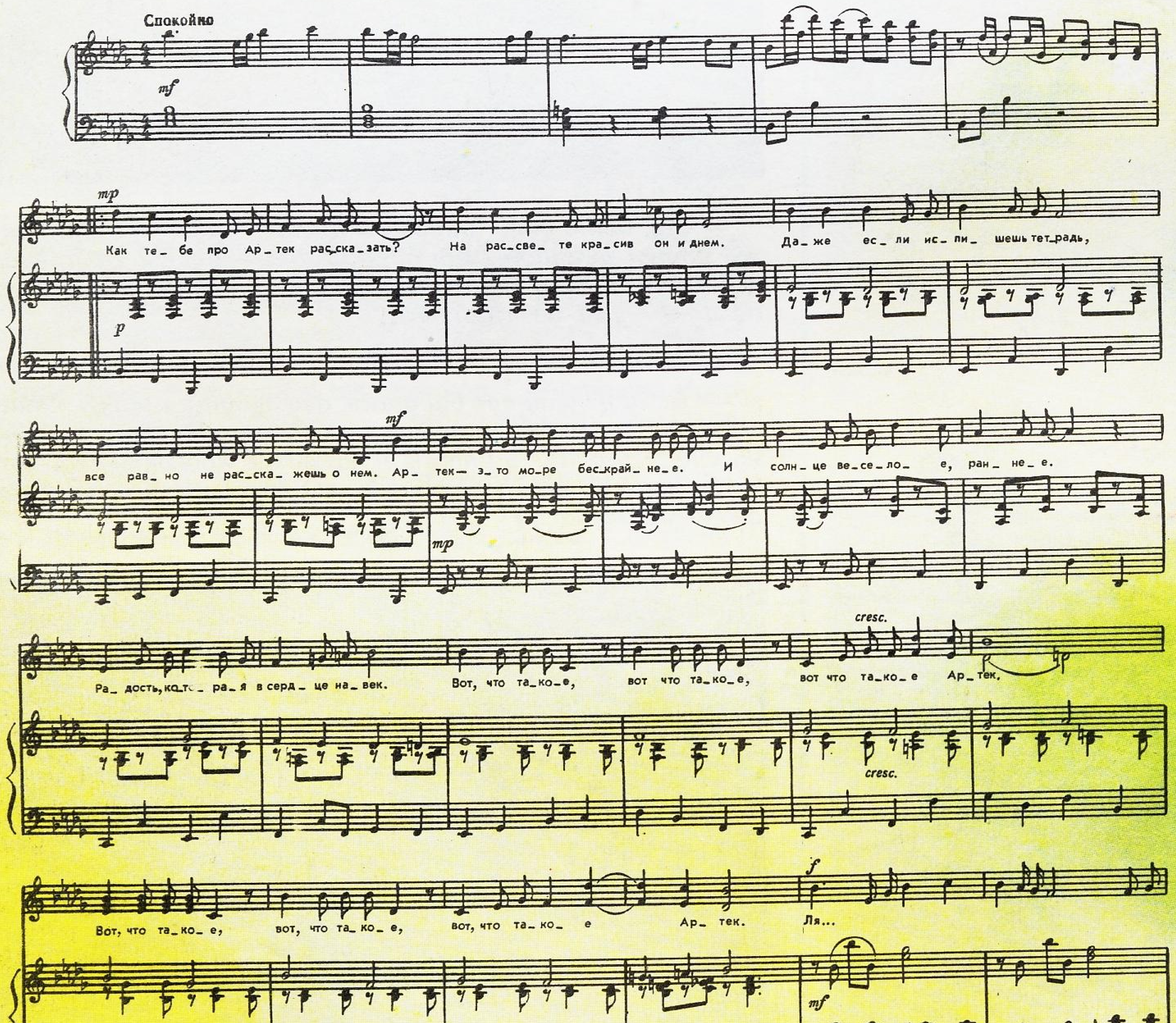
Припев:
Артек — это море бескрайнее
И солнце веселое, раннее.
Радость, которая в сердце навек,
Вот что такое,
Вот что такое,
Вот что такое Артек!

Как тебе про Артек рассказать?
Это песня над синей волной.
Где слова мне волшебные взять,
Чтоб Артек получился цветной?

Припев.

Как тебе рассказать про Артек?
Это звездная детства пора,
Это дружба и память о тех,
С кем кружились при свете костра.

Припев:
Артек — это море бескрайнее
И солнце веселое, раннее.
Радость, которая в сердце навек,
Вот что такое,
Вот что такое,
Вот что такое Артек!



ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.